МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

**ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
LI

№ 3-4
июль-декабрь 2019

ТАШКЕНТ
2020

По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИЯ,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа

Главный редактор
Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор
Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет
Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН
Протоиерей Сергий СТАЦЕНКО
Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ
Валерий ГЕРМАНОВ
Роман ДОРОФЕЕВ
Татьяна КОТЮКОВА
Вадим МУРАТХАНОВ
Рубен НАЗАРЬЯН
Екатерина ОЗМИТЕЛЬ
Кирилл СУЛТАНОВ
Алексей УСТИМЕНКО
Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 2: Свято-Успенский кафедральный собор, Ташкент, 1960-е – 1970-е годы; прот. Георгий Касперский (С. 64).

Стр. 3: Концлагерь Ясеновац (С. 7).

Восток Свыше. 2019, № 3-4 (LI)
Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

© Ташкентское и Узбекистанское Епархиальное управление Русской Православной Церкви
© Журнал «Восток Свыше»

...Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Наталья ЕМЕЛЬЯНОВА. Прихожане 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*
Ясеновац. 75 лет преставления новомучеников Ясеновацких, пострадавших в 1944 году (31 августа 1944) 7

Новостные страницы *иеромонаха Михаила (СТОЛЯРОВА)*
Почитаемые святыни, содействие изучению русского языка и другие новости 17

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Тема: Среднеазиатские архиереи

Дмитрий ПАВЛОВ. Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова) 20

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Павел НАЗАРОВ. Погоня по Средней Азии. *Отрывок из воспоминаний* 41

Ефрем РЯБОВ. Убегая от наивных чекистов.
О воспоминаниях Павла Назарова 51

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О вере и неверии 57

Тема: Проповеди среднеазиатского духовенства (1950-е – 1970-е годы)

Архиепископ Ермоген (Голубев): «Стоять на страже своей души...»
Предисловие и публикация Ольги БОРИСОВОЙ 61

«...Последовать стопам Его». Три речи протоиерея Георгия Касперского.
Публикация, предисловие и примечания Евгения АБДУЛЛАЕВА 64

Иерей Александр КОЛОТОВКИН. Таинства Церкви: Крещение 69

Евангельские страницы *протоиерея Сергия СТАЦЕНКО*
Закон и Завет 75

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Тема: Поэзия и Вера

Лидия СЫЧЕНКОВА. Алексей Миронов и его курс «История христианского искусства» 80

Иерей Сергий КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь». Избранные записи в Фейсбуке последних лет 87

Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА*
Устойчивость чуда 103

ПРОЗА

Ризо АХМАД. Военные рассказы 107

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Тема: Старый Ташкент

Нинель РОСИНА. Ташкент и другие города 127

Иван ИЛЬИН-ГАЛИЦКИЙ. Чурек для блокадного мальчика 157

Авторы номера 187

Содержание журнала «Восток Свыше» за 2019 год 188

Информация для авторов 190

Наталья ЕМЕЛЬЯНОВА

Прихожане

Прихожане приходят.
Приносят свои тела,
Дела,
Привычки,
Приобретённый жизненный опыт.
Прикрывают
Или
Приоткрывают глаза,
Присматриваются к вечности,
Прикладываются к холодному стеклу икон,
Теплеют сердцем.
Приготовляются,
Причащаются.
Прихожане.

Простуженным осенним утром утверждаются,
Спотыкаются,
Стараются.
Души готовят к зиме,
Весне,
Вечности.
Приносят свои тела.
Иногда плачут,
Но чаще...
Яблоня расцвела.

Прихожане.
Ты и я.
Уста.
Глаза.
Душевная темнота.
Пустота.
Если свет, который в тебе, тьма,
То какова же тьма.
Прихожане приходят для,
Из, вопреки, с помощью.
Посреди дня,
Иногда ночью.
Если свет, который во мне, тьма...
Боже, помилуй меня.

Прихожане
Притаскивают себя на аркане,
Прилетают свободными птицами.
Молиться ли,
Поститься ли,
Стремиться
К свету.
Затеплить свечу.
А дальше – плечом к плечу
С ангелом светокрылым.
Прихожане всего мира,
Всем миром и с миром.
Если свет...
Боже, помилуй.

Календарные страницы *главного редактора*

Ясеновац

75 лет преставления новомучеников Ясеновацких, пострадавших в 1944 году (31 августа 1944)

В январе 1929 года бывший депутат Народной скупщины Югославии Анте Павелич, человек с тонкими, плотно сжатыми губами, объявил о создании Хорватского революционного движения Усташей.

Усташи, что означало «восставшие», требовали независимости Хорватии, в те годы входившей в Югославию.

«Усташский долг – воздать за все сполна. Но не равной мерой. Усташи, запомните: за зуб – голову, за голову – десять голов. Так велит усташское Евангелие».

Этот призыв, опубликованный в июне 1932 года в газете «Усташа», «восставшие» осуществляли на практике. Устраивали теракты в армейских казармах, на железных дорогах, нападали на югославских служащих и полицию. 9 октября 1934 года совместно с македонскими боевиками организовали убийство югославского короля Александра I.

6 апреля 1941 года немецкие войска вторглись в Югославию, через четыре дня была провозглашена независимость Хорватии. Еще через два дня поглавником (вождем) Хорватии был объявлен человек с тонкими, плотно сжатыми губами – Анте Павелич.

Были запрещены все политические партии и общественные движения, кроме тех, которые либо были созданы усташами, либо контролировались ими.

Однако своими главными врагами усташи считали сербов. Их на территории Хорватии проживало около двух миллионов – почти треть населения. По языку, внешности и по образу жизни сербы почти не отличались от хорватов. Только вера была другой – православной.

Абазович Митар, серб (1912–1942, Ясеновац)
Абазович Васо, серб (1884–1941, Ясеновац)
Абрамович Никола, серб (1937–1942, Ясеновац)
Абрамович Саво, серб (1938–1942, Ясеновац)
Абрамович Симо, серб (1920–1942, Ясеновац)
Акимович Мика, сербка (1926–1942, Ясеновац)
Акимович Милица, сербка (1921–1944, Ясеновац)
……..

Его звали Вукашин.

Мы не знаем точно его фамилию, его документы не сохранились. Одни считают, что звали его Вукашин Мандрап, что происходил он из купеческого рода, родился в Клепцах на восточном берегу Неретвы, недалеко от Чаплины. Другие утверждают, что фамилия его Тохоль, что родом он из деревни Локве под Чаплиной и семья его была крестьянской.

Как бы то ни было, вырос он в селе, а в молодости подался в Сараево, занимался торговлей, обзавелся семьей, ходил в храм Святых архангелов, состарился. После апреля 1941 года оставаться в городе стало опасно, усташи уже показали себя, но он пробыл в Сараево до лета. Вернулся с семьей в родное село, но и там покоя от новых властей не было. С прочими беженцами ушел в леса. Односельчане какое-то время скрывали от властей его отсутствие, говоря, что Вукашин работает на лесопилке. Когда его схватили? Неизвестно. Многих тогда хватали.

Акимович Милорад, серб (1930–1942, Ясеновац)
Акимович Зорка, сербка (1898–1944, Ясеновац)
Адам Иван, еврей (1922–1942, Ясеновац)
Адам Спасение, серб (1910–1943, Ясеновац)
Адамович Любан, серб (1910–1942, Ясеновац)
Адамович Невенка, сербка (1930–1942, Ясеновац)
Адамович Вишня, сербка (1939–1942, Ясеновац)
……..

Первые усташские рейды по сербским городам и селам прошли почти сразу после провозглашения независимой Хорватии. Осуществляли их местные активисты-усташи – часто даже не дожидаясь директив из Загреба.

28 апреля 1941 года, под предлогом наказания за убийство двух усташей (причина которого так и осталась невыясненной), в селе Гудовац близ Беловара были расстреляны около 200 сербов.

9 мая 1941 года в Благае, в качестве мести за убийство мельника-хорвата, были убиты более 400 сербов; родственникам сообщили, что их увезли на работу в Германию.

На авиационном поле между Свийцей и Ливно были брошены в цистерны и засыпаны негашеной известью 280 сербов.

Трупы сербов сбрасывали в воды Дрины, Дравы и Савы, чтобы они, плывя вниз по течению, достигли Сербии. К некоторым прикреплялись таблички. «Паспорт для Белграда». «В Белград королю Петру».

«Одну часть сербов мы уничтожим, другую выселим, остальных переведем в католическую веру и превратим в хорватов. Таким образом, скоро затеряются их следы, а то, что останется, будет лишь дурным воспоминанием о них. Для сербов, цыган и евреев у нас найдется три миллиона пуль».

Так сформулировал план решения «сербского вопроса» 22 июня 1941 года заместитель Павелича, министр культуры Будак.

По всей Хорватии создавались концентрационные лагеря.

Одним из них станет Ясеновац.

Адилагич Адил, босниец (1916–1945, Ясеновац)
Аднадевич Любинка, сербка (1918–1945, Ясеновац)
Адольф Леон, еврей (1897–1941, Ясеновац)
Адрибожич Стево, серб (1926–1944, Ясеновац)
Аджага Драгутин, серб (1901–1942, Ясеновац)
Аджич Богдан, серб (1927–1942, Ясеновац)
Аджич Бранка, сербка (1939–1942, Ясеновац)
……

Его звали Вукашин.

Мы не знаем точно, как он выглядел, его фотографии не сохранились.

Его пригонят в этот лагерь с красивым поэтичным названием – Ясеновац, «Ясеневый». У лагерей смерти в ту войну были поэтичные названия. Бухенвальд – «Буковый лес». Аушвиц-Биркенау – «Аушвиц-Березовый».

Лагерь заключенные строили сами. Поначалу это был один лагерь, рассчитанный на четыре тысячи заключенных. Но их все подвозили и подвозили, особенно сербов. Тогда их заставили строить Ясеновац-Два, неподалеку, на берегах Савы и Струга. В ноябре 1941-го реки затопили лагерь, и узников заставили строить новый, Ясеновац-Три. Эта стройка была самая тяжелая. Стояли холода, от недоедания люди ослабли. Около 650 заключенных не смогли выполнять тяжелые работы, и их убивали молотами и топорами.

Потом были построены еще два лагеря, Ясеновац-Четыре, в самом Ясеноваце, и Ясеновац-Пять, в Старе Градишке. А места все равно не хватало. Лагерное начальство нашло выход – часть прибывших уничтожали сразу. Особенно детей: их нельзя было использовать на тяжелых работах, а кормить приходилось.

«Что вы делали с детьми?» – спросили начальника лагеря на суде в 1948 году.

«Слабых мы отравляли. – Как? – Заводили их… и пускали газ».

В декабре 1941 года лагерь посетили иностранные журналисты. Перед этим были отобраны четыреста детей, от четырех до четырнадцати лет. Их поселили в особый, чистый барак, где преподаватели из числа других узников учили их читать, писать и петь. Через четыре дня после отъезда журналистов дети и их преподаватели были убиты.

Всего за время существования Ясеновацкого лагеря в нем было уничтожено более двадцати тысяч детей, из них более тринадцати тысяч – сербских.

«Прошу в качестве смягчающего обстоятельства указать, что я убивал преимущественно детей, – скажет на суде один из ясеновацких начальников, бывший францисканский монах Мирослав Майсторович. – А кто может утверждать, что из детей выросли бы хорошие люди?».

Аджич Драголюб, серб (1939–1942, Ясеновац)
Аджич Душан, серб (1932–1944, Ясеновац)
Аджич Вида, сербка (1936–1942, Ясеновац)
Аджич Вукосава, сербка (1939–1942, Ясеновац)
Аджан Никола, хорват (1906–1945, Ясеновац)
Агарович Хасиб, босниец (1914–1942, Ясеновац)
Агбаба Лука, серб (1891–1942, Ясеновац)
……

Католическое духовенство помогало усташам еще до их прихода к власти. Несколько католических монастырей Хорватии, францисканские и иезуитские гимназии, теологический факультет Загребского университета. Здесь усташи проводили свои встречи, собрания, вербовали активистов и обучали их методам борьбы.

«Хорватский народ был рабом старой Югославии, – заявит в 1946-м году на судебном процессе архиепископ Алоизие Степинац. – Хорватам позволялось достигать высокого звания в армии или становиться дипломатом только при условии, если они меняли религию или женились на женщине другой веры».

Насильно в православие в Югославии, однако, никого не обращали.

Но усташское «евангелие» требовало: «за зуб – голову, за голову – десять голов». Так усташи и будут действовать, придя к власти.

В июне 1941 года в сербском селе Будимцы католический священник Сидоние Шольц заявлял крестьянам, что «тот, кто собирается жить в хорватском государстве, должен быть хорватом, а для этого надо креститься»; а кто будет противиться, он отправит в Ясеновац...

«В этой стране, – обращался к сербам в другом селе капеллан Дионишич, – не может жить никто, кроме хорватов, и кто не перекрестится, не может жить».

«Видите, – проповедовал сербам священник Антун Джурич, – как сербские трупы плывут по рекам в Белград? Так будет с каждым, кто чувствует себя сербом».

В 1943 году архиепископ Степинац докладывал в Ватикан о том, что две тысячи четыреста православных сербов обращены в католичество.

Архиепископ Степинац, впрочем, пару раз выступит против насильственного обращения. Недоволен он, правда, был больше тем, что перекрещиванием сербов занимается светская власть, а не его церковь. Крестившие сербов священники (а в рядах усташей было более двенадцати тысяч католических священников и монахов) подчинялись не столько епископам, сколько своим усташским командирам. Это двоевластие и раздражало загребского архиепископа. 17 ноября 1941 года на епископской конференции под его председательством была принята резолюция, в которой говорилось, что никто, кроме церкви, не имеет права направлять «миссионеров» для обращения «греко-восточных» сербов в католицизм.

Резолюция была разослана всем католическим приходам, но на усташей не повлияла. Павелич и его окружение часто общались с архиепископом и знали его цели.

Нет, режим усташей не был «католической диктатурой», как позже будут утверждать некоторые сербские историки. Но в желании уничтожить в Хорватии православную веру позиции архиепископа и тонкогубого поглавника вполне совпадали.

Православие, писал в своем дневнике Степинац, «это величайшее зло в Европе, даже большее, чем протестантизм. В нем нет морали, нет принципов, нет правды, нет справедливости, нет честности».

Еще перед приходом усташей к власти он заявлял, что «идеальнее всего» для сербов было бы вернуться «к вере своих дедов, то есть, склонить главу перед наместником Христа, Святым Отцом». То есть – римским папой.

«Тогда, – добавлял он, – мы сможем спокойно вздохнуть в этой части Европы, в чьей истории византинизм сыграл такую ужасную роль».

«Верой дедов» у сербов Степинац считал католичество, а их православие объяснял досадной исторической случайностью, влиянием «византинизма».

Этот тезис повторит 23 февраля 1942 года и усташский министр юстиции Мирко Пук: в средние века часть хорватского народа из-за «террора греко-восточных попов» и более привилегированного, в сравнении с католиками, положения православных в Османской империи перешла в православие. Теперь же пришло время вернуть их к «дедовой вере».

Были убиты 157 православных священников, включая трех епископов; 327 высланы из страны; оставшиеся в Хорватии двенадцать священников и два епископа были вынуждены скрываться. С мая по сентябрь 1941 года были закрыты все православные школы, конфисковано церковное имущество – часть его была передана католической церкви. Были разрушены десятки православных церквей, запрещено само понятие «сербская православная церковь»; вместо него требовалось говорить: «греко-восточная вера».

Тех сербов, кто отказывался принять католичество, отправляли в Ясеновац. Отправляли туда и евреев и цыган – выполняя «обязательства» перед Германией. И отдельных боснийских мусульман и хорватов, заподозренных в нелояльности.

…Один из заключенных в Ясеноваце спросил охранника-усташа, который каждый вечер перед сном творил крестное знамение, не боится ли он суда Божьего?

«Я прекрасно знаю, что я буду гореть в аду, – ответил тот, – но, по крайней мере, я буду гореть во имя Хорватии!».

Агбаба Сима, серб (1926–1942, Ясеновац)
Агич Душан, серб (1940–1942, Ясеновац)
Агич Грозда, сербка (1938–1942, Ясеновац)
Агич Владимир, серб (1912–1941, Ясеновац)
Ахметович Хашим, цыган (1897–1942, Ясеновац)
Ахметович Осман, цыган (1915–1942, Ясеновац)
Аянович Мустафа, босниец (1901–1945, Ясеновац)
……..

Его звали Вукашин.

Мы не знаем точно, какова была его жизнь в лагере, свидетельств о ней почти не сохранилось. Кроме одного, принадлежащего одному из немногих выживших узников Ясеноваца, лагерному врачу Недо Зецу. Он записал рассказ надзирателя Жилы Фригановича. Приведем его запись.

«Когда я вошел в комнату, Жила сидел с растрепанными волосами, налитыми кровью глазами и пьяным отупением на лице. На столе стояла наполовину выпитая бутылка ракии и несколько стаканов. “А, доктор, ты пришел. Садись на тот стул, и если хочешь, можешь налить себе ракии”, – сказал он.

Мы остались одни в комнате. <…>

“Ты знаешь, доктор, что я могу тебя зарезать, как барана, и никому за это не отвечу?”

“Знаю”, – коротко ответил я. <…>

“Знаешь, доктор, почему я позвал тебя сегодня? Понятно, не знаешь. Не бойся, я не убью тебя. Ты должен пообещать мне помочь”.

“Что могу сделать, я сделаю”. <…>

Он снова замолчал, выпил стакан ракии и продолжил:

“Помнишь, в августе Йере Маричич послал около четырех тысяч на бойню? Тогда мы – Перо Брзица, Зринушич, Шипка и я – поспорили, кто за ночь больше перебьет. Уже через час я был впереди по числу убитых.

Никогда в жизни я не испытывал такого блаженства, и через несколько часов я заколол тысячу сто человек, а остальные – не больше чем триста-четыреста каждый.

В этом восторге я случайно отвел взгляд и заметил старого крестьянина, спокойно глядевшего, как я убиваю. <…> Я пошел к этому крестьянину и узнал, что он некий Вукашин из деревни Клепац около Чаплины, что всех, кроме него, поубивали, а его отправили в Ясеновац. Он говорил все это с каким-то спокойствием, которое поразило меня сильнее, чем все, что творилось вокруг. <…>.

Я вывел его и поставил на пень и приказал ему крикнуть: “Да здравствует поглавник Павелич!”, а если он не закричит, я отрежу ему ухо. Вукашин молчал. Я отсек ему ухо. Он не проронил ни слова. Я снова сказал ему, чтобы он кричал: “Да здравствует Павелич!”, иначе отсеку ему другое ухо. Он молчал: я отрезал и другое ухо. “Кричи: “Да здравствует Павелич!”, или я отрежу тебе нос!”. И когда в четвертый раз я приказал ему кричать: “Да здравствует Павелич!”, угрожая вырезать из груди сердце, он посмотрел на меня… и медленно и отчетливо сказал: “Делай, дитя, свое дело”.

Эти слова так взбесили меня, что я вскочил и выколол ему глаза, вырезал сердце, перерезал горло от уха до уха и столкнул его в яму.

Но потом что-то сломалось во мне, и в ту ночь я уже не мог убивать. Перо Брзица победил, он убил тысячу триста пятьдесят заключенных, и я молча отдал ему выигрыш».

«После этого чудовищного признания, – продолжает Недо Зец, – Жила внезапно замолчал, тупо уставился вдаль. <…> Он вскочил с кресла и упал передо мной на колени. Он схватил мою руку и начал целовать ее. От удивления я не сразу смог понять из его рычания, что он говорил:

“Доктор, Богом молю, помоги мне! Я знаю, что я трус, и я не могу справиться с этой мукой одним выстрелом из револьвера. Резня, пытки и самые жестокие издевательства – ничего больше не помогает мне, и исповедь и молитва лагерного монаха Брекала мне тоже больше не помогают. Ни бабы, ни выпивка, ни гулянки, ничего не помогает. Мне назначили медицинское обследование, меня должны комиссовать. Ты будешь там как доктор и дашь свое заключение. Доктор, прошу тебя, отправь меня куда-нибудь отдохнуть, на воды, может, я там успокоюсь... <…> Я стал много пить, но это помогает ненадолго. За бутылкой, особенно по вечерам, у меня часто появляется внезапный голос: “Делай, дитя, свое дело!”».

Айваз Божидар, серб (1921–1941, Ясеновац)
Айваз Дмитрие, серб (1930–1941, Ясеновац)

Аксен Адольф, еврей (1897–1942, Ясеновац)
Акшан Илия, серб (1921–1943, Ясеновац)
Алаша Дрена, сербка (1940–1942, Ясеновац)
Алавук Драгинья, сербка (1910–1942, Ясеновац)
Алавук Драгоя, серб (1939–1942, Ясеновац)
……

«Освенцим, – пишет современный хорватский прозаик Меленко Ергович, – был тайной, о которой в Берлине и Мюнхене не имели представления. Простые немцы, конечно, замечали, что у них бесследно пропадают соседи, и должны были понимать, что их исчезновение означает только одно – смерть, но, в отличие от хорватов, они не знали, *где* умирают их соседи, а о Ясеноваце все знали всё».

Знали – и вели себя по-разному. Кто-то из хорватов, рискуя жизнью, помогал сербам. Кто-то просто сочувствовал.

А кто-то, как архиепископ Алоизие Степинац…

Он не был бесчувственным чудовищем, этот худощавый прелат с узким длинным лицом и орлиным носом. Он даже поучаствует в спасении от концлагеря нескольких евреев. Осудит в двух-трех проповедях – нет, конечно, не весь усташский режим, но отдельные стороны.

Он даже напишет Павеличу пару личных писем: выразит свою озабоченность. В одном упомянет Ясеновац – после того, как там были казнены пять словенских священников. Разумеется, католических; гибель десятков «греко-восточных» архиепископа не интересовала. «Это позорное пятно и преступление, которое вопиет в отмщенье к небесам, так как весь лагерь Ясеновац является позорной ошибкой для Независимого Государства Хорватия».

Но все это были личные письма, которые никто, кроме Павелича, не мог прочесть (вопрос, читал ли их сам Павелич).

А еще нужно было постоянно отчитываться перед Ватиканом. О, эти мучительные объяснения в Ватикане… Там хорошо знали о том, что происходит в Хорватии.

Как позже вспоминал будущий архиепископ, а в те годы – архимандрит Иоанн (Шаховской), служивший в Германии: «Была также попытка с моей стороны, во время войны, осведомить Ватикан через баварского кардинала Фаульхабера о начавшемся гонении на Православную Церковь в Хорватии и мученичестве православных сербов в Хорватии. Я имел достоверные сведения о совершавшемся в нововозникшем хорватском государстве погроме православных священников и церквей. Православных сербов хорваты убивали и изгоняли из родных селений, причем усташам Павелича в этом деле помогала – говорим это со скорбью – и часть римо-католического клира в Хорватии... В начале этого похода против Православия я поехал в Мюнхен и через одну немецкую семью, близкую к кардиналу Фаульхаберу, передал ему все, что знал о положении в Хорватии, за достоверность чего ручался, и просил его без промедления сообщить это в Рим. Просил передать, что Римская Церковь имеет силу и призвана возвысить свое слово. И если она не остановит своих пастырей и мирян, обезумевших от бесчеловечия, – следствия этого будут тяжки и для самой Римской Церкви».

Ватикан так и не «возвысил свое слово», хотя о положении православных сер-

бов в Хорватии сообщали и представители югославского правительства в изгнании. Архиепископ Степинац, чье мнение было тогда запрошено, назвал все это «вражеской пропагандой».

Не Ватикан и не загребский архиепископ заставят в сорок втором Павелича несколько ослабить геноцид сербов: на него надавили из Берлина. Там знали цену и режиму своего ставленника, и его попыткам провозгласить хорватов «арийцами»; в Берлине знали, *кто* настоящие арийцы. А созданные усташами лагеря смерти вызывали омерзение даже у генерала Глайзе фон Хорстенау, полномочного представителя Гитлера в Хорватии. «Величайшее из всех зол – Ясеновац, вид которого не вынес бы ни один простой смертный», – писал после посещения лагеря генерал. А ему было с чем сравнивать.

Двигал Берлином, разумеется, не гуманизм. Геноцид сербов спровоцировал рост партизанского движения, с которым Павелич, без немецких войск, не мог справиться. В Берлине желали скорейшего «замирения» Хорватии, чтобы перебросить свои войска в Россию, на фронт.

В начале 1942 года германское посольство в Загребе получило задание оказать давление на Павелича, чтобы тот несколько пересмотрел свою религиозную политику. Погибче надо, герр поглавник...

И вот уже 28 февраля 1942 года в своей речи в Хорватском государственном саборе Павелич заявлял: «В Хорватии никто ничего не имеет против православия. Каждый по-своему молится Богу... Не наше дело вторгаться в такую сокровенную сторону жизни человека, как спасение его души!».

Гибкости этому человеку с тонкими, плотно сжатыми губами было не занимать.

В 1945 году Павелич бежит в Австрию. Потом в Италию, на территорию Ватикана – там его и еще десяток усташских главарей укроет папа Пий. С их помощью в Риме надеялись бороться с пришедшими в Югославии к власти коммунистами; сыграет свою роль и золотой запас Хорватии, который усташи передадут «на хранение» Ватикану. Долго прятать Павелича в Ватикане, правда, не смогут – за ним, как за нацистским преступником, будут охотиться югославские и советские спецслужбы. Он бежит в Аргентину, потом в Чили, потом в Испанию; в него будут стрелять; сохранится фотография, где бывший диктатор, жалкий, с замороженным взглядом, сидит в постели… В пятьдесят девятом году он скончается в мадридской клинике.

Архиепископ Степинац, к тому времени уже кардинал, переживет Павелича всего на год. После войны его будут судить за сотрудничество с усташским режимом… Нет, условия его заключения даже близко не будут напоминать Ясеновац. Три комнаты, в одной из которых будет специально оборудована часовня; освобождение от всех тюремных работ. Через пять лет его выпустят, он будет жить в своем родном селе, где мирно скончается в шестидесятом.

В девяносто восьмом папа Иоанн Павел Второй, во время своего визита в Хорватию, причислит кардинала Степинаца к лику блаженных. Как мученика.

Алавук Йованка, сербка (1902–1942, Ясеновац)
Алавук Любан, серб (1915–1942, Ясеновац)

Алавук Радойка, сербка (1939–1942, Ясеновац)
Алавук Стана, сербка (1912–1942, Ясеновац)
Алавук Станко, серб (1935–1942, Ясеновац)
Алавукович Даница, сербка (1929–1942, Ясеновац)
Алавукович Душанка, сербка (1942–1942, Ясеновац)
……

Зло порождает зло.

Жестокость усташей порождала жестокость партизан. В 1945 году несколько тысяч разоруженных англичанами усташей, включая гражданских служащих, было убито партизанскими соединениями у Блайбурга. Несравнимо, конечно, с числом убитых усташами мирных сербов (от 200 тысяч по оценкам хорватской стороны до 800 – по оценке сербской). И все же.

Ни о Ясеноваце, ни о Блайбурге все годы правления Тито нельзя было даже заикаться. Коммунисты строили единую Югославию, в которой и сербам, и хорватам нужно было снова жить вместе и строить светлое будущее… Для чего бередить незажившие раны?

Зло порождает зло. Особенно нераскаянное, загнанное внутрь, в подкорку национальной памяти.

Ровно через пятьдесят лет, в начале девяностых, кровавое колесо завертится снова. Хорваты будут убивать сербов, сербы – боснийцев, боснийцы – сербов, сербы – хорватов… Снова, как за полвека до этого, сыграет свою роль Германия. Признает независимость Хорватии и Словении – еще до проведения в них референдумов об отделении.

Загреб пригласит остатки усташей, доживавших в эмиграции, вернуться в страну, станет выплачивать им пенсии. Даже некоторые улицы были переименованы в честь усташских главарей. Например, того самого Будака, который заявлял, что для сербов, цыган и евреев найдется три миллиона пуль...

Ясеновацкий мемориал – единственный из оставшихся, не уничтоженных в годы независимости, – простоит заброшенным до начала двухтысячных. Может, простоял бы и дальше, если бы им постоянно не интересовались исследователи Холокоста…

С середины двухтысячных прославление усташей в Хорватии официально прекращено. Но споры вокруг Ясеноваца не утихают.

«…Даже спустя шестьдесят пять лет хорваты с большой неохотой и контробвинениями включаются в разговор о местном Холокосте и геноциде, – пишет с горькой иронией Меленко Ергович. – У них всегда виноват кто-то другой: немцы ли, которые принесли нацизм в Хорватию, как американцы кока-колу, а у несчастных хорватов не было выбора, поэтому и кока-колу стали пить, и нацизм применять на практике; или вина лежит на англичанах, которые в 1945 году в Австрии, на поле близ Блайбурга, предали усташей, бросив на произвол судьбы, а потом обвинили их в нацизме и в своих СМИ десятилетиями, вплоть до наших дней, раскручивали ложь о злодеяниях усташской державы и местного хорватского нацизма. Впрочем, мы же знаем, что ни нацизма, ни усташской державы, как таковой, вовсе не было, а хорваты в течение всей войны только и делали, что молились вместе с архие-

пископом Алоизием Степинацем и спасали евреев, хоть и не понимали толком, от чего, от какой такой погибели должны были их спасать. Еще можно свалить вину на коммунистов, сербов, югославов и прочих к ним приближенных, они ведь только и знают, что все преувеличивают и рассматривают события, не принимая во внимание ни время, ни исторический контекст…».

Алавукович Жела, серб (1877–1942, Ясеновац)
Албахари Аврам, еврей (1938–1942, Ясеновац)
Албахари Хаим, еврей (1907–1942, Ясеновац)
Алекич Радосавка, сербка (1926–1942, Ясеновац)
Александрич Савета, сербка (1937–1941, Ясеновац)
Александрович Ана, сербка (1890–1942, Ясеновац)
Александрович Гане, серб (1933–1942, Ясеновац)
……..

Его звали Вукашин.

Мы не знаем точно его фамилии, но это не важно. Он – Вукашин Ясеновацкий. В девяносто восьмом году он был причислен Сербской православной церковью к лику новомучеников, а через два года – внесен в святцы Русской православной церкви.

Мы не знаем точно, как проходила его жизнь в Ясеноваце, но это не важно. Одного пребывания в этом лагере было бы достаточно, чтобы считаться мучеником.

Мы не знаем и никогда не узнаем, где хранятся его святые мощи, но это не важно. Вся земля Ясеноваца стала огромным, гигантским мощевиком.

Честна пред Господем смерть преподобных его.

Мы помним не только русских святых, погибших в сталинских лагерях, расстрелянных в Бутово, замученных в тюрьмах.

Мы помним о вас, святые мученики Ясеновацкие.

Мы помним о вас.

Новостные страницы *иеромонаха Михаила (СТОЛЯРОВА)*

Почитаемые святыни, содействие изучению русского языка и другие новости

Прибытие чтимых святынь. Главным событием второй половины 2020 года в жизни Ташкентской и Узбекистанской епархии можно считать прибытие в приделы Среднеазиатского митрополичьего округа главной святыни Русской Православной Зарубежной Церкви – чудотворной Курской-Коренной иконы Божией Матери «Знамение». Она была доставлена 7 сентября, в канун Дня Среднеазиатского митрополичьего округа и собора святых Среднеазиатского митрополичьего округа, из Нью-Йорка, по благословению Предстоятеля Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви митрополита Восточно-Американского и Нью-Йоркского Илариона.

Святыня находилась в Средней Азии до 19 сентября; к древнему чудотворному образу Пресвятой Богородицы смогли приложиться тысячи православных в Узбекистане, Киргизстане и Таджикистане. В поездке святыню сопровождали епископ Манхэттенский Николай и духовенство Австралийско-Новозеландской епархии РПЦЗ.

А 13 октября 2019 года, в канун праздника Покрова Пресвятой Богородицы, в Ташкент была доставлена новописанная икона Царицы Небесной «Отрада и Утешение». Сотни прихожан встречали этот образ, который был написан на Святой горе Афон и передан в дар православной пастве Узбекистана представителями братства «Сыны Афона» (Россия) во главе с духовником братии архимандритом Дорофеем, настоятелем Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в поселке Горки-8 (Московская область).

15 ноября 2019 года в ташкентский Свято-Успенский кафедральный собор из Свято-Барутинского Николо-Крупицкого женского монастыря (Украина) была доставлена чудотворная икона святителя Николая Чудотворца. Эту икону, писанную в XVIII веке, сопровождала настоятельница монастыря игуменья Дорофея (Хохлова).

В главный храм Ташкентской епархии в прошедшие полгода были доставлены также ковчеги с частицами мощей святителя Николая Чудотворца, святителя Николая Сербского, чудотворца, святого великомученика Димитрия Солунского и преподобного Иустина Поповича.

Научно-образовательные инициативы. Вторая половина года была богата и на различные научные и образовательные мероприятия. Первым и наиболее важным среди них стало открытие 10 октября Центра изучения русского языка при епархиальном Духовно-административном центре. Слушателями курсов Центра стали люди, которые хотели бы изучить русский язык как неродной, а также носители языка, желающие повысить уровень своего владения русским языком и культуру речи. За первые три месяца работы Центра в нем выступили с мастер-классами доцент кафедры русской филологии Пятигорского государственного лингвистического университета Л.И. Мурнаева, доктор педагогических наук, профессор Кубанского государственного университета и Екатеринодарской духовной семинарии А.А. Остапенко, а также российский писатель-публицист и телеведущий В.Д. Ирзабеков. Данный проект реализуется совместно с Благотворительным фондом содействия деятельности в сфере просвещения, духовного развития личности «Просветитель», при поддержке Министерства просвещения Российской Федерации.

Совместно с этим фондом 20–21 декабря в Ташкенте проведена международная конференция «Русский язык как средство общения в Среднеазиатском регионе», соорганизатором которой выступил также Республиканский Русский культурный центр.

5–6 ноября 2019 года в конференц-зале Духовно-административного центра епархии прошла международная научная конференция «Миграция культур в полицентричном мире: философия, религия, наука». Целью проведения конференции стали углубление и поддержка диалога между Церковью и наукой, содействие в укреплении взаимоуважения и плодотворного сотрудничества в научных исследованиях и в межкультурном диалоге. С докладами на конференции выступили российские и узбекистанские историки, философы и социологи. Тематика докладов охватила широкий спектр проблем, связанных с взаимовлиянием культур. Работа конференции прошла в рамках двух сессий: «Культурный обмен в античной и византийской мысли» (5 ноября) и «Миграция культур между Европой и Азией» (6 ноября). 8–9 ноября выездная сессия конференции прошла в Самарканде, в Музее-лаборатории Самаркандского государственного университета.

Тема религиозной толерантности была основной и на прошедшей 18 ноября в епархиальном Духовно-административном центре конференции «Преодолеть нетолерантность: проблемы нетерпимости в современной религиозной жизни». Для участия в конференции был приглашен в качестве эксперта доктор философии, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и председатель Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации А.Л.

Дворкин. Особое внимание на конференции было уделено деятельности в Узбекистане различных сект (в особенности секты «Свидетели Иеговы»).

По окончании конференции ее участники приняли итоговый документ-заявление.

Паломнические поездки. Ежегодной традицией стало посещение паломниками Среднеазиатского митрополичьего округа святых мест Урала в рамках празднования Царских дней. Центральным событием паломнической поездки является Божественная литургия в ночь с 16 на 17 июля в Екатеринбурге в Храме на Крови, когда совершается память убиения семьи последнего Российского императора Николая II. Богослужение прошло на площади перед нижним приделом Храма-Памятника на Крови. По окончании Литургии паломники прошли Крестным ходом от Храма на Крови до монастыря святых Царственных страстотерпцев на Ганиной Яме.

Дмитрий ПАВЛОВ

Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова)*

Вступив в феврале 1945 года на Патриарший престол, Патриарх Московский и всея Руси Алексий 15 августа 1945 года обратился в Совет по делам Русской Православной Церкви с ходатайством о предоставлении в распоряжение Московской Патриархии одного из главных корпусов бывшей Московской духовной академии и об открытии Успенского собора в Троице-Сергиевой Лавре. Святейший Патриарх в этом же письме просил передать и святые мощи преподобного Сергия Радонежского:

> Имею дерзновенную мысль просить Совет ходатайствовать перед Правительством о передаче в ведение Московской Патриархии всероссийской святыни – мощей преподобного Сергия, находящихся в настоящее время в своей прежней раке в Троицком Соборе <…>. Если бы Правительство нашло возможным удовлетворить мою просьбу и зажглась бы лампада у раки преподобного Сергия, то это одно обстоятельство могло бы свидетельствовать пред всем миром, интересующимся церковной жизнью в нашем Союзе, о положении в ней Православной Церкви. А с другой стороны – все верующие люди оценили бы этот акт как самое яркое выражение того отношения к Церкви, какое имеет наше Советское Правительство[1].

В то же время в данном письме Патриарх Алексий ни одним словом не обмолвился о возобновлении монашеской жизни в Троице-Сергиевой Лавре.

21 августа 1945 года Председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов доложил в Совнарком СССР о просьбе Патриарха, привел довод, что «частичная передача Троице-Сергиевской лавры в распоряжение Московской Патриархии укрепит положение русской православной церкви»[2], и просил дать указание на этот счет. На следующий день, 22 августа 1945 года, на документе появилась резолюция Молотова: «Т[оварищу] Карпову. Возражений нет. В. Молотов»[3]. 29 августа 1945 года Карпов представил на рассмотрение в Совнарком СССР проект распоряжения о передаче Московской Патриархии бывшего здания Московской духовной академии и Успенского собора в Троице-Сергиевой Лавре[4].

---

* Продолжение. Начало в № 4 (XLVIII), 2018; №№ 1, 2 (XLIX, L), 2019. Журнальный вариант.

4 сентября 1945 года Г.Г. Карпов сообщил Патриарху Алексию:

> Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР уведомляет Вас, что Ваше ходатайство о предоставлении здания бывшей Московской академии в Троице-Сергиевской Лавре (г. Загорск), а также об открытии находящегося в той же Лавре Успенского собора с перенесением мощей Сергия Радонежского из Троицкого собора в Успенский Совнаркомом Союза ССР, удовлетворено[5].

Отношение из Совета о передаче Успенского собора Троице-Сергиевой Лавры Патриарх Алексий получил 11 апреля 1946 года[6].

Г.Г. Карпов в июле 1946 года доложил о результатах:

> Открытие собора в лавре явилось большим событием в жизни русской православной церкви. В письмах на имя Правительства и в Совет по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР патриарх Алексий писал, что открытие богослужений в лавре составило целую эпоху в церковной жизни, вызвало среди верующих волну радостных настроений, и в адрес Патриархии поступают многочисленные письма от верующих с выражением благодарности Правительству. Это событие вызвало также многочисленные отклики заграницей. Ряд иностранных газет расценивает открытие Успенского собора в лавре как весьма положительный акт со стороны Советского Правительства. Большой интерес к лавре проявляют представители иностранных посольств в Москве, которые являются довольно частыми посетителями лавры[7].

Председатель Совета по делам РПЦ в докладе указал на важный момент:

> Троице-Сергиевская лавра является удобным местом для проведения церковных съездов (Соборов), совещаний и в намеченной патриархией программе по созыву в 1947 г. Предсоборного вселенского совещания глав всех православных церквей лавра должна сыграть большую роль. Учитывая целесообразность передачи некоторых помещений Троице-Сергиевской лавры в ведение патриархии,<…> Совет поддерживает ходатайство патриарха о передаче просимых помещений за исключением митрополичьих покоев, которые [целесообразно] оставить в распоряжении музея[8].

Для подготовки к открытию Троице-Сергиевой Лавры патриарх Алексий выбрал архимандрита Гурия, хорошо известного ему по деятельности в Александро-Невской Лавре[9]. В сентябре 1945 года патриарх вызвал его из Ташкента в Москву, назначив наместником Лавры[10]. Протопресвитер Николай Колчицкий, управляющий делами Московской Патриархии, обращаясь к архимандриту Гурию, вызванному для возобновления деятельности Троице-Сергиевой Лавры, сказал:

> Из глуши пустынной Господь воззвал тебя, отец архимандрит, и нашел в тебе защитника веры и стойкого исповедника, и вот поставляет тебя на такую высоту[11].

18 сентября 1945 года Патриарх Алексий, протопресвитер Николай Колчицкий, архимандрит Гурий и архимандрит Иоанн (Разумов) провели осмотр Троице-Сергиевой Лавры[12]. В своих воспоминаниях архимандрит Тихон (Агриков) описывал состояние Лавры в то время:

> Мне пришлось видеть снимки развалин и разрухи в Троице-Сергиевой Лавре во время открытия. Это было что-то ужасное. Храмы, башни, стены монастыря, здания, корпуса, часовни – все в полуразвалившемся состоянии. Всюду валялись камни от стен, кирпичи, песок, взрытая кем-то земля. Нельзя было пройти свободно, чтобы не споткнуться, не упасть и не разбить себе голову. Такова была Лавра в 1945 г.[13].

Архимандрит Гурий до момента открытия Лавры был назначен настоятелем Ильинской церкви в Загорске. Жил он у церковного старосты этого храма Ильи Васильевича Сарафанова. Архиепископ Михей (Хархаров) вспоминал трудности того периода:

> Местное духовенство приняло его (архимандрита Гурия – Д.П.) не очень приветливо, но отец Гурий стал служить каждое воскресенье утром и вечером акафист преподобному Сергию и обязательно проводил беседу. Служил он и во все большие праздничные дни, и часто в малые праздники и неизменно проповедовал. И само служение, и проповедь владыки Гурия так расположили к нему народ, что верующие приезжали на его службы из Москвы и из других мест[14].

Торжественным стало в 1945 г. осеннее празднование памяти преподобного Сергия Радонежского в Ильинской церкви – всенощное бдение возглавил архимандрит Гурий, Божественную Литургию служил митрополит Николай (Ярушевич) в сослужении настоятеля и священников. Зимой и в Великий пост 1946 года архимандрит Гурий продолжал служить в Ильинской церкви. Каждый вторник он ездил на прием в Москву к патриарху Алексию. На одной из встреч патриарх сообщил архимандриту Гурию, что в ближайшие дни ему передадут ключи от Успенского собора. Поэтому нужно было активно готовиться, чтобы уже на Пасху в Лавре была служба.

Основные события произошли на Страстной седмице Великого поста. 15 апреля 1946 года, в Великий Понедельник, директор Загорского государственного музея-заповедника В.К. Ряховский передал «Патриархии, в лице представителя Г.М. Егорова <…> в бессрочное бесплатное пользование» Успенский собор Троице-Сергиевой Лавры[15].

16 апреля, в Великий Вторник, на большом куполе Успенского собора установили крест, упавший в 1927 году от сильного урагана. Во время поднятия креста на купол архимандрит Гурий читал по Требнику молитву, которая, по заверениям мастеров, содействовала легкому и быстрому подъему креста:

> Эта первая молитва наместника Лавры и водруженный крест, торжественно осенивший купол собора, явились явным благословением на начало открытия Лавры[16].

17 апреля 1946 года, в Великую Среду, с волнением и молитвой архимандрит Гурий открыл Успенский собор, который внутри представлял унылое зрелище:

> В куполах – из окон сосульки, слой пыли на всем, ни подсвечника, ни аналоя: пустота, холод и запустение[17].

Архиепископ Михей описал в своих воспоминаниях приведение Успенского храма в порядок и его подготовку к Пасхальным праздникам:

> В Великий Четверг [18 апреля] после Литургии отец Гурий в Ильинском храме объявил, что открывается Лавра и чтобы верующие, кто может, пришли бы помочь прибрать храм и приготовить его к службе. Лавра была закрыта в 1920 г. За 26 лет, в которые собор был закрыт и не убирался, можете себе представить, сколько скопилось пыли, грязи. Мы вошли в собор. Стекла в барабанах были выбиты, на полу снег и лед, неимоверный холод. Собор не отапливался, Пасха в тот год была ранняя. В соборе стояла карета Елизаветы Петровны, на паперти – чучело медведя и пр. Впрочем, работники музея вскоре все это лишнее убрали. Благодаря тому, что отца Гурия знали и любили все прихожане Ильинского храма, то откликнулись на призыв его, и много пришло людей: кто с ведром, кто с тряпками. Стали протирать иконостас, чистить паникадила, мыть полы. Престол там сложен из кирпича, каменный, но он стоял разоблачен. Нужно срочно шить одежды на престол и жертвенник. Ольга Павловна (дочь отца Павла Флоренского) взяла на себя труд пошить облачение, нижнее и верхнее на престол и жертвенник (парчу дал Патриарх, а остальной материал пожертвовали верующие). Из ризницы музея выдали Плащаницу, сосуды. Кое-что дала Патриархия, и часть утвари из Ильинской церкви – облачения, кадила, напрестольное Евангелие, кресты и пр. <…> В Великий Четверг вечером уже смогли служить утреню с чтением 12-ти Евангелий, в Великую Пятницу днем совершали вынос Плащаницы и вечером – чин погребения и все последующие службы[18].

Согласно официальным документам, из ризницы Загорского музея Лавре 18 апреля были переданы: облачения (черные, белые и Пасхальные), иконы, богослужебные сосуды, три Евангелия, митра с Радонежскими чудотворцами, плащаница, а также «музейный экспонат № 112-4354» – «покров, схима (в раке Сергия)»[19]. Заканчивая все необходимые приготовления в Успенском соборе, архимандрит Гурий совершил в храме малое освящение престола.

Антиминс для престола принес Тихон Тихонович Пелих (будущий протоиерей), получивший его в 30-е из рук последнего наместника Лавры архимандрита Кронида (Любимова), мученически закончившего свой жизненный путь 10 декабря 1937 года на Бутовском полигоне. Архимандрит Кронид передал антиминс со словами напутствия Т.Т. Пелиху: «Храни, он нужен будет»[20]. На антиминсе была надпись: «Антиминс с Престола Успения Б[ожией] М[атери] Успенского собора Троице-Сергиевой Лавры»[21].

В приготовлении к празднику Пасхи архимандриту Гурию помогали его духовный сын Александр Хархаров, прибывший по окончании войны в Лавру прямо в шинели[22], и Игорь Мальцев, проживавший на тот момент в Загорске. О последнем стоит сказать подробнее. Игорь родился в 1925 году в Саратове в православной семье. Его мать работала зубным врачом, а отец – главным бухгалтером, хотя мечтал быть священником. Семья вынуждена была переехать сначала в Мытищи, а потом в Загорск. Жили в одном доме со схиигуменией Марией, бывшей настоятельницей монастыря в городе Хвалынске Саратовской области. В Загорске Игорь закончил среднюю школу. В 1943 году был призван в армию, направлен в военное училище химзащиты, где ему было присвоено звание младшего лейтенанта. После окончания войны служил в Румынии. Оттуда в сентябре 1945 года офицеры направлялись на курсы в город Барнаул с разрешением на месяц заехать домой. Мать Игоря умерла в 1940 году, отец погиб на фронте. Самыми близкими ему людьми были схиигумения Мария и жившие с ней монахини. Они ежедневно вычитывали весь

суточный богослужебный круг (кроме Литургии), в этих службах принимал участие и Игорь[23].

Все храмы в Загорске в 1945 году были закрыты, кроме одного – Ильинской церкви. Осенью 1945 года в праздник преподобного Сергия Радонежского службу торжественно служил митрополит Николай (Ярушевич), ему сослужил протодиакон Сергий Туриков, прекрасно пел хор. В храме была атмосфера духовного подъема. После службы митрополит Николай сообщил об открытии Троице-Сергиевой Лавры и о назначении ее наместником архимандрита Гурия, который сослужил митрополиту. Так произошла первая встреча Игоря Мальцева со своим будущим духовным отцом, который, по словам будущего протоиерея Игоря, «с первого взгляда расположил его к себе своей духовностью, величием, благоговением»[24]. Спустя несколько дней после их знакомства архимандрит Гурий предложил Игорю Мальцеву стать его духовным сыном. Тот несказанно обрадовался и был «на седьмом небе». После открытия Троице-Сергиевой Лавры 16 апреля 1946 года он стал пономарем Успенского собора. В Лавре Игорь Мальцев познакомился с Александром Хархаровым и иеромонахом Иоанном (Вендландом), приехавшим в Загорск из Ташкента.

В архиве Ташкентского Епархиального управления сохранилось прошение наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Гурию от Игоря Константиновича Мальцева, датированное 14 декабря 1945 года:

> Имея твердое и давнее с детских лет желание служить Господу в иноческом звании, прошу принять меня в число братии Лавры. Родился я в 1925 г. в г. Саратове, окончил 9 кл[ассов] средней школы в г. Загорске. Отец мой был бухгалтером, во время войны убит под г. Тернополем в 1944 г. Мать была зубным врачом, умерла в 1940 г. В период Отечественной войны находился в составе действующей армии 1-го Укр[аинского] фронта. По окончании войны был направлен в г. Барнаул Алтайского края на курсы усовершенствования офицеров пехоты. По рассмотрении моего желания служить Богу в иноческом звании мандатная комиссия западно-сибирского военного округа нашла меня подлежащим демобилизации. Демобилизован 20 ноября 1945 г. приказом западно-сибирского военного округа в звании лейтенанта запаса. В настоящее время проживаю в г. Загорске[25].

Архимандрит Гурий принял Игоря Мальцева в число братии Лавры, приобретя себе еще одного помощника и духовного сына.

В помощь архимандриту Гурию патриарх Алексий временно назначил для служения схиархимандрита Илариона (Удодова)[26], старца высокой духовной жизни, афонского инока. В Успенский собор были также назначены: вторым священником – схиигумен Алексий[27], иеродиакон Иннокентий[28], обладавший громким и красивым голосом[29].

Первым лаврским хором стал любительский хор из Ильинской церкви в Загорске, которым руководил Сергей Михайлович Боскин, очень музыкальный человек, знающий хорошо традиции и напевы Троице-Сергиевой Лавры. На первых порах староста Ильинского храма Илья Васильевич Сарафанов обеспечивал Лавру всем необходимым: свечами, гарным маслом, кадильным углем, ладаном, помогал рабочими и материалами. За свечной ящик поставили Ивана Сергеевича Булычева, верующего человека, сопровождавшего схиархимандрита Илариона. В алтаре при-

служивали послушники архимандрита Гурия Александр Хархаров и Игорь Мальцев. Послушницы схиигумении Марии, у которой жил Игорь Мальцев, взяли на себя труды печь просфоры и артосы.

В Великую Пятницу 19 апреля 1946 года архимандрит Гурий служил вечерню вместе со схиархимандритом Иларионом, на которой они вдвоем вынесли Плащаницу. О службах Великой Пятницы никто не оповещал, но народ в Успенском соборе собрался. Об этом событии патриарх Алексий сделал запись в своем дневнике: «19 апреля. Великая Пятница. В Лавре начались богослужения в Успенском Соборе»[30].

В Великую Субботу 20 апреля 1946 года утром была отслужена Божественная Литургия. В этот же день стороны подписали Акт:

> Загорский музей-заповедник передал, а Патриархия приняла серебряную гробницу XVI века с мощами Сергия Радонежского для переноса в Успенский собор. Директор Загорского музея-заповедника В.К. Ряховский. Представитель Патриархии архимандрит Гурий (Егоров). Гор[од] Загорск. 20 час. 15 м.[31].

Вечером того же дня, после подписания этого Акта, святые мощи преподобного Сергия Радонежского в серебряной раке архимандрит Гурий и схиархимандрит Иларион перенесли в Успенский собор из Троицкого собора, который на тот момент еще не был передан Патриархии[32].

Архиепископ Михей отразил этот момент в своих воспоминаниях:

> Весть об открытии Лавры разнеслась молниеносно, и в Лавру из Москвы поехали верующие, и из окрестных мест в таком количестве, что каждый день огромный Успенский собор на Страстной был более чем полон. Когда сообщили о том, что можно взять мощи и перенести в Успенский собор из Троицкого, который оставался еще в ведении музея, после Литургии был прекращен доступ народа с куличами и пасхами в Лавру. Их направляли в Ильинскую церковь. Милиция закрыла ворота, удалили всех с территории Лавры. Народ насторожился и ожидал чего-то необычного, попрятался кто куда. Отец Гурий и с ним все духовенство, взяв 10 человек рабочих, отправились в Троицкий собор за мощами. Мощи преподобного Сергия покоятся в серебряной раке, пожертвованной царем Иоанном Грозным, и весит она 60 пудов, потому и потребовались рабочие. Отец Гурий прислал Игоря, чтобы взять епитрахили для священнослужителей. Иван Сергеевич [Булычев] и я оставались в соборе. И вот из Троицкого собора показалось шествие: шли рабочие, несшие раку, диаконы и батюшки. Иван Сергеевич зажег охапку свечей. И только показалось это шествие, как вдруг из закоулков хлынул народ. Милиция не смогла удержать народ в воротах, и вся площадь наполнилась народом. Иван Сергеевич и я стали охапками раздавать свечи, и народ мощно запел: «Ублажаем тя, преподобне отче наш Сергие...», и с этим пением и с горящими свечами внесли [раку с мощами] в Успенский собор, отслужили сразу же молебен преподобному Сергию. Собор полностью наполнился народом. Раку поставили на ступеньки с правой южной стены собора. Батюшки ушли, и мне пришлось для порядка встать у раки вместо гробового иеромонаха[33].

Следует отдельно сказать о судьбе мощей преподобного Сергия Радонежского. 11 апреля 1919 года по распоряжению органов советской власти было проведено вскрытие раки с мощами преподобного Сергия в присутствии комиссии и наместника Лавры архимандрита Кронида с другими священнослужителями. В процессе вскрытия шла киносъемка[34]. Позже, после вскрытия, над мощами положили крыш-

ку из толстого зеркального стекла, скрепленную с ракой сургучными печатями Наркомюста. 7 мая 1920 года произошло закрытие Лавры, но мощи преподобного Сергия, благодаря обращению Патриарха Тихона в Совнарком, остались в стенах Лавры – их не вывезли в московский музей. Во время Великой Отечественной войны раку с мощами преподобного Сергия эвакуировали в Сибирь, а по окончании войны мощи возвратили обратно в обитель. При этом, согласно свидетельству игумена Андроника (Трубачева) и других лиц, глава преподобного Сергия Радонежского по благословению Патриарха Тихона была тайно сокрыта[35]. В 1920–1928 годах глава преподобного Сергия хранилась в доме Олсуфьевых, затем П.А. Голубцов (будущий архиепископ Новгородский и Старорусский Сергий) перевез главу в Люберцы. В 1941–1945 годах глава преподобного пребывала в храме с. Виноградова, в 1945–1946-м – в Москве[36].

По воспоминаниям архиепископа Михея, глава преподобного хранилась под престолом храма Владимирской иконы Пресвятой Богородицы в селе Виноградово, настоятелем которого являлся схиархимандрит Иларион:

> Через некоторое время отец Иларион говорит отцу Гурию: "Отец Гурий, а ведь подлинный череп преподобного Сергия хранится в моем храме в Сергиевом приделе под престолом". – "Как так?". И отец Иларион рассказал о том, что в 1918 г. перед приходом комиссии череп был подменен, подлинный череп преподобного Сергия передан был в его храм для хранения. Храм этот никогда не закрывался. Отец Гурий доложил Патриарху, Патриарх дал новую схиму и благословил подлинный череп преподобного Сергия водрузить на место в раку, а подложный захоронить. Так и сделали во время переоблачения святых мощей[37].

Сам митрополит Гурий позже вспоминал, как он в 1946 году переоблачал мощи преподобного Сергия Радонежского:

> Патриарх прислал новую схиму. Я держал в руках череп преподобного. Он большой, больше обычного, совершенно белый, красивый. Сохранилась окладистая борода, как рисуют. Обыкновенно, подходя к черепу, чувствуешь какое-то содрогание, страх. А здесь меня охватило какое-то благодатное чувство, как бы исходящее от него. Святые мощи мы облекли в схиму. Лицо я закрыл покровцем. Святые мощи мы переоблачали тайно. Двери держали два моих послушника: Игорь Мальцев и Саша Хархаров. Но народ чувствовал, что что-то делается, и громадная толпа стояла вокруг Успенского собора[38].

К десяти часам субботнего вечера в Лавру потянулся народ, и «ожила на многие годы заснувшая, затихшая Лавра»[39]. Чуть было не возникли проблемы с колокольным звоном, так как ключи от колокольни директор музея выдал архимандриту Гурию только в 22.30, хотя и получил извещение из Москвы о разрешении звона еще днем. Лаврские колокола молчали 26 лет, прощальный звон совершил в 1920 году при закрытии Лавры Константин Родионов. Ему же предстояло и начинать звон. Об этом событии Константин делился своими воспоминаниями:

> Открыли и заперли мы дверь за собой. Со свечками стали подниматься на второй ярус, спешили, полагается в одиннадцать ударить, а время около этого. Взошли. Осмотрелся, мне светили свечками: язык у «Лебедя» – на новом металлическом хомуте на болтах, новый мостик с лесенкой для трезвона. Быстро стал налаживать веревки к колоколам, по-

мощники хорошо мне помогали. И так близко мне вспомнилось, как в 20-м году, отзвонив последний звон, поцеловал «Лебедя», – и теперь поцеловал уцелевший «Лебедок». Время одиннадцать. «Господи, благослови». И, осенив себя крестным знамением, стал раскачивать. И зазвучал наш «Лебедок»[40].

Свою версию изложил в воспоминаниях архиепископ Михей:

Совет по делам религии разрешил звонить, и, когда дали ключи для осмотра колокольни, ночью двое рабочих подтянули язык у Лебедка, провисший от долгого висения без употребления. Он подвешен на сыромятном ремне. И вот дирекция музея не разрешает звонить на том основании, что «вы разобьете колокол». Удар языка должен приходиться в место утолщения, а язык провис. Отец Гурий уговаривал их и уверял, что всё сделано как нужно, а директор уперся. И только перед самой заутреней была получена телеграмма из Патриархии, что вопрос согласован и разрешается звонить. И вот через 26 лет вновь раздался могучий звон с лаврской колокольни[41].

В эти минуты находившиеся в алтаре сосредоточенно молились.

Незабываемые минуты ожидания. И вот донеслось: первый удар, второй, третий, и родной, с детства знакомый звон – звон с Лаврской колокольни. Волнение, радость, благодарность, слезы… Не передашь всего… О. Гурий на коленях склонился ниц перед святым престолом. О. Иларион слева от престола на коленях, воздев руки, со слезами повторял: «Господи, вся Тебе возможна». Торжественно неслись звуки древнего колокола в тиши ночи ранней весны. Город не спал, все слушали. В переполненном соборе все как бы затаили дыхание[42].

Служащие священники – архимандрит Гурий, архимандрит Иларион, схиигумен Алексий, иеродиакон Иннокентий – облачились в пасхальные облачения прежней Лавры, пребывавшие до этого в музее. В полночь 21 апреля 1946 года на Светлое Христово Воскресение отверзлись Царские врата и под величественное пение «Воскресение Твое, Христе Спасе…» был совершен Крестный ход вокруг Успенского собора. Снова в Лавре служилась Пасхальная утреня, некоторые еще не верили происходящему, другие произносили: «Слава Богу! До какого дня дожили, до каких событий»[43].

Архиепископ Михей вспоминал:

Когда мы вышли с крестным ходом из собора, вся площадь – сплошные огоньки от свечей. И этих огоньков такая масса, что казалось, кругом море огня. И шествие началось под торжественный прекрасный трезвон. Константин Иванович оказался очень искусным звонарем. Ему досталась честь начать звон, законченный им же. Нас же всех охватило такое волнение, что многие плакали. Говорят, что и неверующие люди, жители Загорска, выходили на улицу слушать звон[44].

В конце Пасхальной утрени архимандрит Гурий зачитал с амвона поздравительную телеграмму от Святейшего Патриарха:

Отцу наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандриту Гурию. Христос Воскресе! С чувством особого умиления восприняли мы весть о восстановлении богослужения в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Радость великого праздника Воскресения Христова ныне усугубляется для нас радостью этого светлого Лаврского торжества. Да будет сия

> Пасха поистине Пасхой избавления от скорби и непрестающей радости для всех притекающих к раце многоцелебных мощей преподобного Сергия. Приветствую Вас и в Вашем лице священнослужителей и молящихся, удостоившихся первыми вознести свои молитвы в благодатной Лавре. Да будет простерто над всеми нами благословение Господне молитвами и предстательством преподобного Сергия, и да не забудет преподобный посещать чад своих по неложному своему обетованию. Воистину Христос Воскресе! Патриарх Алексий. 22 апреля 1946 г.[45].

За самоотверженные труды, связанные с открытием Троице-Сергиевой Лавры, Патриарх удостоил архимандрита Гурия права ношения двух крестов[46].

Завершил церемонию открытия Троице-Сергиевой Лавры Патриарх Алексий, возглавивший богослужение на праздник Пресвятой Троицы. В Успенском соборе на правом клиросе устроили временную сень для раки со святыми мощами преподобного Сергия. По благословению Патриарха архимандрит Гурий освятил престол во имя Всех Святых в земле Российской просиявших под Успенским собором.

В возрожденную Троице-Сергиеву Лавру постепенно стали прибывать иноки, собирающиеся вокруг архимандрита Гурия – одни по назначению, другие, прослышав об открытии Лавры, сами просились принять их в число братии. Первоначально насельники Лавры жили на частных квартирах, позже в помещениях под Трапезным храмом. К концу 1946 года в Троице-Сергиевой Лавре числилось 20 человек братии, к лету 1947 года было уже 40 насельников[47].

Был среди них и молодой священник Иоанн Крестьянкин, впоследствии прославленный старец. Его прислали в Лавру из Москвы на Пасхальной седмице. Архимандрит Гурий оценил деятельного и неутомимого ризничего и поделился с ним своим помыслом: «Видеть в нем первого постриженика открывающейся Лавры». Даже и имя ему определил: «Быть тебе Сергием»[48]. Но Господь судил иначе – через полгода, на праздник Успения Богородицы, священник Иоанн был отозван из Лавры. Эта перемена была для него нерадостной – душа скорбела о монашестве. Но он смирился и подчинил свою волю воле Божией. Скоро пришло и утешение – священника Иоанна Крестьянкина благословили учиться на заочном секторе Московской духовной академии[49].

Монашеская жизнь в Троице-Сергиевой Лавре налаживалась. Уполномоченный Совета по Москве и Московской области А.А. Трушин докладывал Г.Г. Карпову осенью 1946 года:

> В быв[шей] Троице-Сергиевской Лавре г. Загорска <…> в настоящее время функционирует мужской монастырь.<…> По ходатайству Московской Патриархии Совет Министров СССР распоряжением от 3/IV-1946 года разрешил передать здание Успенского собора быв[шей] Троице-Сергиевской Лавры в ведение Патриархии, каковой был передан 15 апреля 1946 г.[50].

В июле 1946 года Патриарх Алексий ходатайствовал перед Советом по делам РПЦ о передаче в ведение Московской Патриархии помещений на территории Троице-Сергиевой Лавры: митрополичьих покоев, Трапезной палаты, церкви преподобного Михея, колокольни при Успенском соборе, часовни с источником.

Все эти помещения (за исключением митрополичьих покоев) передали в веде-

ние Московской Патриархии на основании распоряжения Совета Министров СССР №11895-рс от 5 октября 1946 года. В октябре 1946 года уполномоченный по Москве и Московской области А.А. Трушин сообщал:

> После передачи Успенского собора, а позже трапезной церкви и других объектов Лавры Патриархия быстрыми темпами начала проводить ремонтно-реставрационные работы. <…> На что затрачено около 1 миллиона рублей[51].

На другие ремонтные и реставрационные работы в Лавре, а также на переселение жильцов из Трапезного храма, по данным Трушина, потратили еще около 1 миллиона рублей.

Осенью 1946 года в монастыре, согласно докладам уполномоченного, проживали с регистрацией 21 человек братии, из них 17 священнослужителей: 6 архимандритов, 3 игумена, 1 священник, 5 иеромонахов, 2 иеродиакона, а также 1 монах и 3 послушника. Все члены братии находились на равных правах, каждый из братии помимо церковной службы нес послушание, выполняя работу сторожа, уборщика, столяра, свечника, ризничего, эконома и др. Богослужения проходили ежедневно четыре раза в Трапезном храме. К мощам преподобного Сергия Радонежского открыли доступ с 6 часов до 24 часов без перерыва[52].

О времени подготовки и открытия Лавры вспоминал непосредственный участник событий того времени – митрополит Иоанн (Вендланд), тогда еще иеромонах:

> Как только я приехал в Лавру, отец Гурий взял меня в Москву на прием к Патриарху Алексию. Был я в очень затрапезном пиджачке и брюках. (Как просты были нравы в то время! Теперь в таком костюме мне не позволили бы даже переступить порог!). Отец Гурий рассказал Патриарху историю моего рукоположения. Патриарх признал меня иеромонахом, и я стал членом братии Лавры. Было уже лето, процесс становления Лавры продолжался. Отец Гурий – наместник Лавры, – жил еще не в стенах монастыря, а на квартире у старосты Ильинской церкви Ильи Васильевича Сарафанова. Монахи жили на частных квартирах, ходили в гражданской одежде и только на территории Лавры одевали рясы. Каждый на неделю знал свое послушание. Оно заключалось в исполнении какого-либо богослужения: например, стоять при мощах преподобного Сергия (они находились в Успенском соборе и были перенесены в Троицкий значительно позже, когда закончился ремонт), или участвовать в соборной службе, или служить молебен или панихиду, или исповедовать. Я прошел через все это. А на праздник святых апостолов Петра и Павла мне выпала особая, но трудная честь – произнести проповедь. Служа в Лавре, я видел не только множество народа, но и некоторых выдающихся людей. Часто приезжал Патриарх, протопресвитер Колчицкий. Однажды, заняв прихожанами целый поезд, прибыл протоиерей Александр Смирнов. Затем из Бельгии приехал архиепископ Александр (Немоловский), он жаловался на свою эмигрантскую судьбу и называл себя самым несчастным человеком на свете[53].

О паломничествах в открывшуюся Троице-Сергиеву Лавру вспоминал и архиепископ Михей:

> В первые же дни устраивались паломничества из московских храмов. Помню такую паломническую поездку из Елоховского собора. Заранее объявлялось в храме о поездке в Загорск. Специально нанималась электричка, и вот целый поезд одних паломников во главе

> с отцом Николаем Колчицким. С вокзала в Загорске все шли рядами: впереди отец Николай с иконой в руках. За ним его прихожане рядами, и всю дорогу до Лавры пели. Как только вошли в Успенский собор, собор сразу переполнился людьми. Затем отец протопресвитер Николай служил Божественную литургию, молебен преподобному и говорил слово, затем приветствие наместнику и его ответ. Тогда всё это можно было, даже не верится. Такая же паломническая поездка была из Николо-Кузнецкого храма (во главе с отцом Александром Смирновым), затем из Тарасова (во главе с отцом Михаилом Зерновым – теперешний владыка Киприан)[54].

Архимандрит Гурий пробыл в стенах Лавры менее года; уже в праздник Успения Пресвятой Богородицы, 28 августа 1946 года, он в архиерейском облачении стоял на кафедре в Успенском соборе[55].

В истории Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Гурий остался первым наместником, на чьи плечи пало тяжелое и ответственное, но в то же время и радостное бремя послевоенного возрождения обители преподобного Сергия Радонежского. Задача архимандрита Гурия была поставить Лавру «на ноги». В Лавру был назначен новый наместник – бывший келейник Патриарха Сергия, архимандрит Иоанн (Разумов), впоследствии митрополит Псковский и Порховский.

Но вернемся к Ташкентской епархии, к событиям осени 1945 года.

В октябре на имя Патриарха Алексия поступил анонимный донос из Самарканда за подписью «Добролюбов» с обвинениями епископа Кирилла, в том числе и во взятках. Из Патриархии письмо переправили в Ташкент с предложением епархиальному архиерею оправдаться в данных обвинениях[56].

Уполномоченный А.И. Степанов указал в отчете за 4-й квартал 1945 года, что хотя обвинения епископа Кирилла были «явно клеветнические», его ответные действия были неадекватными:

> Это сильно взбудоражило епископа, и он проявил кипучую деятельность, выразившуюся в организации через «своих» людей сбора подписей верующих к посланиям на имя патриарха с просьбой об оставлении епископа в Ташкенте[57].

В сборе подписей среди учащихся старших классов школ и среди студентов участвовал и келейник епископа Кирилла – Владимир Тимаков (в будущем московский протоиерей).

Более того, к уполномоченному Степанову по поручению епископа Кирилла явился протоиерей Павел Медведев, который ходатайствовал о разрешении проведения общего собрания верующих в кафедральном соборе после воскресного богослужения, на котором епископ собирался зачитать это анонимное письмо с обвинением его во взятках. После выступления планировалось, что все верующие подпишут протокол собрания с подтверждением ложности данных обвинений. По словам Медведева, епископ Кирилл говорил, что «ему это нужно сделать во что бы то ни стало, что этот протокол он направит в Патриархию, иначе Патриарх ему не поверит»[58]. Степанов под благовидным предлогом отклонил данную просьбу, и собрание не состоялось.

В конце 1945 года архимандрит Гурий, будучи уже наместником Троице-

Сергиевой Лавры, возвратился на непродолжительное время в Ташкент по личным делам. Митрополит Иоанн (Вендланд) отразил это событие в своих воспоминаниях:

> Примерно в ноябре 1945 г. отец Гурий приехал из Загорска в Ташкент. Он сказал, что мне пора выходить из келейного состояния на настоящее церковное служение, что я нужен ему как помощник и что, по всей вероятности, сам он скоро станет епископом Ташкентским. Мне нужно было уволиться из Геологического управления и из института, прямо заявив, что я священник. Так я и сделал, хотя такое неожиданное заявление стоило мне огромного усилия над собой. Совершить такой скачок мне помогло настроение. Думаю, что оно было от Бога: размышляя ночью, при звездах о том, как я целиком буду служить Церкви, я испытал чувство светлого блаженства и счастья. И это придало мне смелости в моих неожиданных для всех заявлениях. Впрочем, для того, чтобы заявления мои не были уж совершенно неожиданными, отец Гурий дал мне рекомендательное письмо к отцу Григорию Брицкому. Придя к нему, я просил его довести до сведения гражданских властей, с которыми он находился в хороших отношениях, что я иеромонах и чтобы он дал мне хорошую характеристику. Отец Григорий обещал это сделать. Начавшееся с этого времени мое знакомство с отцом Григорием затем перешло в почтительную дружбу с этим старым человеком. <…> Тем временем я явился к епископу Кириллу. Он принял меня в свой клир и назначил сверхштатным священником только что открывшегося Успенского кафедрального собора. Там я служил на общественных началах, а жалование продолжал получать в Геологическом управлении. Это было замечательное время! Я еще работал в области геологии и в то же время служил священником[59].

Отметим в этом отрывке два момента.

Первый момент заключается в том, что архимандрит Гурий уже в ноябре 1945 года (т.е. за 9 месяцев до хиротонии) знал о своем будущем епископском служении, притом предполагал направление на Ташкентскую кафедру. Такие предположения могли быть основаны только на решениях Патриарха Алексия, который, скорее всего, намечал хиротонию архимандрита Гурия после открытия Троице-Сергиевой Лавры.

Второй момент – архимандрит Гурий направил иеромонаха Иоанна не к епископу Кириллу, а к протоиерею Григорию Брицкому, находившемуся «в хороших отношениях» с властями. По всей видимости, у наместника Троице-Сергиевой Лавры были веские причины не обращаться к правящему архиерею. И они, похоже, основывались на следующих событиях, произошедших во время приезда архимандрита Гурия в Ташкент.

Согласно докладу уполномоченного А.И. Степанова, протоиерей Павел Медведев, «имея личные счеты» с архимандритом Гурием, внушил епископу Кириллу, что автором анонимного письма из Самарканда является приехавший наместник Лавры. Сам Степанов указал в отчете в Совет, что это «совершенно неверно». Сделав такое заявление, уполномоченный, возможно, знал, кто стоит за подписью «Добролюбов». Медведев же подал рапорт епископу Кириллу следующего содержания:

> Ввиду возбужденного состояния верующих г. Ташкента по случаю анонимного пасквиля на Ваше Преосвященство и различных предположений относительно его авторов, а также

поступающих ко мне заявлений, прошу Вас, Ваше Преосвященство, отменить данное Вами благословение на служение о. архимандриту Гурию в церквах г. Ташкента[60].

Дезинформированный Медведевым, епископ Кирилл наложил на рапорт следующую резолюцию:

В интересах церковного спокойствия прошу о. Гурия воздержаться от совершения богослужений в г. Ташкенте[61].

Данный факт, по словам Степанова, породил среди верующих «много толков» не в пользу епископа Кирилла. В письме архимандриту Гурию в марте 1946 года протоиерей Григорий Брицкий указывал на тот факт, что «оскорбление Патриаршего наместника, оклеветание его, меры, которые епископ предпринял для этого, прошли для него безнаказанно»[62].

Итак, в январе 1946 года в Ташкенте открылась Госпитальная церковь, которая была переименована в Свято-Успенский собор, ставший кафедральным. Здание Успенского собора на тот момент было маловместительным, с низкими потолками, в очень запущенном состоянии и требовало капитального ремонта. В нем отсутствовала церковная живопись, не имелось церковной утвари и облачений[63]. По своему строению и состоянию Госпитальный храм не соответствовал статусу кафедрального собора. Но со временем Успенский собор посредством ремонтов и перестроек стал одним из главных архитектурных украшений Ташкента.

Епископ Кирилл назначил в Успенский кафедральный собор «священников, не уклонившихся в обновленчество: это было очень приятно верующим. Диаконы же были из бывших в обновленчестве»[64]. Чуть позже епископ Кирилл издал указ об организации единого причта церквей Ташкента и о слиянии братских кружек, считая что «объединение двух кружек (братских) должно предупредить “разделение в церкви”»[65]. На этой почве у епископа Кирилла, по словам уполномоченного, возникли «значительные трения» с ташкентским духовенством, основную часть которого составляли недавние обновленцы. Степанов отметил жалобы бывших обновленческих священников, что «такие “выпады” способствуют усилению антагонизма среди представителей этих двух течений»[66].

Духовенство Александро-Невского храма направило в Патриархию жалобу на епископа Кирилла, потребовавшего слияний братских кружек Александро-Невского храма и Успенского кафедрального собора, которые являлись самостоятельными приходами. Эта жалоба рассматривалась на заседании Священного Синода 4 апреля 1946 года, и в результате Синод постановил:

Предложить Преосвященному Ташкентскому отменить свое постановление о слиянии братской кружки двух храмов и предоставить право на общих основаниях каждому храму пользоваться братской кружкой самостоятельно, как того и желают причты этих храмов. О чем послать Преосвященному Ташкентскому выписку из настоящего постановления[67].

Чуть ранее, в марте 1946 года епископ Кирилл реорганизовал Епархиальный совет Ташкентской и Средне-Азиатской епархии. Причиной этому явилось увольнение протоиерея Григория Брицкого с должности настоятеля Александро-

Невского храма согласно решению Священного Синода, остававшееся неисполненным полтора года. Председателем Епархиального совета вместо Брицкого правящий архиерей назначил священника Успенского собора протоиерея Венедикта Покровского, а секретарем совета вместо протоиерея Павла Медведева стал клирик Александро-Невского храма протоиерей Алексей Панков (ранее Медведев заменил выбывшего в Москву архимандрита Гурия). Казначеем совета выбрали священника Успенского собора протоиерея Александра Щербова[68].

Но уже летом 1946 года епископа Кирилла спешно перевели из Ташкентской и Средне-Азиатской епархии на Ивановскую кафедру. Официальной версией перевода была формулировка «по состоянию здоровья». 20 июня епископа Ташкентского и Средне-Азиатского Кирилла принял в Москве Святейший Патриарх Алексий, по всей видимости, обсудивший с ним его будущее[69]. 21 июня 1946 года состоялось заседание Священного Синода, на котором было вынесено следующее решение:

> Выделить Ивановскую область в отдельную епархию и переместить на оную Преосвященного Ташкентского Кирилла, с присвоением ему титула Ивановского и Шуйского, с предоставлением ему месячного отпуска, согласно его прошению. О замещении кафедры епископа Ташкентского иметь особое суждение[70].

Возникает закономерный вопрос, что явилось подлинной причиной столь быстрого перевода епископа Кирилла с Ташкентской кафедры? К сожалению, не удалось обнаружить документы, прямо указывающие на основания его перемещения. Но сохранились письма протоиерея Григория Брицкого, написанные архимандриту Гурию в период с сентября 1945 года по апрель 1946 года[71], проливающие свет на события того времени, в том числе на обозначенное противостояние Брицкого и епископа Кирилла.

22 сентября 1945 года протоиерей Григорий написал находящемуся в Москве архимандриту Гурию о том, что отдельная группа людей, приближенных к епископу Кириллу, выслала в адрес Священного Синода «донесение, вернее грубейший пасквиль» с определенной целью – «не бывать Гурию епископом»[72]. В следующем письме от 8 октября 1945 года протоиерей Григорий Брицкий описал текущую ситуацию:

> Дела епархии идут все хуже и хуже. Беспрерывно совершаются назначения, переводы, награждения и проч[ее], о которых я узнаю лишь postfactum и то случайно. <…> Теперь же все во власти и ведении Кирилла и Павла. Первый, находясь в явной прелести, думает, что он управляет епархией, если и не по закону, то по “благодати”, а второй, как Вам небезызвестно, просто плут[73].

Из текста письма Брицкого следует, что архимандрит Гурий спрашивал его об отправленных из Патриархии в Ташкент «трех бумагах»: о Самаркандском деле, о незаконных награждениях и бесплатном проезде ташкентских делегатов прошедшего Поместного Собора в Москву. Брицкий сообщил, что он «случайно познакомился» с первой бумагой, на ней была «резкая резолюция Патриарха», и что он был вынужден хранить молчание[74].

26 февраля 1946 года протоиерей Григорий Брицкий написал архимандриту

Гурию о своем созревшем желании направить частное письмо протопресвитеру Николаю Колчицкому или «даже Самому Святейшему Патриарху» о том, что «произвол, неумение управлять и личные недостатки епископа Кирилла ведут епархию к развалу»[75]. Прежде же протоиерей Григорий просил «в экстренном порядке» передать в Патриархию копии двух приказов епископа Кирилла, а также отверженное архиереем «представление» церковного совета. По всей видимости, эти документы касались объединения клиров двух ташкентских храмов. В числе приложенных документов находилось письмо благочинного Таджикской республики протоиерея Василия Голубовского, «мысли которого и настроения», по мнению Брицкого, разделяли другие священнослужители Ташкентской и Средне-Азиатской епархии[76]. К письму Брицкого прилагалось «нечто секретное», касающееся растрат в приходах Самарканда и Сталинабада по запросу управляющего делами Московской Патриархии протопресвитера Николая Колчицкого. Протоиерей Григорий Брицкий просил архимандрита Гурия передать в адрес Колчицкого (возможно, не напрямую) вместе с письмом Голубовского свой рапорт на имя епископа Кирилла по поводу растрат и рапорт благочинного по Самаркандскому округу протоиерея Алексея Килячкова[77].

Рапорт благочинного по Самаркандскому округу, датированный 21 февраля 1946 года, удалось обнаружить в наблюдательном деле о деятельности Покровского собора в Самарканде в архиве Ташкентского Епархиального управления. Протоиерей Алексей Килячков докладывал епископу Кириллу:

> По содержанию телеграммы протопресвитера о. Н. Колчицкого и требования Вашего Преосвященства, устно переданного священнику о. Дерябину, могу доложить Вам лишь следующее: 1) О том, что церковные суммы Покровского собора расходовались беспорядочно, со злоупотреблением и не по назначению, мне известно из разговоров самих членов церковного совета. 2) Знаю также, что назначенная Вашим Преосвященством ревизия под председательством протоиерея о. Синицына точно установила факты неправильного ведения церковного хозяйства и даже растрат, что зафиксировано в докладе на имя Вашего Преосвященства[78].

«Дипломатический ответ» Килячкова, по словам Брицкого, не удовлетворил епископа Кирилла: он ждал другого ответа, по всей видимости, устраивающего его в ситуации с обвинением.

В то же время в общине Сталинабада помимо растрат произошло еще одно событие, о котором докладывал уполномоченный по Таджикской ССР Г.В. Лакин в августе 1946 года (т.е. уже после отъезда епископа Кирилла):

> По сообщению благочинного Голубовского молитвенный дом в Ленинабаде изъят из его ведения и подчинен непосредственно Ташкенту. По сообщению Голубовского он ожидает прибытия нового епископа, которому и намерен опротестовать неправильные действия бывшего епископа Кирилла[79].

В то же время епископ Кирилл, будучи в Ашхабаде 20-24 мая 1946 года, жаловался уполномоченному по Туркменской ССР М. Мальханову, что уполномоченный по Таджикистану Г.В. Лакин «все забрал в свои руки и всем распоряжается»[80].

11 марта 1946 года протоиерей Григорий Брицкий сообщил архимандриту Гурию о своем отстранении от должности настоятеля Александро-Невского храма указом от 27 февраля 1946 года. Брицкий просил архимандрита Гурия помочь ему в разрешении обидного и несправедливого дела. При этом добавил, что посылает Патриарху Алексию письмо и протест от церковного совета[81].

19 марта 1946 года протоиерей Григорий написал архимандриту Гурию, что днем ранее он «по настоятельному требованию епископа» сдал Александро-Невский храм со всем имуществом и наличностью протоиерею Алексию Панкову. При этом Брицкий добавил, что сделал это по совету уполномоченного А.И. Степанова, который уверял, что через два-три дня бывший настоятель получит все обратно. Одновременно была отправлена телеграмма Г.Г. Карпову, по всей видимости, оставшаяся без ответа. Протоиерей Григорий Брицкий указал на мотивацию епископа Кирилла: «Завладеть моим храмом была его давняя мечта, которую он даже не скрывал. Мечта приобрести машину и поочередно служить в двух храмах»[82]. По этой причине епископ Кирилл издал два указа: об объединения приходов Александро-Невского храма и Успенского кафедрального собора и братских кружек этих храмов. А так как Брицкий являлся противником этого объединения, то епископ Кирилл решил «его сменить и назначить более послушного»[83]. Поводом же для снятия послужили несколько рапортов местных священников епископу Кириллу без разбирательства и должного церковного правосудия[84].

9 апреля 1946 года протоиерей Григорий Брицкий выслал в Москву рапорт на имя патриарха Алексия с обоснованием неправильных действий епископа Кирилла и бездоказательных обвинений в его адрес. В конце своего рапорта опальный протоиерей просил патриарха о восстановлении себя в должности настоятеля[85]. 26 апреля рапорт Брицкого канцелярия Московской Патриархии переправила на отзыв епископу Кириллу[86]. Епископ Кирилл 14 мая 1946 года дал свой «краткий, но вполне исчерпывающий суть дела» отзыв: «Голос совести и здравый разум говорят мне: пока, до особых внушений, оставить свой указ в силе»[87].

С высокой степенью вероятности можно предположить, что направленные в Патриархию анонимные письма, жалобы ташкентского духовенства на неправомерные действия епископа, свидетельства о растратах в приходах Самарканда и Сталинабада, рапорты Брицкого, а также возможные комментарии лично патриарху Алексию со стороны архимандрита Гурия – в совокупности могли привести к решению об удалении епископа Кирилла из Ташкентской епархии.

В этой ситуации архимандрит Гурий для Патриарха Алексия являлся подходящей кандидатурой на пост управляющего Ташкентской епархией – образованный монах, преданный Церкви священнослужитель, прошедший тюремные заключения, ссылки и лагеря, а также опытный миссионер. Не последнюю роль сыграли личные отношения архимандрита Гурия с патриархом (во времена их служения в Петрограде) и его доверие к наместнику Троице-Сергиевой Лавры. К тому же архимандрит Гурий хорошо знал Ташкентскую епархию и местное духовенство, которое его уважало.

Положительную роль могла сыграть и «рекомендация» уполномоченного А.И. Степанова о назначении в епархию «более сильного иерарха». Карпов мог со-

гласиться с предложением своего подчиненного рекомендовать Патриарху Алексию кандидатуру нового епископа в Среднюю Азию в лице архимандрита Гурия. Или, по крайней мере, не возражать в случае поступления в Совет предложения патриарха о назначении епископа Гурия на Ташкентскую кафедру.

По всей видимости, епископ Кирилл не устраивал председателя Совета Г.Г. Карпова. Так, в своем докладе в Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) от 3 апреля 1946 года Карпов приводил епископа Кирилла в числе тех архиереев, которые, прикрываясь своей лояльностью и проводимой в период войны церковно-патриотической работой, пытались «в своих епархиях разжигать религиозные настроения, несколько оппозиционно относясь к Московской патриархии и уклоняясь от проведения в церквах занятой патриархией линии»[88]. В августе 1946 года Карпов отнес епископа Кирилла, на тот момент уже переведенного в Ивановскую епархию, к той части епископата, которая «мало интересуется состоянием церковной жизни, плохо знает своих благочинных и приходское духовенство, все свое внимание сосредотачивает на сборе средств на епархиальные расходы и на отчисления в Патриархию»[89].

Месяцем позже, в сентябре 1946 года, уполномоченный по Ивановской области С.А. Виноградов докладывал Карпову:

> Епископ Кирилл, прибывший в г. Иваново, с первых своих шагов резко обостряет взаимоотношения с местным духовенством. Разобидевшись на то, что в честь его приезда не была организована встреча, а он, по его словам, ожидал, «что его встретит на вокзале десятитысячная толпа верующих, члены Исполкома, и в честь его приезда будет устроен обед в Исполкоме на 100 персон», как он рассказывал, его встречали в Ташкенте, встреча же была скромная, он написал патриарху жалобу на благочинного Ивановской епархии протоиерея Миловидова, за что последний получил выговор от патриарха. Епископ Кирилл начал через группу верующих старух, так называемых «кликуш» распространять слухи, что он «разгонит тут все духовенство в Иваново и церковный совет, что его морят голодом и не дают денег» <…>. Я считаю, что кандидатура Кирилла для Иваново совершенно не подходящая, его политика даже на первых порах направлена не только в разрез наших Советских интересов, но и вразрез принятых решений Собора в Москве. Учитывая его старость, считал бы нужным поставить вопрос перед патриархом об увольнении епископа Кирилла «на покой», а в Иваново просил бы переместить епископа Владимирского и Суздальского Онисима (Фестинатова)[90].

Касаясь же вопроса анонимных писем («священника Г.П.» и «Добролюбова»), можно предположить, что непосредственное отношение к ним имел протоиерей Григорий Брицкий. Он же, по всей вероятности, был и тем самым «мудрым протоиереем», заявившем о «тяжелом наследии», которое достанется преемнику епископа Кирилла. И, несомненно, Брицкий находился за спиной уполномоченного Степанова, который «глаголал» словами «мудрого протоиерея»: «Отсутствие административных навыков и способностей правящего епископа (Кирилла Поспелова), потеря им всякого авторитета у верующих и духовенства приводит к развалу епархии». Сам же протоиерей Григорий Брицкий в письме в Патриархию сообщал, что «произвол, неумение управлять и личные недостатки епископа Кирилла ведут епархию к развалу». Даже не прибегая к филологическому анализу, можно

заметить идентичность приведенных формулировок. Вспомним и момент с рапортом архимандрита Гурия на имя Брицкого, который не мог просто так оказаться у Степанова.

Версии противостояния протоиерея Григория Брицкого и епископа Кирилла придерживается и ташкентский историк Р.В. Дорофеев[91]. В частности, в своих публикациях он отмечает, что противостояние этих двух священнослужителей «было обусловлено психологическим несходством, вопросом перераспределения власти и разными подходами к административной работе»[92]. Автор указывает на тот факт, что они были очень разными личностями. Епископа Кирилла он охарактеризовал как «пиетиста, человека, в жизни которого благочестие играет ведущую роль». Протоиерей Григорий Брицкий, по мнению Р.В. Дорофеева, имел иную «конструкцию души» – он был весьма далек от мистических настроений и аскетизма, будучи прагматичным, представлял собой тип образованного городского протоиерея, для которого служение в Церкви было родом «сословной карьеры». При этом Брицкий был прекрасным проповедником и хорошо знал Священное Писание. После перехода в Патриаршую Церковь в марте 1944 года Брицкий, несмотря на потерю положения одного из лидеров среднеазиатского обновленчества, продолжал оставаться ключевой фигурой в епархии. Протоиерей Григорий был хорошо знаком с уполномоченным по Узбекской ССР А.И Степановым, имел крепкие связи во властных структурах республики, которые делали его незаменимым в деле восстановления разрушенных структур управления Средне-Азиатской епархии. По мнению автора, любой назначенный на кафедру епископ должен был, хотя бы на первых порах, считаться с мнением Брицкого. Сам протоиерей Григорий осознавал собственную значимость и собирался играть ту же роль в епархии, что и в годы обновленческого раскола. Будучи в преклонном возрасте, он не потерял ни остроты ума, ни воли к власти, поэтому не собирался ограничивать себя только должностью настоятеля Александро-Невского храма, а тем более уходить на покой. В то же время оппонент Брицкого – епископ Кирилл (Поспелов) не был склонен подчиняться чьему-либо давлению, тем более учитывать пожелания бывшего обновленческого лидера[93].

Противостояние между двумя властными и волевыми личностями не могло тянуться бесконечно, борьба в итоге должна была закончиться поражением одной из сторон. Что и произошло через некоторое время – Брицкий проиграл «сражение», но не «войну». А архимандрит Гурий, будучи практически нейтральной фигурой, невольно был вовлечен в противостояние протоиерея Григория Брицкого и епископа Кирилла. Но итоги их противоборства для наместника Троице-Сергиевой Лавры оказались положительными.

11 августа 1946 года Священный Синод принял решение:

> Согласно с бывшими в Священном Синоде суждениями о замещении Ташкентской кафедры, в связи с перемещением Преосвященного Ташкентского Кирилла епископом Ивановским, на освободившуюся кафедру епископа Ташкентского и Средне-Азиатского назначить наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрита Гурия с тем, чтобы наречение и хиротония его во епископа произведены были в г. Москве. О чем послать (посылаются) Указы архимандриту Гурию и временному Ташкентскому Епархиальному управлению[94].

Хиротония архимандрита Гурия во епископа Ташкентского и Средне-Азиатского была совершена 25 августа 1946 года в Богоявленском кафедральном соборе Патриархом Алексием, митрополитом Ленинградским Григорием (Чуковым), епископом Калужским Онисифором (Пономаревым) и епископом Ужгородским и Мукаческим Нестором (Сидоруком)[95]. 27 августа епископ Гурий вместе с Патриархом Алексием посетил Троице-Сергиеву Лавру[96].

Это событие отразил в своих воспоминаниях митрополит Иоанн (Вендланд):

> В начале августа пришло постановление Патриарха и Священного Синода о том, чтобы архимандриту Гурию "быть епископом Ташкентским и Средне-Азиатским" и что его посвящение в этот высокий сан должно состояться в Москве. Оно было намечено на праздник Преображения Господня, 6 (19) августа, но к тому времени отец Гурий простудился и заболел. Хиротония была отложена на 25 августа. Отец Гурий выехал из Загорска поездом. Он взял с собой меня, Нину Сергеевну Яковлеву, мою сестру Елизавету Николаевну, Сашу Хархарова и Игоря Мальцева. От вокзала до Елоховского кафедрального собора мы шли пешком. <…> Отслужив несколько архиерейских служб в Москве и Загорске, владыка Гурий выехал в Ташкент. Ему было 55 лет. Начался самый плодотворный период деятельности епископа Гурия. Он очень глубоко переживал свое архиерейство. Душа его была подобна натянутой струне, и он некоторое время обдумывал, как именно эта струна должна будет звучать. Я нередко заставал его ночью, вставшим с постели и быстро ходящим по комнате взад и вперед. Так продолжалось около часа[97].

8 сентября 1946 года новый правящий архиерей Ташкентской и Средне-Азиатской епархии «приступил к исполнению своих обязанностей»[98]. Таким образом, всего на один год покинул архимандрит Гурий Среднюю Азию, вернувшись обратно епископом Ташкентским и Средне-Азиатским.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 30. Л. 80*об*-81.

[2] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 30. Л. 79.

[3] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 80. Л. 114.

[4] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 30. Л. 100.

[5] Цит. по: Никитин В.А. Патриарх Алексий I. Служитель Церкви и Отечества. – М.: Эксмо, 2013. С. 363.

[6] Алексий (Симанский), патр. Дневниковые записи. Т. 1 (1943–1950 гг.). Машинопись. Архив Московской Духовной Академии. Л. 98.

[7] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 80. Л. 201.

[8] Там же. Л. 203.

[9] Никитин В.А. Цит. соч. С. 364.

[10] Автобиография епископа Ташкентского и Средне-Азиатского Гурия (Егорова) // Личное дело митрополита Гурия (Егорова). См.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 6.

[11] Цит. по: Георгий Северин, прот. Воспоминания о митрополите Гурии (Егорове) // Михаил Литвиненко, свящ. Жизнь и деятельность митрополита Гурия (Егорова) в контексте русской церковной истории XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. – С-Петербург, 2011. С. 275.

[12] Боскин С., протодиак. Пасха 1946 года. Открытие Лавры Преподобного Сергия // Троицкое Слово. № 4. 1990 г. С. 17.

[13] Тихон (Агриков), архим. У Троицы окрыленные. Воспоминания. – Сергиев Посад: Издательство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000. С. 45-46.

[14] Цит. по: Человек, каких все меньше и меньше. Письма архиепископа Ярославского и Ростовского Михея (Хархарова) Г.А. Пыльневой // Православие и современность. 2010. № 17 (33). С. 102.

[15] Андроник (Трубачев), иг. Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. – М.: Издательский совет РПЦ, 2008. С. 297.

[16] Боскин С., протодиак. Цит. соч. С. 19.

[17] Там же. С. 19.

[18] Человек, каких все меньше и меньше... С. 102.

[19] Андроник (Трубачев), иг. Цит. соч. С. 297.

[20] См.: Боскин С., протодиак. Цит. соч. С. 20-21.

[21] Существует другая версия, отраженная в воспоминаниях архиепископа Михея: «Незадолго до открытия к владыке Гурию пришла женщина и принесла папку канцелярскую, и сказала, что у нее жил последний наместник Лавры после ее закрытия – архимандрит Кронид – и передал ей на хранение эту папку со словами: "Передашь ее следующему наместнику". Когда отец Гурий открыл ее, в ней был антиминс Успенского собора». (Цит. по: Человек, каких все меньше и меньше… С. 102).

[22] См.: Зегжда С.А. Александро-Невское братство. – Набережные Челны: ИД Новости мира, 2009. С. 15.

[23] См.: Иоанн (Вендланд), митр. Цит. соч. С. 176.

[24] Цит. по: Иоанн (Вендланд), митр. Цит. соч. С. 177.

[25] АТЕУ. Оп. 2. Д. 231. Л. 1-1*об*.

[26] Схиархимандрит Иларион (Удодов Иоаким Хрисанфович) родился в 1862 г. в Воронежской губернии в крестьянской семье. В возрасте двадцати лет ушел на Святую Гору Афон и поступил в Русский Свято-Пантелеймонов монастырь, где был пострижен в мантию с именем Иларион. В 1905 г. его послали в Россию со схиигуменом Кириллом для сбора пожертвований на монастырь, где им пришлось остаться. С 1914 по 1923 г. служил в московском Сретенском монастыре, с 1923 по 1935 г. – при Сергиевской церкви в с. Заболотье. В 1935 г. схиархимандрит Иларион перешел служить в с. Виноградово «на Долгом пруде» в храм Владимирской иконы Божией Матери, в 1936 г. был назначен настоятелем этого храма; в годы Великой Отечественной войны богослужения в этом храме не прекращались. См.: Мишин В., свящ. Не люблю властвовать над людьми. Жизнеописание старца схиархимандрита Илариона (Удодова), хранителя главы преподобного Сергия. М.: Новости, 2011. С. 7–80.

[27] Архимандрит Тихон (Агриков) в своих воспоминаниях пишет, что никто не знал, когда и откуда прибыл схиигумен Алексий, какова была его прежняя жизнь, происхождение и образование. Как истинный схимник, он проводил жизнь довольно суровую и воздержанную. См.: Тихон (Агриков), архим. Цит. соч. С. 75.

[28] Иеродиакон Иннокентий (Коляда, 1905–1982). В 1925 г. пострижен в монашество, в 1926 г. рукоположен во иеродиакона. Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации был в братстве Троице-Сергиевой Лавры. В 1953 г. рукоположен во иеромонаха.

[29] Человек, каких все меньше и меньше... С. 102.

[30] Алексий (Симанский), патр. Цит. соч. Л. 98.

[31] Андроник (Трубачев), иг. Цит. соч. С. 297.

[32] Троицкий собор был передан Московской Патриархии после летних торжеств 1948 г., посвященных 500-летию автокефалии Русской Православной Церкви. Мощи преп. Сергия Радонежского были торжественно возвращены из Успенского собора в Троицкий собор, где они пребывали до этого более пяти веков. См.: Андроник (Трубачев), иг. Цит. соч. С. 299.

[33] Цит. по: Человек, каких все меньше и меньше… С. 104.

[34] См.: Андроник (Трубачев), иг. Цит. соч. С. 139–142.

[35] См.: Там же. С. 198.

[36] Подробнее см.: Там же. С. 33–53.

[37] Цит. по: Человек, каких все меньше и меньше… С. 104.

[38] См.: Зегжда С.А. Указ. соч. С. 160–161.

[39] Боскин С., протодиак. Цит. соч. С. 22.

[40] Цит. по: Боскин С., протодиак. Цит. соч. С. 22.

[41] Цит. по: Человек, каких все меньше и меньше… С. 105.

[42] Цит. по: Боскин С., протодиак. Пасха 1946 года. Открытие Лавры Преподобного Сергия. С. 22.

[43] Там же. С. 23.

[44] Цит. по: Человек, каких все меньше и меньше… С. 105.

[45] Открытие Троице-Сергиевой Лавры // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 5. С. 10.

[46] Там же.

[47] См.: Боскин С., протодиак. Цит. соч. С. 29–30.

[48] Жизнеописание [о. Иоанна Крестьянкина]. Первые годы священнослужения. Храм Рождества в Измайлове (URL: https://www.ioann.org/zhizneopisanie/pervye-gody-sluzheniya)

[49] Монашество священник Иоанн Крестьянкин принял в 1966 г. – постриг совершил схиигумен (впоследствии схиархимандрит) Серафим (Романцов), служивший после закрытия Глинской пустыни в 1961 г. в Сухуми. До этого схииеромонах Серафим служил в 1946–1947 гг. в Успенском кафедральном соборе в Ташкенте.

[50] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 98. Л. 3-4.

[51] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 94. Л. 15-16.

[52] Там же. Л. 16.

[53] Иоанн (Вендланд), митр. Цит. соч. С. 129–130.

[54] Человек, каких все меньше и меньше… С. 105.

[55] (Московская прихожанка). Святейший Патриарх Алексий I и восстановление Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // Альфа и Омега. 1999. № 4 (22). С. 204.

[56] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 61. Л. 116.

[57] Там же. Л. 116–117.

[58] Там же. Л. 117.

[59] Иоанн (Вендланд), митр. Цит. соч. С. 128–129.

[60] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 61. Л. 118.

[61] Там же.

[62] АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 30.

[63] См.: Абдуллаев Е. История Ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора // Восток Свыше. 2011. Вып. 33–34. С. 30.

[64] АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 5. Л. 1.

[65] АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 31.

[66] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1 л/д. Д. 61. Л. 119.

[67] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 34а. Л. 54-55.

[68] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 109. Л. 34.

[69] Алексий (Симанский), патр. Цит. соч. Л. 103.

[70] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 34а. Л. 70-71.

[71] Данные письма находятся в личном деле протоиерея Григория Брицкого. См.: АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47.

[72] АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 22.

[73] Там же. Л. 24.

[74] Там же. Л. 24, 25.

[75] Там же. Л. 33.

[76] Там же. Л. 33*об*.

[77] Там же. Л. 27.

[78] АТЕУ. Оп. 2. Д. 102. Л. 40.

[79] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 110. Л. 106.

[80] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 110. Л. 101.

[81] АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 34-35.

[82] Там же. Л. 29*об*.

[83] Там же. Л. 29*об*.

[84] Там же. Л. 29.

[85] Там же. Л. 38–39.

[86] Там же. Л. 37.

[87] Там же. Л. 40.

[88] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 80. Л. 66.

[89] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 81. Л. 51.

[90] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 68. Л. 10-10*об*.

[91] Подробнее см.: Дорофеев Р. «Последний бой» протоиерея Брицкого // Восток Свыше. 2016. № 3 (41). С. 59–74; 2016–2017. № 4 – № 1 (42). С. 30–46.

[92] Там же. С. 44.

[93] Там же. С. 63-65.

[94] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 34а. Л. 79.

[95] Церковная жизнь. Хроника // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 9. С. 18.

[96] Алексий (Симанский), патр. Цит. соч. Л. 108.

[97] Иоанн (Вендланд), митр. Цит. соч. С. 130–131.

[98] Автобиография епископа Ташкентского и Средне-Азиатского Гурия (Егорова)… Л. 6.

Павел НАЗАРОВ

Погоня по Средней Азии

Отрывок из воспоминаний

Перевод с английского и предисловие Анатолия Цапенко

Павел Степанович Назаров родился в Оренбурге в 1863 году в семье староверов; его отец был владельцем нескольких рудников и главой города. Назаров учился в Московском университете, где получил степень доктора, защитив диссертацию по зоогеографии. Затем получил специальность горного инженера в Горном институте в Санкт-Петербурге. Назаров был членом Императорского минералогического общества, членом Императорского географического общества и Императорского Московского общества испытателей природы. Позднее Назаров поселился в Ташкенте, где его отец владел хлопковым заводом. Сам Павел Степанович, будучи геологом, открыл в Средней Азии несколько богатых месторождений полезных ископаемых — меди, серебра, каменного угля и начал их добычу, а также обнаружил залежи нефти. В виде хобби он занимался садоводством и культивировал в Туркестане множество лучших западноевропейских сортов фруктов и цветов, он также получил золотую медаль от Министерства сельского хозяйства и финансов за культивирование в крае земляного ореха — арахиса, с успехом демонстрируя ценность его масла.

В 1918 году Павел Степанович Назаров являлся одним из руководителей антисоветского подполья в Ташкенте, когда у власти в Туркестане находилась коалиция большевиков и левых эсеров. Осенью 1918 года он был арестован ЧК и приговорен к расстрелу, но после антисоветского восстания в Ташкенте, так называемого Осиповского мятежа, в январе 1919 года был освобожден из тюрьмы восставшими.

После поражения восстания он был вынужден скрываться у знакомых под Ташкентом, потом в горах близ Ташкента, а потом под чужим именем уехал в Семиречье, где жил в Пишпеке (ныне Бишкек). Позже, опасаясь ареста, Павел Степанович перебрался через Тянь-Шань на юг и, нелегально перейдя границу с Китаем, оказался в Кашгаре на китайской территории.

Все приключения, случившиеся с Назаровым во время его побега из Ташкента в Кашгар, и описываются в увлекательной книге «Hunted through Central Asia», которая была выпущена в свет в Великобритании (куда в итоге добрался Назаров) в 1932 году на английском языке. Отрывок из нее в нашем переводе предлагается ниже.

Однажды вечером, в Ташкенте, где-то в конце августа 1918 года, я сидел в своем кабинете и спокойно заряжал ружейные патроны, предвкушая с нетерпением дни охоты на бекаса, когда услышал шум подъезжающего к дому великолепного экипажа, запряженного парой гнедых.

Из него вышли двое мужчин, с головы до ног одетых в одежду из мягкой черной кожи. Это была форма тех, кто принадлежал к правящей партии коммунистов.

Я узнал их. Один из них был М., когда-то мой хороший друг и товарищ по охоте, но теперь член большевистской партии, выступающий от имени диктатуры пролетариата.

С другим я не был знаком хорошо; он был председателем местного комитета по сельскому хозяйству, и он также присоединился к большевикам в поисках выгоды. Ни один из них не был в глубине души коммунистом, но в тот момент оба занимали ответственные посты в Туркестанской республике рабочих и крестьян.

<…>

«Не удивляйтесь, Павел Степанович, – сказал один из них, когда они вошли в комнату, – что мы пришли с визитом к вам. Мы хотим использовать в своих интересах ваше великолепное знание Туркестана и ваш большой опыт; вы знаете этот край лучше, чем кто-либо…».

«Ради Бога, не надо комплиментов, – запротестовал я. – Перейдем к делу; скажите, что вы хотите и какие сведения ожидаете получить от меня».

«Мы хотим, чтобы вы рассказали нам об Устюрте. Скажите нам, как вы думаете, возможно ли пересечь его на автомобиле?»

«Почему вы интересуетесь этой пустыней?» – спросил я их с удивлением.

«Хорошо, – сказал один из них. – Видите ли, Туркестанский совет по сельскому хозяйству собирается направить научную экспедицию для исследования этого района».

«Что? – удивленно воскликнул я. – Научная экспедиция на Устюрт? Подходящее ли сейчас время для научной экспедиции? Где вы собираетесь взять техническое оборудование для экспедиции?» – добавил я с иронией.

«Что вас смущает?»

И тут мне сразу все стало ясно, и я понял причины их прихода ко мне и их интерес к Устюрту. Связь Туркестанской советской социалистической республики с Москвой была прервана. На юге на реке Амударье около Чарджоу находился англо-индийский военный контингент с некоторыми «белыми»; Среднеазиатская закаспийская железная дорога была в их руках. На севере казаки атамана Дутова* пре-

* *Александр Ильич Дутов* (1879–1921) – военный, один из лидеров Белого движения, атаман Оренбургского казачества, генерал-лейтенант (1919). 26 октября (8 ноября) 1917 года в Оренбурге подписал приказ по Оренбургскому казачьему войску № 816 о непризнании на территории войска власти большевиков. Взял под контроль регион, перекрывавший сообщение центра страны с Туркестаном и Сибирью. Его целью было проведение выборов в Учредительное собрание и поддержание стабильности в губернии вплоть до его созыва. В ноябре 1917 года был избран членом Учредительного собрания от Оренбургского казачьего войска. Позднее части Дутова вошли в состав армии адмирала Колчака. Оренбургская армия Дутова вела борьбу с большевиками до сентября 1919 года, когда была разбита под Актюбинском Красной армией. После этого Дутов с остатками войска отошел в Семиречье и присоединился к Семиреченской армии атамана Анненкова, где был назначен генерал-губернатором Семиреченской области. В мае 1920 года с Атаманским отрядом и гражданскими беженцами перешел в Китай. 7 февраля 1921 года был убит в Шуйдине (Китай) в ходе спецоперации ЧК. (Здесь и далее – прим. переводчика.)

рвали сообщение с Оренбургом, в то время как на востоке в Семиречье крестьяне подняли восстание против большевиков. Запасы боеприпасов и военного снаряжения в Туркестанских вооруженных силах истощались, и положение Советского правительства в крае становилось критическим. Оно было окружено врагами со всех сторон, и было ясно, что комиссары надеялись открыть автомобильное сообщение через Устюрт – пустынное плато между Аральским и Каспийским морями, к заливу Мертвый Култык на побережье последнего, где они могли бы принимать корабли из Астрахани, находившейся в их руках.

Было бесполезно скрывать от них возможность организации сообщения по этому маршруту, так как они были способны его найти сами рано или поздно. Я должен был проникнуть в их намерения и сделать соответствующие шаги, поэтому я решил схитрить.

«Никакую научную экспедицию вы не собираетесь организовывать, – сказал я им. – Вы собираетесь открыть сообщение с Москвой через Аральское море и залив Мертвый Култык».

Казалось, они поначалу были немного поражены, затем обрадовались, так как могли теперь говорить без обиняков, и перешли прямо к делу.

«Видите ли, – сказал один из них, – мы, конечно, должны изучить этот маршрут, но предполагаем провести и небольшое исследование – этот уголок Туркестана почти не изучен. Но скажите, можем мы проложить автомобильную дорогу через Устюрт?».

«Конечно, и достаточно легко».

«В таком случае, не возьметесь ли вы организовать эту экспедицию?».

«Никогда ни при каких обстоятельствах», – решительно ответил я.

«Но почему? – воскликнули они с удивлением. – Конечно, мы знаем вашу антипатию к большевикам, но мы обещаем вам, что ни одного из них не будет с вами; вы можете набрать ваших людей в соответствии с вашими вкусами. Советское правительство даст вам абсолютно надежный автомобиль и все, что вы пожелаете для экспедиции, и изрядную сумму на расходы, и вам заплатят за ваше участие в этом деле. Мне говорили, что на Устюрте очень хорошая охота», – добавил один из них, пытаясь меня соблазнить.

«Премного благодарен», – ответил я холодным тоном.

«Все, что вы должны будете сделать, это проехать через Устюрт, доказать, что это возможно сделать на автомобиле, и писать отчет по дороге».

«Это было сделано несколько лет тому назад», – сказал я спокойно.

«Что? Как? Когда? Кем?» – воскликнули они, чуть не подпрыгнув.

«Если вы пойдете в старую резиденцию Генерал-губернатора и возьмете из архива папку за 1883 год, вы найдете полное детальное описание дороги через Устюрт. Дорога была размечена генералом Черняевым*, когда он проехал через Устюрт в экипаже на коронацию Александра III весной 1883 года. Этот безрассудный поступок стоил ему отставки. Направление через Устюрт, описание пути,

* *Михаил Григорьевич Черняев* (1828–1898) – генерал, военный и политический деятель; туркестанский генерал-губернатор (1882–1884). В 1883 году в военно-научных целях пересек плато Устюрт с небольшим отрядом.

места отдыха, колодцы там описаны детально, там вы найдете всю необходимую вам информацию».

«Как мы можем отблагодарить вас за столь ценную информацию?» – спросили они, пораженные моей откровенностью. «Мы понимаем, что денег вы не возьмете, – продолжали они. – И вряд ли возьмете что-либо у советского правительства; но взгляните на этот экипаж, – и тут они показали на него из окна. – Пара лошадей всегда в вашем распоряжении, если вы когда-либо захотите поехать куда-нибудь на денек, например, на охоту», – сказал один из них, зная мою слабость.

«Ради Бога… вы же знаете… эти лошади и весь выезд, все было украдено. Все это было "экспроприировано" у госпожи Х», – сказал я, прерывая эти изъявления благодарности.

Этот ответ смутил их, и, спешно попрощавшись, они ушли.

Утром следующего дня из моего дома вышли двое мужчин. Один был бухарским евреем с седой бородой, в грязном халате, другой был еще более грязным «товарищем» в черной рубашке и кожаной кепке.

На самом деле первый был капитаном одного из гвардейских полков, грузином. Он направлялся в Бухару и далее, через пустыню, в штаб британско-индийского контингента. Другой был артиллерийский полковник, прошедший всю войну на германском и австрийском фронтах; он направлялся на север к атаману Дутову.

Ставка большевиков на Устюрт была проиграна. Прежде чем большевистская «научная экспедиция» могла состояться, пароход «Скобелев», преобразованный в крейсер англичанами, занявшими Баку, направился в залив Мертвый Култык, а оренбургские казаки блокировали Устюрт с севера. Туркестанская республика рабочих и крестьян оставалась отрезанной от остальной части большевистского мира и могла рассчитывать только на свои собственные ресурсы.

Пару месяцев спустя в один прекрасный октябрьский вечер, когда после дня удачной охоты на фазанов я спокойно отдыхал в своем кабинете, у крыльца остановился автомобиль, и из него вышло шестеро в черной коже с ног до головы и вооруженные винтовками. Я не стал дожидаться, пока они войдут, и мгновенно выбежал через веранду в сад. Прежде чем они вошли в комнату, я перелез через забор в соседский сад и скрылся.

Но спустя два дня после этого, когда в поисках лучшего убежища я шел по площади в старогородской части Ташкента, я увидел двух одетых в белые льняные рубахи с коротким рукавом русских, сидящих в нескольких шагах от старой мечети. Они, как выяснилось, были сотрудниками всесильной ЧК.

Через мгновение к моей голове были приставлены четыре револьвера, и я был арестован. Оба эти мошенника имели по два револьвера и были весьма удивлены, не найдя у меня при обыске никакого оружия.

<…>

Одним из документов, свидетельствующих против меня, было перехваченное большевиками письмо. Оно было направлено мне из Ферганы посыльным от полковника П.Г. Корнилова*, брата известного генерала. Мы вместе экипиро-

* *Пётр Георгиевич Корнилов* (1880–1919) – младший брат генерала Лавра Георгиевича Корнилова, полковник. Один из руководителей вооруженного сопротивления советской власти в Туркестане. Был схвачен агентами ЧК в Ташкенте в 1919 году и расстрелян.

вали и послали группу офицеров для организации в Фергане отряда национальной конницы для борьбы против большевиков. Несмотря на мои неоднократные запреты посылать какие-либо сообщения в письменной форме, щепетильность до мелочей несчастного Корнилова в вопросах чести заставила его послать мне подробный отчет о своих расходах и предпринятых действиях в надежде на то, что его посыльный будет в состоянии пройти через горы и обойти советские кордоны. В этом письме среди прочего содержалась фраза «Я отдал капитану В. скакуна».

Судье трибунала даже в голову не приходила мысль, что речь в данном случае может идти о лошади, бегущей определенным аллюром – галопом, рысью или иноходью. Он видел в этой фразе намек на какую-то тайну или кодовое слово и продолжал давить на меня, требуя пояснить скрытое значение этой загадочной фразы.

Не добившись от меня ничего, они отправили меня вниз в подвалы ЧК...

<…>

Было уже поздно, и меня начала волновать мысль об обеде.

Окно камеры, закрытое решеткой из железных прутьев, находилось в самом верху, и как только я уставился на него, размышляя о том, что и где я мог бы поесть, внезапно раздался стук, и через решетку на пол упал маленький пакет, следом второй. Я посмотрел и заметил сквозь решетку улыбающееся лицо киргизского мальчишки Каримбая, служащего у меня на конюшне. «Длинное Ухо» – узун кулак – киргизское «радио» позволило моим родным позаботиться о моем нехитром ужине.

<…>

Враги Рабоче-крестьянского правительства не обеспечивались освещением, и как только стало темно, мне не оставалось ничего другого, как только лечь на голые доски широкой скамьи и попытаться заснуть.

Среди ночи я был разбужен шумом открывавшейся двери, шагами и светом. Вошли два сотрудника ЧК в сопровождении пары вооруженных красноармейцев.

«Мы пришли сообщить вам, – сказали они, – что принято постановление расстрелять вас».

«Хорошо, расстреливайте», – ответил я.

<…> Бормоча что-то под нос, они вышли, а я лег и проспал до утра.

Пару дней спустя в одиннадцать часов ночи меня забрали и отвели наверх в большую комнату. Вокруг стола, покрытого красной скатертью, сидела вся ЧК. С торжествующим видом они вручили мне лист бумаги с длинным списком вопросов о «заговоре против правительства рабочих и крестьян». Кто был в числе заговорщиков? Где они брали деньги? Где их армия и насколько они были готовы? В какой связи они были с сотрудниками британско-индийского контингента, который вторгся на мирную землю Туркестанской советской социалистической республики, и так далее.

«Если вы дадите детальные письменные ответы на все эти вопросы, мы простим вас, – сказал председатель. – Однако, если вы откажетесь отвечать или дади-

те ложные ответы, мы расстреляем вас. Хорошенько подумайте об этом и завтра вечером дайте нам свой ответ».

Пробежав глазами по списку, я улыбнулся и вернул бумаги: «Расстреливайте. Я не могу ответить ни на один из ваших вопросов, потому что все это чушь, фантазия. Никакого заговора не существовало вообще».

«Подумайте хорошенько, – снова сказал председатель. – Скажите правду, и мы дадим вам деньги и паспорт и пошлем вас тайно за границу».

«Знаю, куда вы меня пошлете в любом случае, так что пошли вы…», – подумал я про себя и затем повторил: «Никакого заговора не было. Несколько офицеров уехало в Фергану, чтобы избежать вашего преследования, вы ведь убивали каждого, кто с честью сражался за родину. Я дал им деньги на эту поездку из своих личных средств».

Не получив больше никаких сведений, они продержали меня в подвале еще три дня, а затем отправили в тюрьму.

Тюрьма в те дни была точно такой, какой она была в царское время. Странно это говорить, но после подвала ЧК я чувствовал себя в тюрьме намного лучше, хотя и был посажен в одиночную камеру.

На второй день кто-то бросил мне местную газету через небольшое оконце для наблюдения в двери. В ней содержалось официальное заявление советских властей о том, что заговор «белых бандитов» с целью свержения диктатуры пролетариата был сокрушен, и теперь его главарь и главный организатор находится в руках советского правительства. Это заявление было подписано целой толпой народных комиссаров*. Они не догадывались, как сильно они ошибались.

Я провел целый месяц в одиночном заключении. Раз в день они разрешали мне прогулку во дворе под присмотром двух вооруженных солдат. Общение с другими заключенными и моими друзьями было невозможно. Моя камера проветривалась через небольшое зарешеченное железными прутьями окошко, которое находилось почти под потолком. Через него я мог видеть только маленький клочок голубого неба.

Началась чудесная туркестанская осень, сухая, чистая и теплая, время перелета птичьих стай с далекого севера. По ночам я часто слышал их крики; свист болотных птиц, мелодичное курлыканье журавлей, глубокие крики диких гусей, всё это долетало до моих ушей. Птицы, радующиеся своей свободе, направлялись в теплые края, свободные в необъятном пространстве, далеко в Индию, землю чудес! Моя душа летела вместе с ними в эту чудесную землю, такую далекую от штормов и тревог революции. Мысленно я говорил «прощайте» этим старым друзьям, которых я так любил с детства, вызывая в памяти картины чудесной природы и дней охоты в Туркестане. Меня не оставляла мысль, что каждая ночь могла стать моей последней. <…>

Каждую неделю меня привозили на допросы в ЧК под усиленной вооруженной охраной. Новый следователь теперь устраивал мне перекрестные допросы, и, должен с сожалением заметить, это был настоящий военный юрист, пошедший на

* Напечатано в «Нашей газете» 29 октября 1918 года.

службу к большевикам; но даже и он был поразительно невежественным, думая, что город Мешхед находится в Западном Китае, а Кашгар в Персии. <…>

Однажды они продержали меня в ЧК с раннего утра до десяти часов вечера. Когда я вернулся в тюрьму, то привратник, раньше работавший извозчиком в городе и хорошо меня знавший, обрадовался, снова увидев меня живым, и воскликнул: «Слава Богу, Павел Степанович! Вы вернулись живым и невредимым! Мы очень волновались. Даже у уголовников никто не ложился спать, так они беспокоились о вас».

Тюремная еда была ужасна; она состояла исключительно из супа с небольшим количеством овощей без какого-либо мяса. Родственники и друзья заключенных, как правило, приносили им еду с воли, и если у кого-то не было друзей, могущих помочь, то он был обречен голодать.

Те, кто получал еду из дома, обычно делились ею со своими товарищами по заключению.

Как правило, еду приносили женщины, и они обычно ждали у ворот тюрьмы, когда сторож выйдет, чтобы забрать ее, и оставались, ожидая, когда им вернут посуду. Ожидание было очень тревожным, часто сторож использовал условное выражение: «Он больше не нуждается в обедах!». Это означало, конечно, что заключенный был ночью расстрелян. Однажды моя жена стояла у ворот тюрьмы с обедом для меня как раз в тот момент, когда меня везли на допрос в ЧК. Ворота были открыты, и я увидел жену и нашего маленького преданного фокстерьера Ромашку. Я впервые видел свою жену с момента моего ареста, легко вообразить испытанное нами волнение. Ромашка была чрезвычайно рада снова мельком увидеть своего хозяина, и с этого дня каждый раз, когда моя жена приходила к воротам и ждала, Ромашка отчаянно пыталась прорыть подкоп под тюремными воротами. Умное маленькое создание, она знала совершенно точно, что я заперт в этом здании, и пыталась, как только могла, помочь мне освободиться. Она поранила лапы и повредила когти о камни, так что жене приходилось привязывать ее, когда она приносила мне еду, и бедная Ромашка выла от горя.

В конце концов, однажды следователь сказал мне, что следствие по моему делу закончено.

«Не будете ли вы столь любезны, чтобы сообщить мне, в чем меня обвиняют?» – спросил я.

«Да. По сути, против вас нет никаких определенных обвинений, и допрос не принес ничего нового, – ответил он. – Но все равно, вы известный враг пролетариата и поэтому заслуживаете суровейшего наказания». <…>

По завершении следствия меня перевели из одиночной камеры в общую, № 22, где находились многие, арестованные еще прежде меня, и где я нашел друзей и знакомых, состоявших со мной в заговоре против советской власти. Всех нас ожидала одинаковая судьба – быть расстрелянными.

В городе среди приличных людей было большое беспокойство относительно нас, так как они считали, что наша казнь неизбежна.

Незадолго до этого десять членов Конституционно-демократической партии было арестовано и варварски умерщвлено только потому, что они были членами «буржуазной партии». Их вывели во двор тюрьмы, раздели догола холодной зим-

ней ночью, и затем эти дьяволы стали поливать их холодной водой. Когда они замерзли, как статуи, пьяные солдаты разрубили их на части саблями.

Когда я присоединился к своим товарищам, мы быстро обсудили разные стороны нашего положения и в течение нескольких дней установили связь с нашими друзьями в городе. Более того, мы наладили связь с представителями местного населения, поднявшегося против большевиков в Ферганской области, где под командованием бывших царских офицеров они провели несколько успешных операций против подразделений Красной армии.

Как правило, по утрам и вечерам нас выводили на прогулку во внутренний двор тюрьмы. Здание тюрьмы было старым и имело два двора. Внешний двор выходил прямо на улицу, и здесь находились подсобные помещения, квартиры служащих и лавки.

Во внутреннем дворе были камеры заключенных, кухня и больница.

Через сильно укрепленные железные ворота можно было попасть с улицы сразу во внешний двор, и через такие же ворота можно было пройти из внешнего двора во внутренний. Они всегда были закрыты, и на воротах постоянно дежурили вооруженные охранники. Все это было окружено массивной высокой каменной стеной, и в качестве дополнительной меры предосторожности весь комплекс зданий был окружен заграждением из колючей проволоки, вдоль которого день и ночь непрерывно ходил специально подобранный красноармеец-часовой.

В первом дворе прямо напротив стены, окружавшей внутренний двор, располагалась тюремная лавка, которая была связана с внутренним двором через маленькое окошко или люк. Во время прогулки заключенные могли подходить к этому люку и покупать табак, спички, сухофрукты, «нон», или местный хлеб, в форме маленьких лепешек, и прочую всякую всячину.

Держал эту маленькую лавочку старый сарт, и каждое утро он приходил со своим помощником, также сартом, и приносил на своих плечах мешок с товарами. На входе в тюремный двор содержание его мешка, конечно, в течение нескольких минут проверялось тюремными охранниками.

Когда меня переводили из одиночной камеры в общую, то первым делом я попытался попасть в одну камеру вместе с моим хорошим другом, местным уроженцем по имени Абдул Каспар. Это был человек, пользовавшийся огромным влиянием и уважением среди местных жителей Ферганы. Он был арестован и помещен в тюрьму большевиками без какого-либо повода, просто в качестве меры предосторожности, для удаления и изоляции человека, чье влияние на сартов могло быть опасно для советской власти.

Абдул Каспар содержался в отделении тюрьмы, предназначенном для заключенных местных национальностей.

Он сразу понял мою идею и подал прошение комиссару тюрьмы с просьбой перевести его в камеру № 22.

«Почему туда? – спросил комиссар с удивлением. – Разве вы не знаете, что там содержатся только преступники, осужденные на смерть?».

«Там сидит мой хороший друг Назаров Бек. Мои люди его хорошо знают, и я хотел бы быть рядом с ним во время его последних дней на земле. Может быть,

скоро Аллах смилостивится и меня тоже призовет к себе», – ответил Абдул Каспар в витиеватой восточной манере.

«Хорошо. Если ты хочешь вместе с Назаровым отправиться в мир иной, можете отправляться туда вместе», – ответил комиссар с усмешкой.

Три дня спустя после перевода Абдул Каспара в нашу камеру, он принес из тюремной лавочки несколько кружков «нона» – лепешек, которые он купил, и дал каждому из нас. Эта была первая почта, полученная нами из внешнего мира.

Местный хлеб «нон» – лепешки – делают в форме круга. В тонкой части посередине располагается какой-нибудь орнамент в форме простого узора на запеченном тесте, в то время как края лепешки слеплены из толстого слоя теста.

На узорах каждой лепешки Абдул Каспар без труда читал имя и адрес, иначе говоря, информацию о том, кому какая лепешка предназначалась. В узоры были вписаны буквы арабского алфавита, а в тесте по краям находились письма от друзей и родных.

Еда, приносимая нам из дома, проверялась самым тщательным образом тюремной охраной, иногда даже самим комиссаром. Хлеб разламывался, и всё крошилось на мелкие кусочки. Но никому и в голову не приходило проверять лепешки, приносимые с базара в лавочку на продажу заключенным сартам. Да и кто мог бы догадаться, что грязный оборванец – помощник хозяина лавки, носящий с базара в лавку тяжелые мешки, это родной сын Абдул Каспара – богатый молодой аристократ-сарт?

Спустя два дня этого молодого «слугу» заменили на более старого и еще более оборванного.

«Мадамин Бек[*] просит наших дальнейших указаний для своих операций против большевиков, – объяснил мне Абдул, когда во время прогулки отошел со мной поговорить в сторонке, – это его посыльный, конечно, замаскированный, сидит в лавочке».

На следующий день во время прогулки Абдул Каспар впал в неистовую ярость, ругаясь, как он только мог, на сартском и русском языках, и, разбив окно лавочки, с яростью бросил туда лепешку, которую он там купил.

«Вы собаки, а не правоверные мусульмане! Вы продаете несчастным заключенным хлеб, полный тараканов! Вы хуже, чем собаки; ешьте его сами и подавитесь им! И будьте вы прокляты!»

Затем он добавил несколько выражений на таджикском языке, который хорошо известен говорящим на нем жителям Ферганской области, но который совершенно не был знаком ни одному из молодых красноармейцев, несущих караул в лавочке, когда она была открыта.

Таким способом была послана инструкция и указания Мадамин Беку в Фергану:

1. Остановить работу железной дороги, разрушить мосты и дороги, ведущие в Фергану.

[*] *Мадамин-бек* (Мухаммад Амин Ахмед-бек, 1893 /по другим данным – 1882/ – 1920) – политический деятель; один из руководителей так называемого басмачества в Ферганской долине, являлся полевым командиром (курбаши) в окрестностях Андижана, командуя отрядами численностью до 30 тысяч человек. В марте 1920 года заключил перемирие с Советской властью, в мае 1920 года был казнен повстанцами, продолжавшими борьбу.

2. Разрушить нефтяные скважины в Фергане и тем самым лишить большевиков поставок топлива для железной дороги.

3. Сконцентрировать значительные силы конницы в Кендер-Даванском проходе, ведущем прямо через горы в Ташкент, и напасть на советскую армию, когда вспыхнет восстание в Ташкенте. Национальная конница сможет отсюда достичь Ташкента за ночь и нанести сокрушительный удар по тылам большевиков.

От наших друзей из города мы также получили хорошие вести. После некоторого замешательства, вызванного моим арестом, несколько моих друзей и люди, принадлежащие к нашей организации, возобновили подготовку к восстанию.

Значительная часть рабочих была уже против советской власти и присоединилась к нашей организации. Я не был особенно доволен этим, так как мне был известен корыстный характер этих людей, и я не без основания считал, что они способны предать нас в критический момент сражения и переметнуться к большевикам.

Все же эти хорошие новости значительно подбадривали нас в заключении в камере смертников, где мы находились и ожидали в любой момент фатального исхода.

Другие заключенные удивлялись нашей внешней беззаботности и положительно веселому настроению.

В конце концов, дилемма была очень проста. Расстреляют ли нас большевики до начала нашего восстания или нет? Иногда мы терялись в догадках, почему ЧК ждет и не приводит в исполнение свои планы, по крайней мере в отношении меня? По тюремным слухам, я должен был быть первым.

И только впоследствии я понял, что объяснялось это успехами англо-индийского контингента, который прокладывал себе дорогу из Индии к Персии и Транскаспийскому региону, в то время как контингент «белых» находился на реке Амударье в Чарджоу. Они могли оказаться в Ташкенте в течение двух дней. С севера, как я уже писал, пробивались сюда казаки Дутова, а в Семиречье подняли восстание крестьяне. В результате не оставалось места, куда могли бы податься представители Рабоче-крестьянского правительства. Со стороны казаков или крестьян Семиречья они едва ли могли рассчитывать на снисхождение. Меньшей опасностью для них представлялось попасть в руки образованных людей, таких как англичане, которые могли воздержаться от того, чтобы их повесить. Некоторые комиссары выступали за капитуляцию генералу, который командовал британскими силами, чтобы застраховать себя от возможности быть порубленными саблями казаков или повешенными разъяренными крестьянами Семиречья. Более того, мои друзья из британских сил сообщили комиссарам Туркестанской советской республики, что если хоть один волос упадет с головы какого-нибудь политического заключенного, они могут не рассчитывать на снисхождение; в таком случае они все будут повешены немедленно.

Ефрем РЯБОВ

Убегая от наивных чекистов

О воспоминаниях Павла Назарова

В издательстве «Издательские решения» недавно опубликованы воспоминания туркестанского геолога и одного из руководителей антибольшевистского подполья в 1918–1919 гг. Павла Степановича Назарова (1863, Оренбург, – 1942, Йоханнесбург, ЮАР) «Погоня по Средней Азии. Побег от ленинской тайной полиции» (далее – «Погоня»).

Книга переведена с английского бывшим ташкентцем, физиком и краеведом Анатолием Михайловичем Цапенко. Это уже второй его труд, первым был перевод мемуаров английского разведчика Фредерика Маршмана Бейли «Миссия в Ташкент», вышедших в свет в 2013 году в московском издательстве «Языки славянской культуры»[1], где переводчик выступил под псевдонимом «А. Михайлов».

У мемуаров Назарова замысловатая судьба. Их оригинал на русском языке, скорее всего, затерялся в архивах ЮАР, куда добрался Назаров, спасаясь от преследования чекистов. Воспоминания были изданы в 1932 году в Великобритании на английском языке в переводе Малькольма Берра, друга Назарова, – геолога, писателя и дипломатического чиновника, переведшего также «Дерсу Узала» В. Арсеньева. «Погоня» стала библиографической редкостью, а советскому читателю и вовсе была недоступна. Однако книга не потеряла своей исторической ценности. В 1993 году в Оксфорде она была переиздана с предисловием известного английского журналиста и историка Питера Хопкирка (1930–2014).

Чтение «Погони» оставляет, однако, очень неоднозначное впечатление: порой кажется, что текст писали два разных человека. Там, где речь идет о природе, геологии, археологии, охотоведении, флоре, фауне и особенно орнитологии, – автор показывает себя профессионалом. Описание птиц Туркестана – просто «соловьиная песня»:

> Стало теплее уже и в низинах. Снег исчез почти везде, и в степи стала появляться зеленая трава. Появились бекасы и другие болотные птицы, и я несколько раз отлично поохотился, поскольку смог достать превосходное безударное двуствольное ружье. Также появились стрепеты, и дрофы, и рябки (Pterocles arenaria) и разные чибисы, и другие охотничьи пти-

> цы. Я подстрелил огромную дрофу из своей винтовки; она весила сорок фунтов и обеспечила нам великолепный обед на Пасху (с. 210)*.

Вполне на уровне советского писателя-орнитолога Виталия Бианки (которого, кстати, тоже поштормило в революционные годы: он был эсером, его мобилизовали в армию Колчака, а при красных он неоднократно арестовывался).

Но как только ташкентский геолог Назаров касается тем политики и истории, чувство реальности ему отказывает; у читателя начинают возникать недоуменные вопросы, и информацию приходится просеивать сквозь сито критического анализа.

Например, Назаров пишет:

> Я выехал из Пишпека 18 мая... Мы провели ночь в Токмаке, а на следующий день был большой православный праздник, Вознесение. Был прекрасный солнечный день, и громкий колокольный звон наполнял утренний воздух. Я слушал в последний раз голос своей родной церкви, обращенный ко мне.
>
> После службы толпа прихожан выплеснулась из церкви, мужчины и женщины в пестрых одеждах и платках. Собравшись вокруг церковной ограды, они образовали яркий и довольно оригинальный фон для военного парада, который вскоре состоялся – парад Красной армии на манер старых времен, когда такое действо было обязательным в дни важных церковных праздников. Поводом была вторая годовщина образования Красной пролетарской армии. Псевдобольшевики Токмака сохранили свое оружие, объединяя коммунистическое действо со старым русским церковным праздником (с. 217–218).

Пытливого читателя начинают терзать смутные сомнения. Вторая годовщина создания Красной армии приходилась в 1920 году, как и в любой другой год, на 23 февраля и всегда отмечалась по новому стилю. Однако этот праздник был установлен в РСФСР в 1922 году, в четвертую годовщину создания Красной армии, и в Токмаке, административно входившем в РСФСР, официально и не официально праздноваться не мог, хотя бы потому, что еще шла гражданская война. Но и Вознесение в тот год 20 мая, скорее всего, в Токмаке не отмечалось – поскольку 20 мая оно могло отмечаться по григорианскому календарю (новый стиль), и сомнительно, чтобы местное духовенство изменило юлианскому календарю (старый стиль), по которому и по сей день отмечаются православные праздники. Этого не мог не знать Назаров, всячески подчеркивающий в воспоминаниях свою воцерковленность, да и до этого он описывает события 1919 года по старому стилю. По поводу чего состоялся военный парад в Токмаке в четверг 20 мая 1920 года, так и осталось не ясным.

Особенно сомнительными становятся воспоминания Назарова, когда он пишет о чекистах; здесь чувство меры ему явно изменяет.

> Позже они стали прибегать к пыткам и для этого использовали китайцев или латышей, но пока они боялись это делать, так как красноармейцы и местные сарты могли начать протестовать (с. 24).

* Здесь и далее ссылки на «Погоню» даются в круглых скобках после цитат.

Заметим, что к самому Назарову пытки не применялись, его никто не бил, а китайцев и латышей в Ташкенте тогда можно было по пальцам пересчитать...

Что касается ташкентских латышей в 1918 году, то, возможно, Назаров имеет в виду Фрица Цируля, занимавшего с 1917 по 1923 гг. ответственные посты в карательных органах Туркестанской АССР. В 1905–1906 годах Цируль был в эмиграции в Англии и, вероятно, сохранял с тех пор какие-то связи с англичанами. Бейли о Цируле в книге «Миссия в Ташкент» пишет следующее:

> Он был яростным революционером, но относился дружески к нам, и позже, когда Тредуэлл (американский консул – *Е.Р.*) был посажен в тюрьму и чуть было не расстрелян, именно Цируль вытащил его из тюрьмы и спас ему жизнь. В другой раз он сделал то же в отношении капитана Брюна (представитель Дании – *Е.Р.*). Цируль даже однажды предложил Брюну убежать обоим вместе. Он был совершенно откровенен с Тредуэллом и однажды сказал ему, что если он помогает ему в Ташкенте, то он надеется, что, если это будет необходимо, Тредуэлл поможет ему с убежищем в Америке[2].

Цируль был удивительным образом хорошо проинформирован об осиповском восстании 19 января 1919 года и в этот момент просто исчез. Вместо него в казармы восставшего второго полка вместе с комиссарами поехал его заместитель Г.И. Лугин, которого там же и расстреляли. Тем не менее, в 1923 году Цируль пошел на повышение, его назначили начальником милиции Москвы и Московской губернии. Однако 23 октября 1925 года он загадочным образом попал в Москве под машину…

Но вернемся к Назарову. Через ташкентских друзей Назарова Цируль выправил ему фальшивый документ на имя Новикова, с которым Назаров благополучно покинул пределы Ташкента и через Пишпек ушел к китайской границе. Однако в воспоминаниях Назарова о Цируле нет даже следа благодарности:

> Хорошим примером их (большевистских – *Е.Р.*) чиновников был назначенный главой полиции города Ташкента, начальник охраны, как они называли его, ангел-хранитель города, как он называл сам себя, латыш по фамилии Цируль. Он был в прошлом пекарь, едва мог читать и писать и был в старые времена осужден на двенадцать лет каторжных работ за грабеж с насилием и убийством, затем был выпущен Керенским. Цируль без колебаний приводил в исполнение свои приговоры своими же собственными руками в своем кабинете; даже по отношению к своим собственным коммунистическим товарищам, если он считал необходимым в своих собственных интересах их убрать. Это и был джентльмен, у которого мой друг собирался получить «мандат» для меня на проход в горы, – конечно, под вымышленным именем. В этом документе, выданном ЧК, было написано, что я официально подтверждаю его личное поручение (с. 112).

После ареста в октябре 1918 года Назарова поместили в старую Таштюрьму на улице Московской (в советское время улица Энгельса), где он ожидал своей участи, получал посылки и информацию с воли, виделся с женой. Через месяц, после окончания следствия, его перевели в общую камеру.

> Незадолго до этого десять членов конституционно-демократической партии было арестовано и варварски умерщвлено только потому, что они были членами «буржуазной партии».

> Их вывели во двор тюрьмы, раздели догола холодной зимней ночью, и затем эти дьяволы стали поливать их холодной водой. Когда они замерзли, как статуи, пьяные солдаты разрубили их на части своими саблями (с. 29).

Назаров, конечно же, не приводит фамилии убиенных кадетов, не говоря уже о том, что довольно сложно превратить человека в лед в ноябре в Ташкенте. Да и солдату сабля не положена.

Или вот что Назаров пишет о другом большевистском руководителе, Всеволоде Вотинцеве, расстрелянном в дни осиповского мятежа:

> Как-то раз Вотинцев – глава советского правительства в Туркестане – посетил тюрьму и пришел в нашу камеру, чтобы повидаться с людьми, осужденными на расстрел. Он был способным и честолюбивым человеком; женился на девушке, которую я хорошо знал, также я лично знал и его. Он принимался в нашем доме и, пока не вступил в партию большевиков, был приличным парнем. Амбиции – в надежде сделать там себе быструю карьеру в качестве пролетарского руководителя – толкнули его в стан большевиков (с. 35).

Заметим, Вотинцев вступил в партию большевиков сразу же после окончания Ташкентского кадетского корпуса в 1911 году, когда вершиной «карьеры» в этой партии была только ссылка в Туруханский край…

Назаров продолжает:

> Я едва узнал его. Вместо молодого, здорового, симпатичного и жизнерадостного студента передо мной стоял худой, бледный, изможденный, уже постаревший и невротически выглядящий человек, нарочно одетый как рабочий, с грязными руками и нечёсаными волосами (с. 35).

Но Назаров забывает упомянуть, что Туркестанская АССР, руководящий пост в которой занимал Вотинцев, сражалась с белыми на пяти фронтах и с английскими интервентами в Закаспийской области. Плюс к этому города Туркестана захлестнул уголовный террор, начавшийся после февральской революции 1917 года, когда Керенский, придя к власти, открыл двери царских «застенков», выпустив на свободу уголовников.

Но вот наступает час освобождения: 19 января 1919 года начался мятеж, возглавляемый военным комиссаром Туркреспублики Константином Осиповым. О готовившемся восстании Назаров в тюрьме был оповещен заранее, он даже отложил планировавшийся им побег. Осиповцы захватывают старую Таштюрьму на улице Московской:

> Наконец дверь открылась, и на пороге стоял мой старый друг, капитан В., в парадной форме императорской армии, с эполетами и шпорами.
>
> «Прошу, господа, – сказал он, отдавая честь. – Город в наших руках. Все комиссары, за исключением одного, расстреляны этим утром, а ЧК со всем своим содержимым сожжено» (с. 46).

На самом деле осиповцы расстреляли только тех руководителей, которые приехали вместе с Вотинцевым на переговоры в восставший второй полк, и тех,

кого случайно удалось выловить патрулям на улице при возникшей неразберихе.

На этом можно было бы завершить, если бы не еще один факт из дореволюционной биографии автора, который он по понятным причинам скрывает: то, что в ташкентской тюрьме Назаров при большевиках побывал не впервые. У него была уже судимость и отсидка до революции.

16 января 1913 года на страницах газеты «Туркестанский курьер» было опубликовано открытое письмо горного инженера А. Андреева. Он известен тем, что в 1912 году в Ташкенте опубликовал книгу «Каталог полезных ископаемых Русского Туркестана»[3], на которую до сих пор ссылаются исследователи.

Милостивый государь,

г. Редактор!

Начиная с № 7 издаваемой вами газеты и кончая № 11, в вашей газете была помещена статья г. Назарова «Бесполезная книга о полезных ископаемых», в которой г. Назаров под видом критики моей книги «Каталог полезных ископаемых Русского Туркестана» позволил себе допустить целый ряд выходок по моему адресу. Ввиду этого я считаю своим долгом привести настоящее возражение Назарову, которое и прошу поместить в силу ст. 12 правил о повременных изданиях.

Когда я писал свою книгу, я знал, что Назаров разразится «критикой» по ее поводу, но никак не ожидал, что г. Назаров в этой критике даст мне точный ответ на давно интересовавший меня вопрос о том: почему прогорают все горнопромышленные предприятия, если к ним присосется кто-нибудь из так называемых «столбопромышленников». Заранее оговариваюсь, что под именем столбопромышленников я понимаю отнюдь не тех лиц, чьими стараниями открыты у нас в Туркестане целый ряд месторождений полезных ископаемых, а тех паразитов горнопромышленности, которые при помощи знания законов и дружественных отношений с лицами, имеющими официальное влияние на судьбу горных дел, лишают действительных открывателей месторождений их трудов.

Прежде всего я считаю необходимым указать г. Назарову на недостаточное знакомство его с Туркестанским краем и его географией. Так, г. Назаров, упрекая меня в неуказании некоторых месторождений полезных ископаемых, между прочим указывает на месторождение аметистов по р. Кушке и киновари по реке Кызылсу в долине р. Джумгол. Но я в своей книге касался только месторождений, находящихся в пределах Русского Туркестана, и совершенно не касался Закаспийской области, в которой находится р. Кушка, что же касается р. Кызылсу, то такой реки в долине р. Джумгола нет. Что касается указаний г. Назарова на месторождения изумрудов, никелевых, ванадиевых, цинковых и пр. руд, пропущенных мной, то ведь эти месторождения либо известны только одному Назарову, либо же с ними связаны такие анекдоты, которые лишают их для меня и для других горных инженеров (а для металлургов в особенности) не только всякого значения, но даже вызывают сожаление о безграмотности гг. столбопромышленников.

Нисколько не удивляет меня и то обстоятельство, что г. Назаров, расхваливая некоторые месторождения полезных ископаемых, забыл при этом прибавить, что там у него либо имеются заявки, либо отводы, либо же он имеет к ним отношения (например, к Алайскому золотопромышленному предприятию). Я не стану указывать на то, насколько неудобна в критической статье подобная реклама, так как всякий понимает, что при этом критическая статья превращается в замаскированное стороннее сообщение.

Нисколько не удивляет меня обнаруженное г. Назаровым незнание разницы между минералом и рудой.

<…> Ценность нападок и «критик» моих книг и действий г. Назаровым станет вполне

определенной, если вспомнить, что г. Назаров за подобную же «критику» моей первой книги присужден уже судебной палатой к штрафу и тюремному заключению.

Горный инженер А. Андреев.

14 января 1913 года.

Интересно, что после осиповского мятежа перешедший на нелегальное положение английский разведчик Бейли скрывался в Ташкенте, в том числе и в доме инженера Андреева, и высказывается о нем весьма благожелательно в своих мемуарах[4]. Позднее Андреев сумел эмигрировать из постреволюционного Ташкента в Багдад, откуда перебрался во Францию, где занимался фермерством; затем переселился в Англию...

Тем не менее, книгу Назарова стоит прочесть – как документ эпохи, как еще одно свидетельство о наиболее драматичной странице новейшей истории Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бейли Ф.М. Миссия в Ташкент / Пер. А. Михайлова. – М.: Языки славянской культуры, 2013.

[2] Там же. С. 48.

[3] [Андреев А.] Каталог полезных ископаемых Русского Туркестана (составлен в 1909–1911 годы горным инженером А. Андреевым). – Ташкент: [издательство не указано], 1912.

[4] См.: Бейли Ф.М. Цит. соч. С. 127.

О вере и неверии

Вера не принимает умозаключений не потому, что они безрассудны, но потому, что она превосходит всякое размышление.

Обремененная грехами совесть … старается успокоить себя неверием.

Свт. Иоанн Златоуст (347–407)

Вера предшествует пониманию.

Где разум уже бессилен, там возносится здание веры.

Вера вопрошает, разум обнаруживает <…>: если не уверуете, не уразумеете.

Вера, если не осмыслена, ничтожна.

Веруем, чтобы познать, а не познаем, чтобы веровать.

Нет любви без надежды, нет надежды без любви, нет и обеих без веры.

Блж. Августин Иппонийский (354–430)

Верующий – не тот, кто думает, что Богу все возможно, но кто верует, что получит от Него все, чего просит.

Прп. Иоанн Лествичник (VI–VII вв.)

Всякий имеющий сколько-нибудь живой веры никогда не усомнится – при Божией помощи нет ничего неудобоисполнимого. А для маловерия и пылинка кажется городом.

Преп. Лев Оптинский (1772–1841)

Наш век – неверный день, всечасное волненье.
Когда, холодной тьмой объемля грозно нас,
Завесу вечности колеблет смертный час,
Ужасно чувствовать слезы последней муку –
И с миром начинать безвестную разлуку!
Тогда, беседуя с отвязанной душой,
О вера, ты стоишь у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освещаешь
И ободренную с надеждой отпускаешь...

Александр Пушкин (1799–1837)

Вера ослабляется упованием на свой разум, неискренностью и самолюбием.

Читая о прокаженных, расслабленных, слепых, хромых, беснующихся, которых исцелил Господь, помышляй, что душа твоя … подобна этим больным. Научайся из Евангелия вере, что Господь, исцеливший их, исцелит и тебя, если ты будешь прилежно умолять Его об исцелении.

Свт. Игнатий (Брянчанинов) (1807–1867)

Вера – не всезнание, а лишь верное знание и обладание тем, что необходимо для спасения.

Свт. Феофан Затворник (1815–1894)

Пусти по телеграфу веры прошение свое к Богу или святым, и немедленно получишь ответ.

Прав. Иоанн Кронштадтский (1829–1908)

Атеизм нуждается в религии ничуть не меньше, чем вера.

Оскар Уайльд (1854–1900)

У нас беспричинно, даже свободомыслящие и равнодушные к вере, ненавидят верующих по-своему.

Во что человек верует, то и есть.

Антон Чехов (1860–1904)

Убедить кого-либо в существовании Бога совершенно невозможно, т.к. все, что можно словами сказать о вере, ни в какой степени не может передать того, что вообще не сказуемо и что в ней главное. Доводы веры не против разума, а помимо него. Только в свете любви разум принимает видимые абсурды веры. … Очищение от греха приводит от веры к знанию.

Бог не принуждает и не насилует нас. Вера есть акт свободной избирающей любви.

Но, скажем мы, Господь давал Фоме свидетельства Своего бытия. Для грешных душ и это не помощь – можно видеть и не верить, как фарисеи. И мы имеем чудеса, совершенные в наше время: чудесные исцеления, семейные чудеса, случаи из нашей жизни, которые иначе как чудо истолковать нельзя. Помоги же нам, Господь, воспоминаниями о бесчисленных проявлениях любви Бога к нам утвердиться в вере, от которой сила, радость и мир.

Для веры страшна не отрицательная полемика, не испытание ее умом – это испытание она выдержит. Ей страшна в нас слабость духа, «сердечное отступничество» (выражение Киреевского).

Те, кто хотят доказательств для своей веры, – на ложном пути. Вера – свободный выбор, и там, где есть хотя бы скрытое даже от самого себя желание доказательств, – нет веры. Знаки Богоявления не надо принимать как «доказательства», – этим мы снижаем, перечеркиваем подвиг веры.

Иерей Александр Ельчанинов (1881–1934)

Не нужно иметь веру, чтобы молиться; нужно молиться, чтобы обрести веру.

Франсуа Мориак (1885–1970)

Вера начинается с того момента, когда ты знаешь, что Бог добр, что Он есть абсолютная любовь, и при всём том мир лежит во зле. А до тех пор, пока ты этого не принял, ты неверующий. В крайнем случае ищущий. Правда, искание вещь неопределенная. Можно искать, искать и найти филькину грамоту.

Некоторые говорят: я вот сердцем, душой верю, а разум мой не верит. У меня наоборот. То, на чем с гимназических лет моя религия держалась, был только разум. А что возражало, так это сердечко, это душонка паршивая; у нее, видите ли, разные неприятности, ее туда-сюда швыряет, вот она и сомневается, не верит.

Алексей Лосев (1893–1988)

Не откровений надо искать, а верности. В откровениях Господь служит человеку, а в верности человек служит своему Господу.

Неверующие люди не могут опровергнуть веры, а верующие могут – не живя по своей вере.

Атеистом человек может быть только до своей смерти. После все будут верующими. Но выбрать то, что будет после, надо сейчас, и как можно скорее.

Готовность к любви – один из признаков веры.

Вера – дуновенье от Бога. А вера в эту веру – от человека.

Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) (1902–1989)

Если наша вера есть вера в Кого-то, в Живого Бога, то домыслы, направленные против нее, не могут ее поколебать; если же вся наша вера заключается только в том, что мы верим в те или другие богословские, или полубогословские, или просто суеверные предпосылки, они могут быть колеблемы, причем суеверие держится крепче, чем богословские выкладки.

Митр. Антоний Сурожский (1914–2003)

…В основе Церкви как уникально христианского явления лежит вера. Вера вечно рождает и исполняет Церковь, и только вере Церковь и нужна как «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». И нужна только в меру эсхатологизма христианской веры, то есть как таинство «будущего века». Религии, да и то далеко не всякой, нужна не Церковь, а нужен храм. Храм – «религиозного» происхождения (отсюда евангельское: «разрушьте храм сей…»), а Церковь – христианского. Однако Церковь – наша, во всяком случае, – давно уже отождествила себя с «храмом», растворила себя в «храме», и это значит – вернулась к языческому храму как «фокусу» природной жизни, как к ее религиозной санкции. Протестантизм был попыткой спасти веру, очистить ее от ее религиозной редукции и метаморфозы. Но он это сделал ценой отказа от эсхатологии, замены ее «спасением» предельно личным, индивидуальным. И потому – в сущности – отказом от Церкви…

…Вера и Церковь не две разные «реальности», причем одна из них, так сказать, «сохраняет» или «охраняет» другую. Нет. Вера есть обладание Царством (осуществление ожидаемого – Царства – и уверенность в невидимом – Царстве). Это обладание и есть Церковь как таинство, как единство, как новая жизнь и т.д. Церковь – это «присутствие» ожидаемого и невидимого. Поэтому говорить о какой-то «свободе веры» внутри Церкви так же бессмысленно, как говорить о свободе внутри таблицы умножения.

Прот. Александр Шмеман (1921–1983)

Ах, Культура и Вера, Вера и Культура! Вчера еще, терпя общие утеснения, они казались такими сроднившимися между собой, а сегодня уже смотрят друг на друга куда более охлажденным, едва ли не подозрительным взглядом.

Сергей Аверинцев (1937–2004)

Архиепископ Ермоген (Голубев): «Стоять на страже своей души…»

Предисловие и публикация Ольги БОРИСОВОЙ

В издательстве Свято-Филаретовского православно-христианского института (Москва) готовится к изданию сборник проповедей исповедников веры Ташкентской и Среднеазиатской епархии за 1948–1973 годы.

Благодаря служению подвижников и исповедников веры в послевоенные годы в Ташкентской епархии расцветала духовная жизнь – возрождались лучшие традиции богослужения, просвещения, пастырства, проповедничества. Слова архиепископа Ермогена (Голубева), архимандрита Бориса (Холчева), протоиерея Георгия Ивакина-Тревогина, архимандрита Серафима (Суторихина) и иеромонаха Иоанна (Вендланда), будущего митрополита Ярославского и Ростовского, способствовали созиданию церковной жизни в Средней Азии во время гонений на Церковь в советское время. Эти наставления духовных учителей, людей широко образованных и просвещенных, произнесенные более пятидесяти лет назад, не утратили своей силы и актуальности и в наши дни.

Проповеди публикуются впервые, не считая тех, которые вошли в самиздатовские сборники, ходившие по рукам в советские времена и недоступные широкому кругу читателей. Издание сопровождается краткими сведениями о проповедниках и фотографиями из личных архивов.

Проповеди собраны во время поездок редактора-составителя сборника О.В. Борисовой, ездившей вместе с небольшой исследовательской группой на протяжении пяти лет в экспедиции по Ташкентской епархии. Редактор выражает сердечную признательность всем, благодаря кому стало возможным сделать это наследие общим достоянием: протоиерею Александру Дубанову, Н.Ф. Малородовой, А.И. Яценко (†2019), предоставившим проповеди из своих личных архивов, и историку А.М. Галаку, подготовившему для публикации проповеди архимандрита Серафима (Суторихина).

Предлагаем вниманию читателей одну из проповедей архиепископа Ермогена (Голубева), вошедшую в сборник*.

* См. также публикацию трех других проповедей архиеп. Ермогена (Голубева): ВС, 2018, № 2-3 (XLVII). С. 13–21. (Прим. *ВС*.)

Слово на праздник Воздвижения Честнаго и Животворящего Креста Господня

Приветствую вас, дорогие братия и сестры, с праздником Воздвижения Честнаго и Животворящего Креста Господня!

Каждое государство и обширные человеческие общества имеют свое знамя. Имеет свое знамя и наша Святая Церковь, и знамя Ея – Честный и Животворящий Крест Христов.

Исторические события, послужившие к установлению сегодняшнего праздника в честь Животворящего Креста Христова, такие. После крестной смерти и снятия со Креста тела Иисусова и погребения Его Иосифом Аримафейским и Никодимом, иудейские первосвященники, опасаясь, что Крест может стать предметом почитания учеников Христовых, распорядились, чтобы Крест был глубоко зарыт в землю. И зарытый в землю Крест пролежал там почти триста лет. Это трехсотлетие было временем лютых гонений на христиан со стороны Римской государственной власти. Когда же прекратились эти гонения, Крест был обретен в 326 году благочестивой царицей Еленой, матерью равноапостольного царя Константина, и затем воздвигнут для поклонения народным массам патриархом Иерусалимским Макарием. Таким образом, день обретения Креста сделался началом ежегодного праздника Воздвижения Креста Господня.

Праздник Воздвижения Креста Господня относится к числу самых великих праздников Церкви, именуемых двунадесятыми. И среди них он занимает особое место, прежде всего потому, что все прочие двунадесятые праздники имеют свое основание в событиях, современных земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, а праздник Воздвижения Креста имеет своим основанием событие, отстоящее от времени земной жизни Спасителя на триста лет. Тем не менее, Церковь включила этот праздник в число самых великих своих праздников. И это потому, что бесконечно велико значение Креста в деле нашего спасения. И Церковь неразрывно связывает почитание Креста с воскресением распятаго на нем Христа: *Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим.*

Дорогие братия и сестры, если мы глубоко вникнем в исторические судьбы Вселенской Церкви Христовой и судьбу Креста, на котором был распят Христос, то мы не можем не увидеть неразрывной внутренней и внешней связи между судьбами Церкви и судьбою Креста.

Так, по распятии и погребении Христа Крест Его был зарыт в землю врагами Его и находился под землею триста лет. И Церковь Христова в это время переживала ту же судьбу, что и Крест. Будучи гонима языческим миром, она была вынуждена совершать свое богослужение под землей в катакомбах. А как только окончилась трехсотлетняя эпоха гонений на христиан, и императором Константином Великим была дарована свобода исповедания, и Церковь вышла из катакомб, то вскоре и Крест Христов был обретен царицей Еленой, вырыт из земли, и было совершено то Воздвижение Животворящего Креста, в честь и память которого и установлен

сегодняшний праздник. Воздвижение Креста было неразрывно связано с воздвижением самой Церкви из-под ига трехвековых гонений. Церковь вышла из катакомб, и Крест возсиял над землей.

Но не долго оставался Крест в целом виде. Вскоре он был раздроблен на части. Святый Кирилл Иерусалимский, отец Церкви IV века, в своем Огласительном слове писал, что «вся вселенная уже имеет части древа крестного». Эти части Креста с течением времени раздроблялись на все более мелкие части, частицы и, что печальнее всего, среди частиц Животворящего Креста Господня стали появляться поддельные. А в церковной жизни начались расколы, стали появляться ереси, секты, многоразличные подделки христианства применительно к личным вкусам и духу времени. Судьба Креста ярко отражается в исторических судьбах Церкви.

Дорогие братия и сестры, праздник Воздвижения Креста Господня занимает особое место среди двунадесятых праздников еще и потому, что он единственный из них, который соединяется со строгим постом. Пост в жизни христиан среди прочих значений имеет значение духовного бодрствования. Что такое духовное бодрствование? Духовно бодрствовать – это значит стоять на страже своей души и не допускать в ней греховных мыслей и чувств, а если они проникнут в нее, бороться с ними и изгонять их из нее. Духовно бодрствовать – это значит, по словам апостола Павла, почитать *себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем*[*], Которому да будет слава ныне и в безконечные веки веков. Аминь.

Архиеп. ЕРМОГЕН

Личный архив прот. Александра Дубанова. Ежедневные поучения в слове Божием на каждый день года, великих праздников и особых святых. / Сост. В<иктор> А<лександрович> Д<убанов>. Машинопись, 1962. С. 55–56.

---

[*] Рим. 6, 11.

«...Последовать стопам Его»

Три речи протоиерея Георгия Касперского

Публикация, предисловие и примечания Евгения Абдуллаева

Георгий Алексеевич Касперский родился в 1926 году в местечке Любча Барановичской области (ныне – городской поселок Любча в Гродненской области, Белоруссия) в семье священника.

В 1944 году окончил два курса Учительской семинарии в городе Новогрудок. В 1944 году был увезен в Германию в рабочий батальон, в 1945 году освобожден. В 1946–1949 годах служил в армии. В 1949–1955 годах был репрессирован, отбывал срок в Казахстане. Вскоре после реабилитации, в 1956 году, по приглашению епископа Ермогена (Голубева) переехал в Ташкент, работал певцом и чтецом в ташкентском Свято-Успенском кафедральном соборе. С апреля по декабрь 1957 года – диакон, с декабря 1957-го до ноября 1995 года – священник Собора (с перерывом с октября 1961 года по май 1963-го, когда был настоятелем Николо-Ермогеновского храма села Луначарского Ташкентской области, и с октября 1988-го по декабрь 1989-го, когда был настоятелем Свято-Троицкого храма города Чирчика). В 1960 году заочно окончил Ленинградскую духовную семинарию. С 1965 года – протоиерей. С октября 1966 года по май 1970-го – ключарь Собора. Почил в 1995 году в Ташкенте*.

Три проповеди, публикуемые ниже, представляют собой машинописные листы; в некоторых случаях в машинописный текст внесены исправления либо добавления от руки. Они были переданы нам летом 2018 года протоиереем Сергием Андреевым, духовным чадом отца Георгия.

2-я неделя по Пятидесятнице

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В Евангельском чтении этого воскресного дня, когда святая Церковь прославляет всех святых, в земли Российстей просиявших, благовествуется, возлюбленные братья и сестры, о призвании Господом нашим Иисусом Христом к апостольскому званию первых учеников Его: Петра, Андрея, Иакова и Иоанна.

* Архив Ташкентского епархиального управления. Личное дело № 143.

Эти рыбаки были уже знакомы Спасителю и веровали в Него, как в обетованного пророками Мессию, но еще не оставляли ни домов своих, ни обыкновенных своих занятий, и не были еще постоянными Его учениками и последователями. Проходя около моря Галилейского, Господь увидел их закидывающих сети в море и сказал им: *Грядите по Мне и сотворю вы ловца человеком*. Сказал это Господь первым из Своих учеников, и они тотчас оставили всё, *и по Нем идоста*[*].

Господь не требует от нас, дорогие, чтобы и мы оставляли всё, по примеру св. апостолов, и удалились из домов своих и от сродства своего, но, тем не менее, обязанность последовать Христу лежит и на нас, как учениках Его. К этому призывает нас звание христианина. Вступая в общество верующих и чад Божиих, крещаясь во имя Христово, мы сочетались верою Христу Сыну Божию со Отцем и Святым Духом, исповедуя Его единого своим Богом и Отцом, обещаясь Ему единому служить преподобием и правдою во вся дни жизни нашей. Правда, тесен и прискорбен путь последования Христу, на который призваны мы Господом. Но ведь этот тесный и прискорбный путь самоотвержения прошел за нас и для нас и Господь наш Иисус Христос, а нам остается только последовать стопам Его. В чем же состоят наши обязанности следования за Христом? – Для этого заповедуется нам распинать плоть свою со страстьми и похотьми, т.е. укрощать и погашать плотские вожделения строгим воздержанием, а также бодрствованием и молитвою во всякое время. Так поступал, дорогие, и Сам Господь наш. Он постился сорок дней в пустыне, чтобы победить искусителя. Питая чудесно других, Он Сам нередко и алкал и жаждал и, страдая на кресте, в тяжких муках вопиял: жажду. Труждаясь весь день в учении и благотворении, большую часть ночи Он посвящал уединенной молитве ко Отцу Своему, а в последнюю ночь пребывания Своего на земле молился до кровавого пота.

Нам вменяется в обязанность, чтобы мы также помогали нуждам других, отнимая у самих себя, разделяли с неимущими. Терпя скорби, готовы были утешать страждущих. Оставляя попечение о самих себе, спешили бы со своей помощью к другим.

Так поступал и Сам Начало, вождь нашего спасения Иисус Христос. Не имея Сам, где главы приклонить, Он благодетельствовал несчастным, призывал к упокоению труждающихся и обремененных, утешал плачущих, питал алчущих, исцелял больных и страждущих и не хотел вкушать пищи прежде, нежели сотворит дело милосердия и любви. Что же мы были бы за последователи Христа, если бы не подражали примеру Его милосердия, любви и сострадания к ближнему? Достойным примером подражания Христу и следования за Ним могут служить нам вся святии в земли Российстей просиявшии, память которых мы сегодня совершаем. Более подробно об этих наших русских святых мы побеседуем с вами, дорогие, после сегодняшнего вечерняго богослужения. Смотрите, возлюбленные братья и сестры, какое блаженство и какую славу уготовит всем нам Христос Спаситель за маловременные наши скорби, за наше малое угождение Ему и за кратковременное терпение во имя Его! *Отче*, – так молился Спаситель Отцу Своему, – *Ихже дал еси*

[*] Мат. 4, 18–22.

Мне, хощу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною, да видят славу Мою /Иоанн. 17, 24/, *юже имех у Тебе прежде, мир не быть* (Иоанн. 17, 5).

Таково преимущество трудного и прискорбного пути Христова! И кто последует этому пути, тот спасет свои души для жизни вечной и блаженной. Аминь.

11. VI. 1972

Проповедь в 3-ю неделю по Пятидесятнице, произнесенная протоиереем Георгием Касперским в Успенском кафедральном соборе г. Ташкента

18. VI – 1972 г.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Светильник для тела есть око.

И если око твое будет чисто, то и тело твое будет светло. Если же око твое будет худо, то и тело твое будет тёмно (Мф. 6, 22, 23).

Такие слова слышали мы, возлюбленные во Христе братья и сестры, в сегодняшнем воскресном Евангелии. Смысл читанного Евангелия можно представить в сокращенном виде следующим образом. Душа человеческая омрачена тьмою бесчисленных согрешений и оттого крайне бедствует и, в случае нераскаянности и неисправления, подвергается вечным мукам.

А между тем люди менее всего думают и заботятся о просвещении и спасении своей души, а всю свою заботу прилагают о маловременном и скоропреходящем теле и благах телесных. В нынешнем Евангельском чтении Господь кротко обличает это несмыслие наше и научает нас прежде и более всего заботиться о душе и искать преимущественно Царствия Божия.

Для ясности и убедительности Спаситель приводит в своей речи сравнение от видимых вещей. В пример берет наш глаз и наше тело. Под глазом, или оком, разуметь нужно наше сердце, или ум, а под телом – наше существо, нашу жизнь, для которой сердце есть то же, что глаз для тела.

Если сердце человека чисто, совесть чиста, то и всё существо наше чисто и светло, вся жизнь наша чиста, все деяния наши добры и безупречны. Если же сердце лукаво и нечисто, то и всё существо наше лукаво, вся жизнь наша лукава, все наши помыслы, чувства и поступки порочны и грешны.

Далее в святом Евангелии мы слышали такие слова: *Никто не может служить двум господам. Ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне*.

Святитель Иоанн Златоуст объясняет эти слова Спасителя так: «Бог однажды и навсегда сказал, что служение Богу и маммоне не может быть вместе соединено.

Ибо, когда маммона велит похищать чужое, а Бог повелевает отдавать и собственное имущество, или когда Бог повелевает вести жизнь целомудренную, а

маммона – жить блудно и порочно, как же после этого ты можешь сказать, что служение Богу и маммоне может быть соединено вместе»[*].

И наконец, дорогие братья и сестры, Господь в читанном Евангелии присовокупляет: *Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды?*

И несколько дальше мы еще слышим: *Всего этого ищут язычники, Отец ваш Небесный знает, в чем вы имеете нужду.*

Ищите же прежде царствия Божия и правды Его, и это всё приложится вам.

Как видите, дорогие братья и сестры, из Евангельского повествования видно, что Господь не запрещает заботиться о приобретении или заготовлении земных благ для жизненного благополучия, а запрещает только излишества, исключительную заботу о земном, – заботу, поглощающую человека всецело и удаляющую его от Бога, от Церкви, от исполнения христианского долга говения, исповеди, причащения и от дел милосердия. Запрещает заботу, не дающую человеку подумать о вечной жизни и о будущей его участи.

Итак, возлюбленные братья и сестры, будем думать больше о небесном, чем о земном, [о небе,] где Христос сидит одесную Бога! – как учит нас св. ап. Павел в сегодняшнем апостольском чтении. Ведь по смерти нам не нужно будет ничто земное: ни пища, ни одежда и никакие земные сокровища. Нужна нам будет лишь любовь, вера и наши добрые дела, благодаря которым мы сможем удостоиться Царствия Небесного, где в бесконечных веках сможем прославлять имя Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

6-я неделя [по Пятидесятнице]

Во имя Отца и Сына и св. Духа!

В сегодняшнем воскресном Евангельском повествовании говорилось, возлюбленные, о том, как однажды Господь наш И[исус] Х[ристос] пришел в город Капернаум, и как некоторые сострадательные люди принесли к Нему лежащего на постели расслабленного, зная и веря, что только один лишь Христос Спаситель может его исцелить. /Ведь действительно, дорогие, вся земная жизнь Господа нашего И[исуса] Х[риста] была ознаменована бесчисленными чудесами, делами милосердия и большой любви к людям/[**]. И Спаситель, видя их веру, сказал расслабленному: *Дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои, возьми постель твою, и иди в дом твой*. И произошло чудо! Этот тяжело больной человек тотчас выздоровел, взял постель свою и пошел в свой дом, славя и благодаря Господа.

Возникает, дорогие мои, вопрос. Почему же расслабленный сейчас же выздоровел, как только Христос Спаситель простил ему грехи его?

Неужели наши болезни и несчастия имеют тесную связь с нашими грехами и происходят от них? Да, дорогие мои. Первой и главной причиной всех наших бо-

[*] Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Матфея. Беседа 21.
[**] Это предложение дописано от руки.

лезней, как и других бедствий, является наш грех. Этому многие не верят. Но это истина несомненная, и для нашего назидания попробуем, дорогие, ее объяснить. Все мы знаем из святой Библии, что в начале наши прародители Адам и Ева не имели никаких болезней и счастливо жили в раю. Но, когда они, по наущению змия-искусителя, преступили Божию заповедь, и вкусили запрещенный плод от древа познания добра и зла, и через это нарушили божественный закон, то от этого немедленно произошло большое и пагубное расстройство не только в них самих, но и в окружающей их природе. Бог, разгневанный на их грех, а главное – на нераскаянность в нем, осудил их на болезни, изнурительные, в поте лица, труды и смерть, и изгнал их из Едемского сада… Каждый наш грех, дорогие, подвергает нас смертоносным болезням и другим бедствиям не только потому, что он, т.е. грех наш, есть нравственное зло и, следовательно, должен иметь вредные последствия, но и потому, что удаляет нас от Бога – источника нашей жизни и всякого добра, с удалением которого, по словам пророка, всё мятется, умирает и в персть свою возвращается…

Теперь, дорогие мои, становится ясным, почему расслабленный, упоминаемый в сегодняшнем евангельском чтении, тотчас выздоровел, когда Спаситель простил ему грехи. Болезнь этого человека, от чего бы она ни происходила, имела главным началом своим грех, с которым все мы рождаемся и который потом увеличиваем разными беззакониями по растленной своей воле. Поэтому, когда Сын Божий уничтожил эту главную причину болезни расслабленного – простил ему грехи его, то естественно прекратилась и болезнь этого человека, – он выздоровел!

Какие же назидания для себя можем мы извлечь из сегодняшнего евангелия? – Нужно всем нам помнить, что грехи наши есть величайшее для нас зло. От них происходят и все наши бедствия, болезни и сама смерть. Поэтому нужно как можно тщательнее избегать их, чтобы не прогневать ими Господа и не навлечь на себя несчастий. И если же нам, по человеческой немощи и неосмотрительности, или по сильному искушению и соблазну, случится согрешить, то не будем оставаться во грехе и услаждаться им, но сейчас же обратимся с покаянием к Христу Спасителю и станем усердно молить Его о прощении наших грехов и избавлении нас от тех бедствий, каким они подвергают нас. Будем молить Его об этом с верою и упованием на Его милосердие. И Господь, видя нашу веру, скажет каждому из нас, как и сказал евангельскому расслабленному: *Дерзай, чадо, прощаются тебе грехи твои*! – и излечит нас от всех наших недугов и болезней, /и спасет наши души для жизни вечной и блаженной в Царствии Небесном/*. Аминь.

---

* Дописано от руки.

Иерей Александр КОЛОТОВКИН

Таинства Церкви: Крещение

От редакции. Евхаристия, Крещение, Исповедь, Миропомазание… С этими и другими таинствами связана жизнь Церкви, жизнь каждого верующего. Однако, приступая к ним, далеко не все понимают их содержание и цель. По предложению редакции ВС, настоятель храма Сретения Господня г. Бекабада иерей Александр Колотовкин приступил к подготовке серии очерков, посвященных семи основным таинствам Православной Церкви. В этом номере мы публикуем первый очерк, посвященный таинству Святого Крещения.

Крещение… С этого Таинства начинается жизнь человека в Церкви, на этой грани заканчивается ветхая, прошлая, направленная на угождение собственным похотям (говоря современным языком, «хотелкам») жизнь – и начинается новая, наполненная иным смыслом. Она устремлена в Вечность. Она горит огнем неофитства. Она буквально физически чувствует рядом с собой присутствие Спасителя – Иисуса Христа, Бога и Человека.

Что же изменяется в человеке при его крещении? Почему он не становится безгрешным праведником и почему просто покреститься недостаточно?

Немного истории

Прообразы Таинства Крещения связаны с особым отношением человечества к воде. В первых же стихах книги Бытия мы встречаем сравнение первозданной материи с водой. Хаотичное, неустроенное, не имеющее формы и практической пользы вещество, готовое принять любую форму и состояние, сравнивается с жидкостью. Кроме того, вода является уникальным веществом. Без нее невозможно существование живых существ, она растворяет в себе огромное количество солей и соединений, – и в то же время это одно из самых общедоступных веществ.

Религия иудеев отмечает свойства воды – давать жизнь и смывать телесную и душевную нечистоту. Моисеев Закон оформил ритуальные омовения в четкую си-

стему (Лев. 13-17; Числ. 19, 12 и др.). Однако эти омовения служили лишь для подготовки человека к принесению жертвы, причем очищала, как считалось, только проточная вода. В засушливых местах для получения такой воды использовались специальные резервуары – миквы – вмещающие, по разным подсчетам, от 250 до 1000 литров дождевой, колодезной или иной воды. При этом сами священники не омывали и не окропляли человека, а лишь свидетельствовали о чистоте либо о нечистоте приносящего жертву. Таким образом, вопреки распространенному мнению, ритуальные омовения Закона Моисеева не могли служить прообразом Крещения в христианстве, однако «наряду с обрядами ритуального омовения в ВЗ [Ветхом Завете – *А.К.*] встречаются пророчества, в которых говорится о будущем очищении всего народа и особом действии Св. Духа (Иез. 36, 25, 26; Ис. 1, 16, 17; 44, 3)»[1].

Со II века до Р. Х. по I век Р. Х. в Палестине существовала иудейская секта ессеев. Ессеев можно назвать пуританами своего времени. Забота о чистоте жизни, строгое послушание, общее имущество, трапеза и быт многократно ужесточали требования к исполнению Моисеева Закона. Именно у них новый адепт принимался в общину только после омовения, очищающего грехи прошлой жизни. Но излишняя строгость, а также сепаратистские настроения, преобладавшие среди ессеев, не произвели обновления в восприятии ритуальных омовений в иудейском обществе, а после подавления противоримского восстания в 70 г. о ессеях и вовсе не упоминается.

Иоанн Креститель, Предтеча пришедшего в мир Мессии – Иисуса Христа, был старше Его на полгода. Целью проповеди Крестителя являлась подготовка общества к принятию Евангелия, провозглашаемого Иисусом. Нам известен основной тезис, с которым Иоанн обращался к приходящим к нему людям: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 3, 2). Совершавшееся Иоанном погружение в проточную воду реки Иордан было тесно связано с его проповедью покаяния перед лицом неизбежно предстоящего Страшного Суда (Мф. 3, 10, 12; Лк. 3, 9, 17). Грех, совершаемый человеком, отдаляет его от Бога, выстраивает некое препятствие для общения твари с ее Творцом. Это препятствие необходимо уничтожить. А для того, чтобы эта преграда не возникла в дальнейшем, нужно принять определенные меры, пересмотреть свое мировоззрение, посмотреть на себя сквозь призму Закона Божия, ибо только *чистые сердцем ... Бога узрят* (Мф. 5, 8). И потому свобода от греховной скверны давала возможность узнать и понять Мессию, готового вот-вот прийти. Эсхатологические ожидания того времени собирали вокруг Иоанна и его учеников большое количество людей, и, когда он ясно указал на Иисуса из Назарета, многие последовали за ним. Впоследствии и Сам Христос с учениками до событий Страстей совершал подобный обряд (см. Ин. 3, 22; 4, 2).

После дня Пятидесятницы начинается формирование чина Крещения. Во времена апостолов, после исповедания грехов и ритуального омовения на крещаемого возлагались руки, он получал дар Святого Духа и становился членом Церкви. Христианское Крещение «уже на самом раннем этапе могло совершаться не в проточной воде рек, как у Иоанна Крестителя, а в искусственных водоемах (причем нигде не говорится об их предварительном освящении)»[2].

Историческая новозаветная книга Деяний святых апостолов повествует об

эволюции христианского учения по мере его распространения среди всех народов. Апостолы приводят в исполнение слова Христа: *идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мф. 28, 19), распространяя Евангелие прежде всего среди иудеев, затем – самарян, затем – прозелитов (язычников, обращенных в иудаизм) и наконец язычников[3]. При этом смысловым стержнем являлась фраза из Евангелия от Иоанна, сказанная Христом в беседе с Никодимом: *кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие* (Ин. 3, 5). «Рождение от воды и Духа» Спаситель также называет *рождением свыше* (Ин. 3, 3). Подробное размышление мы встречаем у апостола Павла в его Послании к Римлянам, которое читается в современном чине Крещения: *Мы умерли для греха: как же нам жить в нем? Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть [соединены] и [подобием] воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху; ибо умерший освободился от греха. Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти. Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха; а что живет, то живет для Бога. Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем»* (Рим. 6, 2-11).

С течением времени сформировался чин Крещения, которым мы пользуемся сегодня; появились предваряющие его чинопоследования, а также краткий чин Крещения, использующийся «страха ради смертнаго».

Молитвы 1-го дня. Полностью посвящены молению о родившей женщине и ее скорейшем восстановлении.

Молитва 8-го дня. Отголосок древней византийской традиции. Потребность в таком действии возникла из-за того, что в Константинополе детей преимущественно крестили примерно в трехлетнем возрасте. Но уже на восьмой день священники осеняли младенцев знаком креста, обозначая этим, что отныне они принадлежат Богу.

Молитвы 40-го дня. Посвящены молению о женщине, родившей ребенка и возвращающейся к обычной жизни на сороковой день после этого события. Также присоединяются моления о ребенке с чином воцерковления. В современной православной традиции молитвы 40-го дня читаются отдельно от чина воцерковления. Молитвы читаются в свое время, а воцерковление происходит уже по окончании чина Крещения.

Чины огласительного периода. Включают в себя: молитву на включение в число оглашаемых; три молитвы экзорцизма (т.е. молитвы на изгнание дьявола), некогда повторявшиеся на протяжении всего периода катехизации; последний, отдельно стоящий экзорцизм – чин отречения от сатаны, сочетания со Христом и исповедания веры; заключительную молитву. В древности эти чины совершались в разное время, обозначая начало катехизации, сопровождая ее ход и завершая ее.

Краткий чин Крещения «страха ради смертнаго». В экстренных случаях пе-

риод оглашения мог сокращаться или отменяться. Когда взрослый человек находится при смерти и желает креститься или шансы на выживание новорожденного крайне малы, Крещение может быть совершено без всякой подготовки. 47-е правило Лаодикийского Собора уточняет, что если человек, крещенный при смерти, останется жив, то по выздоровлении ему подобает «изучати веру». При этом любой христианин может в экстренном случае окрестить человека. Для этого необходимо трижды окропить человека водой, произнося крещальную формулу «Крещается раб(а) Божий(ия) *имя* во имя Отца. Аминь. И Сына. Аминь. И Святого Духа. Аминь». Впоследствии, если человек выживает, Крещение дополняется чтением соответствующих молитв священником, если же нет, то усопшего отпевают и поминают как христианина.

Невидимая сторона Крещения

Как любое церковное священнодействие, Крещение имеет видимую и невидимую стороны. Символические действия, шествие вокруг купели, освящаемая вода и масло, которым помазывают крещаемого, изображают и реальное преображение материи божественной энергией, и выражают тесное общение с духовным миром, в которое вступает человек. К невидимой же стороне относятся изменения души человека, порой не заметные сразу или не проявляющиеся вовсе, если человек приступает ко Крещению неблаговейно или формально. Но первостепенно важным является именно духовное преображение. Человек умирает для греха, избавляется от власти дьявола и темных сил, получает возможность теснейшим образом соединяться с Богом посредством вкушения Тела и Крови Иисуса Христа в Таинстве Евхаристии, тем самым становясь неподвластным духам тьмы (естественно, при условии контроля над своими поступками и мыслями). Но все это лишь в земной жизни. По окончании же ее он имеет возможность войти в еще более тесное общение с Богом, своим любящим Отцом и Создателем. В христианстве главным вектором выступает именно вечная жизнь, неоканчивающееся бытие, радость и любовь, которые и хотел разделить с нами Бог, создавая род человеческий.

Крещение – не формальное членство в каком-либо обществе или партии. Крещение – вхождение в новый опыт жизни – жизни с Богом. К сожалению, многие считают, что то, что они христиане, их ни к чему не обязывает. Часто приходится слышать, что детей крестят, чтобы ребенок меньше болел, жизнь удачнее сложилась. Бывает, что приходят креститься по совершенно иным причинам: «Хочу крестить своего ребенка, чтобы дать ему защиту от темных сил». Или: «Ну мы же русские, поэтому обязательно должны креститься».

Но крещение не спасает человека от неприятностей земной жизни, не гарантирует здоровья, денежного и семейного благополучия, не увеличивает продолжительность жизни, не является элементом национальной культуры. Здоровье, бизнес – категории жизни сей, временной, земной. А Бог печется не о том, чтобы у Его чада было все, что тому захочется в изобилии, а о том, чтобы его душа не забывала

о небесной Родине, чтобы Его сын или дочь были открыты вечному. «В Таинстве Крещения человек соединяется со Христом, рождается для новой святой, небесной жизни. Почему же тогда люди продолжают грешить после Крещения? Крещение – это не магический обряд. После этого Таинства человек имеет объективную потенциальную возможность обожения, но у него остаются все те же греховные привычки и склонности, которые были и до Крещения. Поэтому Крещение – это самое начало духовной жизни. Человек получает некий "аванс". И теперь надо пройти долгий и нелегкий путь, годы духовного труда и настоящей церковной жизни, постоянного участия в церковных Таинствах. Иногда на этом пути совершается масса ошибок, сотни падений… Главное – подниматься и снова идти»[4].

Немного о крещении младенцев

Крещение детей является своеобразным камнем преткновения в современной церковной жизни. Как уже было сказано, Крещение – не магическая гарантия от всех напастей, это – путь, который необходимо пройти человеку, иначе все будет напрасно. А кто должен поставить ребенка на этот путь? Ответ: родители (в первую очередь!) и крестные. Отсюда – «любимые» всеми огласительные беседы. Какие только доводы не приходится выслушивать священнику в оправдание нежелания изучать веру, которую потом нужно будет сообщить своему чаду! Отсутствие времени, здоровья, желания, возможностей, попытки «денежкой» решить сей щекотливый вопрос, высокопарные речи о насилии над детской волей (как будто менее насильственными являются посещение врачей, хождение в садик!)…

Важно одно: ответственность за воспитание ребенка лежит в первую очередь на родителях и крестных. И если они сами не знают христианскую веру, не живут со Христом, то как их чадо сможет вырасти верующим человеком? Отсюда и ответ на недоумение: дитё окрестили, а он как безобразничал, так и безобразничает. А что окружает его дома?.. Нет, это поп «запорол».

Завершить хотелось бы еще одной цитатой – из статьи протоиерея Алексея Митюшина «Что нужно для крещения».

«Перед крещением взрослому человеку нужно очень хорошо подготовиться и ответить самому себе на все вопросы, которые его смущают. Подставит ли он левую щеку, когда бьют по правой? Почему священники ездят на дорогих машинах? Почему батюшки толстые? Почему в храме люди злые? И на все остальные "почему". Если на эти вопросы человек не найдет ответ до крещения с помощью храмовых катехизаторов, священников или других прихожан, впоследствии может произойти внутренняя обструкция. Следует ответить самому себе на все неудобные, вызывающие сомнения вопросы. <…> Важно с трезвым пониманием входить в Церковь Христову и помнить, что только Христос является тем спасительным кораблем, что приведет нас к вечному Царствию»[5].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] [Э.П.Б.] Крещение // Православная энциклопедия. – М.: Издательство ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2000 – …; Т. 38. – 2015. (URL: http://www.pravenc.ru/text/2459045.html)

[2] Там же.

[3] См.: Макрей Дж. Жизнь и учение апостола Павла. Пер. с англ. – Черкассы: Коллоквиум, 2009. С. 99–100.

[4] Маханьков Роман. Крещение – это только начало // Фома. 2005. № 5 (28). (URL: https://foma.ru/kreshhenie-eto-tolko-nachalo.html)

[5] Митюшин Алексей, прот. Что нужно для крещения. (URL: https://foma.ru/chto-nuzhno-dlya-kreshheniya.html).

Евангельские страницы *протоиерея Сергия СТАЦЕНКО*

Закон и Завет

Очень часто для современного читателя Нового Завета оказываются вне понимания рассуждения Христа и апостолов о некоем «Законе». В Писании Закон оценивается двояко – то признается его положительная роль, то его называют поводом для греха.

Стоит разобраться и в этом понятии. Начать же следует с одной истории, ведущей свое начало… с доисторических времен.

Одежда греха

Каждый из нас помнит историю о том, как наши первопредки Адам и Ева согрешили и вместе с этим грехом внесли в мир смерть. В апостольских посланиях эта ситуация сравнивается с переодеванием. Мы оделись не просто в смерть, но и, вместе с этой одеждой, в страсти – набор животных инстинктов и влечений, толкающих нас ко греху. Как в древности, так и сегодня эти страсти определяют наши поступки, став буквально частью человеческой природы. Вот как пишет об этом Апостол:

А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того времени, как надлежало открыться вере. Итак закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою; по пришествии же веры, мы уже не под руководством детоводителя. Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе. Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники (Гал. 3, 23-29).

Все мы виновны

Итак, мы некогда, через наших первопредков, согрешили. Очень сложно воспринимать это обвинение, если не иметь ключа к его пониманию. Православное христианство понимает эту преемственность греха не как наследственную транс-

ляцию вины от предков к потомкам, а как глубинную предрасположенность человеческой природы к пороку.

Аналог мы можем увидеть в медицинских анамнезах и клинических историях. Например, родители, которые губят свой организм алкоголем, зачинают и рождают ребенка, который с большой долей вероятности унаследует болезни от родителей. Ребенок не виноват в грехе родителей, но, тем не менее, он вынужден нести в себе плод их испорченности до конца своей жизни.

Эта аналогия вполне применима к нам, потомкам Адама и Евы. Вообще, для современников апостола Павла идея связи предков с потомками была более чем очевидной. Грех прежних поколений ложится «пятном» на последующие; с другой стороны, праведность потомков, как считалось, облегчала участь предков и во многом снимала с них вину греховности…

Самого человека, видимую часть его бытия, Павел уподобляет верхней одежде, призванной прикрывать тело и защищать от непогоды. В случае с Адамом и Евой новые условия их жизни вне Рая сравниваются не только с облачением в худшую одежду, но еще и с измазыванием в грязи. И эта грязь греха, как короста, все больше и больше нарастает не только на отдельных людях, но и на человечестве в целом. Для того, чтобы не зарастать ею, чтобы сохранить в себе образ Божий, для людей необходимы были некие «дисциплинарные» меры.

В этом отношении нас можно сравнить с новорожденными, которые в принципе не понимают ни правил, ни условностей взрослого мира, не понимают, что нужно соблюдать чистоту. Это понимание им не дано, пока еще не развито сознание. Для находящегося в духовном младенчестве человечества Бог и вводит в этот мир Закон, изложенный в первых пяти книгах Священного Писания.

Закон – это свод предписаний, которые содержат в себе триста шестьдесят пять запретов и двести сорок восемь повелений. Эти требования Закона регламентировали всю жизнь иудеев до мельчайших бытовых подробностей. Эти же требования ограждали их от контактов с миром язычников, от которых легко можно было «заразиться» другими грехами.

Развивая аналогию, можно сказать, что мы, воспитывая своих детей, пока они младенцы, не уговариваем их, а навязываем им свою волю, порой применяя насилие. В процессе воспитания мы вводим те же самые запреты, те же самые предписания, ограждаем от ненужного общения, ради того, чтобы ребенок был жив, здоров и опрятен.

Человечество тоже должно было пройти через аналогичный процесс воспитания, позволявший сохранить память о едином Боге и удержаться в человеческом облике. Воспитание ограничивалось сначала лишь иудейским народом. А затем, с пришествием Христа, пробуждение духовного сознания коснулось всего человечества.

Пора переодеться

Апостол Павел говорит: когда-то Закон был нашим строгим опекуном, который должен был привести нас ко Христу, чтобы мы могли принять Христа, пове-

рить в Него, а потом и оправдаться на основании нашей веры. «Детоводителем», или, по-гречески, «педагогом» в античном мире назывался раб, который водил хозяйского ребенка в школу, чтобы тот мог получить образование. С пришествием Христа, когда человечество уже созрело для принятия более совершенных заповедей, у нас отпала необходимость в этом строгом опекуне.

Это можно сравнить с житейской ситуацией, когда чрезмерно любящая бабушка пытается учить великовозрастного внучка, как завязывать шнурки и правильно кушать, что этого самого внука скорее тяготит, чем приносит ему пользу. Так, по слову апостола Павла, и требования Закона для христиан после воплощения Спасителя скорее останавливают человека в духовном развитии, чем ему способствуют.

Можно привести еще одну аналогию. Медиками замечено, что мать может без серьезных последствий кормить своего ребенка грудным молоком до определенного возраста. Продолжая же кормить свое чадо грудью после двух-трех лет, мать обрекает его на задержку развития.

Закон – это то самое материнское молоко, которое полезно на начальных этапах духовной жизни. И если продолжать питаться только этим молоком Закона, без перехода на твердую пищу Евангелия, то это может задержать и исказить духовный рост человека, а иногда и загубить душу…

«Все вы дети Божии благодаря своей вере во Христа Иисуса, потому что все, кто крещен во Христе, – облачились во Христа, как будто вы надели новую одежду», – перефразируем автора послания к Галатам. Как в Священном Писании, так и в песнопениях в Церкви мы встречаем такое выражение: совлечься тела греховного (Рим. 6, 6), ветхого и облечься в тело новое, в тело Нового Адама – Господа, пришедшего во плоти.

Облачившись во Христа, мы должны стать новыми людьми, для которых грязь прошлого времени должна быть просто противна всему естеству. Как взрослому человеку, в отличие от неразумных детей, не придет в голову бросаться в лужи и валяться в грязи, так и в духовной жизни мы должны дорасти до состояния, когда греховная грязь должна вызывать внутреннее отторжение и нежелание соприкасаться с нею.

Обращаясь к галатийским христианам, апостол Павел намекает им на то, что прежний образ жизни в язычестве был той самой грязью. Как иудеи счищали грязь греха Законом, так и христиане в эпоху Нового Завета призваны не просто очищаться, но и избегать источников грязи через заповеди Божественного Учителя, когда ветхий Закон становится уже лишним.

Между нашим временем и временем апостольской проповеди много общего. Многие из нас вышли из атеистического язычества, а многие пришли к вере из языческого мира потребительства и вседозволенности. Мы надели новую одежду, и не стоит ее пачкать грязью прежней жизни. А если сложно распознать ту самую грязь, то Завет, данный христианской Церкви, поможет нам в этом.

Сегодня, находясь в Церкви Нового Завета, формально мы не руководствуемся ветхозаветным Законом. Он *исполнен* (Мф. 5, 17), – наполнилась его чаша, которую отставили в сторону, и теперь мы наполняем новый сосуд Нового Завета. Мы, хри-

стиане, свободны во всем – во всем, кроме греха. Но слишком часто можно видеть, как мы, призванные к свободе, начинаем изобретать сами для себя новые законы, новые ограничители, которые, в принципе, являются признаком неразвитого, детского в духовном плане сознания.

Мы вновь говорим о том, что некий набор правил поведения должен регламентировать жизнь христианина. Более того, сформировалась традиция, где утверждается, что только следование этим правилам приводит человека ко спасению. Не вера, не милосердие, не любовь, а именно правила внешнего поведения. Когда мы укореняемся в этом понимании, тогда наше христианство превращается из веры во Христа в веру в силу обряда – обрядоверие, где нет места для живого общения с Богом.

Слишком часто огромное внимание мы уделяем тому, кому и как поставить свечку, как одеться и что поесть в пост, как входить в храм, как правильно прочитать молитву и приложиться к иконе. Не счесть тех мелочей, которые для нас становятся важнее всего. Но часто, при внешнем благочестии, если встречается человек, который нуждается в помощи, – мы проходим мимо. Если кто-то досадил нам, мы готовы его буквально загрызть, порой даже считая, что это тоже является некой нормой благочестия.

Мы обставляем себя правилами: как повернуться, как привстать, как поклониться, как одеться в храм. Но не в этом спасение! Обряды – только вспомогательные средства в главном – в общении с Всевышним Творцом, в исполнении Его заповедей. Главную мысль Спасителя: *Милости хочу, а не жертвы* (Мф. 9, 13) – мы порой не помним или просто пропускаем мимо сознания.

Если бы все ограничивалось только обрядами! Мы начинаем выдумывать для себя и суеверия, которые связаны с церковной жизнью. Кто-то, например, причастившись, старается ни с кем не разговаривать либо начинает грубо огрызаться, чтобы избежать общения. Кто-то перецеловывает все иконы в храме – только для того, чтобы этот день был удачным… Не счесть других околоцерковных суеверий, через которые «обходится» сложность исполнения Евангельских заповедей. И очень часто мы, в следовании за второстепенным, не видим главного – того, что заповедал нам Спаситель.

Завет навсегда!

К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к [угождению] плоти, но любовью служите друг другу (Гал. 5, 13).

Мы свободны, и мы в своей свободе должны ограничивать самих себя в угождении плоти, свободно и сознательно принимать то, что предлагает нам Церковь для спасения.

Закон был дан в эпоху Ветхого, или Старого, Завета. Христос дал заповеди Завета Нового. Понятие завета подразумевает некий договор между нами и Богом. Но в этом договоре обязанности имеют обе стороны. В основе Ветхого Завета лежит справедливость. В основе Нового Завета заложена любовь. Причем любовь не созерцательная, а действенная. Любовь, которая не различает в человеке ни

пола, ни возраста, ни национальности, а во взаимном служении уравнивает всех нас.

Понятие спасения подразумевает уход от опасности. В христианском понимании – уход от вечной смерти. Но вглядываясь в глубину христианства, мы видим, что, следуя Завету любви, получаем гораздо большее – становимся наследниками всех благ, которые Господь имеет у Себя.

А раз так, то стоит, наверное, побороться за наследство, отринув жесткость ветхого Закона и приняв тот самый Завет, который ведет нас к вожделенному Царству нашего Отца!

Лидия СЫЧЕНКОВА

Алексей Миронов и его курс «История христианского искусства»

Впервые имя А.М. Миронова мне встретилось в «Истории европейского искусствознания» под редакцией Б.Р. Виппера и Т.Н. Ливановой[1]. Это был редкий случай его упоминания в историографии отечественного искусствознания: вплоть до конца 1980-х годов его имя не значилось ни в энциклопедиях, ни в справочниках. А.М. Миронов не принадлежал к фигурам первого ряда, зато умел наживать врагов.

В 1990 году мне довелось готовить для Омского университета спецкурс «Роль религии в культуре Средневековья», в котором я использовала некоторые материалы из лекций Миронова. Для меня, как и для слушавших этот курс студентов, воспитанных в атмосфере атеизма, многие факты и иллюстрации из лекционного курса Миронова стали неожиданным откровением.

С 2004 года, когда была опубликована моя первая статья о А.М. Миронове[2], переизданы несколько его книг[3]; о Миронове все чаще стали вспоминать гуманитарии разных направлений: искусствоведы, философы, историографы и т.д.

Жизненный путь А.М. Миронова был тернист. Учеба в Харькове, защита магистерской в Москве, унизительный провал защиты двух докторских диссертаций. Успешное руководство кафедрой истории и теории искусства в Казани, появление учеников. Революция и закрытие кафедры. До сих пор самыми загадочными остаются события последнего периода его жизни. В начале 1920-х годов он уехал в Ташкент, где работал профессором Среднеазиатского государственного университета и одновременно заведующим Музейной секцией САГУ[4]. В 1929 году вышла последняя книга А.М. Миронова «Художественный музей в Ташкенте»[5]. В начале 1920-х годов он сотрудничал с востоковедом В.В. Бартольдом в комиссии по охране памятников Узбекистана[6].

Точная дата смерти Миронова остается не установленной. По нашим сведениям, он умер из-за врачебной ошибки во время операции, в середине 1930-х годов, в Ташкенте[7], где и был похоронен.

Курс «История христианского искусства», о котором пойдет речь далее, Миронов читал в Казанском университете и на Высших женских курсах в 1913–1914 годах. Текст лекций этого курса, объемом в двести страниц, вышел в 1914 году в бумажном переплете, с черно-белыми иллюстрациями[8].

Мироновскому курсу предшествовала серьезная разработка темы христианского искусства в российском и зарубежном гуманитарном знании. К разным аспектам темы еще в конце XIX века обращались историки, византинисты и искусствоведы: Ф.И. Буслаев, Н.В. Покровский, И.И. Горностаев, Н.П. Кондаков, Д.В. Айналов... Тема религиозного искусства отвечала запросам общества, о чем свидетельствует необычайная популярность публичных лекций и выставок, православно-художественных журналов[9]. В 1896 и 1897 годах Московское общество любителей художеств устроило две выставки изображений Христа и Богоматери, на которых были представлены подлинники и копии произведений из ряда ведущих музеев и частных коллекций[10]. В 1896 году предшественник Миронова Д.В. Айналов, будучи в ту пору профессором Казанского университета, читал на выставке лекцию «Образ Христа в искусстве». Публика проявила настолько большой интерес, что зал Общества не мог вместить всех желающих. Д.В. Айналов читал в Казанском университете курс «История древневизантийского искусства», а также специальный курс «Апокрифическое Евангелие и Библия в искусстве по XVI в.»[11].

В Казани у Миронова были для подготовки курса благоприятные условия, главное из которых – богатейшее собрание книг в библиотеке учебного «Музея древностей и искусств» при кафедре теории истории искусства Казанского университета. Не было нужды ездить в столичные библиотеки, чтобы собирать материал. Все книги были под рукой. В библиотеке университета Миронов находил не только редкие, – как он сам называл, «драгоценные издания»[12], но и новейшую зарубежную и отечественную литературу по теме.

По своему подходу курс Миронова – историчный, построенный по принципу гегелевского историзма. Каждая проблема излагается с момента ее генезиса в исторической последовательности. С одной стороны, Миронов применил антикварно-описательную методику анализа памятников, которую он усвоил от немецких искусствоведов. Другой особенностью его курса является описательно-повествовательное изложение материала. Автором четко определены хронологические границы курса: от эпохи зарождения христианского искусства до раннего Возрождения.

Предметом рассмотрения Миронова стали христианские сюжеты в иконографии (фресках и мозаиках), скульптуре, архитектуре, книжной миниатюре. Миронов сознательно не рассматривал такие направления христианского искусства, как музыка, пение, литература. Автор также ограничивал свой предмет вопросами истории христианского искусства на Западе, с небольшими вкраплениями древнехристианского искусства в Египте и Эфиопии. Миронов не касается вопросов древнерусского христианского искусства, как это делали его коллеги[13].

Какое место занимала «История христианского искусства» в общем представлении о мировой истории искусства того времени? Нам известна только одна общая программа по истории искусства киевского профессора, историка П.В. Павло-

ва, представленная в 1877 году как проект на Археологическом съезде в Казани[14]. Программа не была принята, но она дает представление о первых попытках систематического изложения истории искусства[15].

Приведем структуру курса Миронова.

Введение. I. Римские катакомбы. II. Историческое происхождение катакомб. III. Древнехристианское искусство в катакомбах. IV. Библейские и новозаветные сцены в древнехристианском искусстве катакомб. Христианские аллегории. V. Художественно-историческая оценка живописи катакомб по формам и содержанию. VI. Изображение Христа в древнехристианском искусстве. VII–VIII. Изображения Пресвятой Девы Марии в древнехристианском искусстве. IX. Культ Пресвятой Богородицы и древнейшие изображения ее в христианском искусстве. X. Мозаики. Особенности стиля мозаик. Главные моменты в истории развития мозаик в христианских церквах. Мозаики X–XII веков. XI. Византийские миниатюры. История миниатюры в Западной Европе. XII. Христианская скульптура Средних веков. XIII. Резные работы из слоновой кости. XIV. Архитектура христианских народов. XV. Византийская архитектура. XVI. Романская архитектура. XVII. Готическая архитектура.

Обращают на себя внимание методические приемы, которые использует Миронов в своих лекциях. Во-первых, он в обязательном порядке в начале каждой лекции излагает вопросы темы. В ходе лекций он формулирует проблемные вопросы, на которые далее дает свой «ответ».

Автор делится личными впечатлениями от памятников, с которыми познакомился во время заграничных командировок. Вот как он описывает первое знакомство с римскими катакомбами:

> Несколько лет назад, когда в период моего пребывания в Риме мне лично пришлось посещать катакомбы, – я испытывал ощущения, близкие по характеру к тем, какие представлены в описании святого Иеронима. Мы спускались туда втроем: я, проводник и художник, работавший в катакомбах над копированием фресок. <…> С намотанными в клубки восковыми свечами в руках, при слабом мерцании их, от которого еще гуще, чернее казалась повсюду кругом эта страшная тьма катакомб, подвигались <…> по узким их коридорам. <…> И чем далее, тем страшнее становилось. <…> И только иногда эта могильная тишина нарушалась шорохом больших пауков и мокриц, ползавших по стенам, да отвратительных жаб, грузно прыгавших в стороны при приближении человека[16].

Подробно излагает Миронов историю возникновения христианского символизма в памятниках, называет причины появления символических знаков:

> Боязнь христиан <…> подвергнуть возможности поруганий и осквернения драгоценнейшие для них и священные образы <…> новой религии <…> язычниками, которые гнали и мучили, преследовали и истребляли христиан, как врагов государства и римской религии[17].

Поэтому «первые христиане заменяли изображения Христа символическими знаками, или аллегорическими»[18].

Миронов подробно описывает первые христианские символы: виноградная лоза, якорь, рыба, голубь, феникс, павлин.

> Весьма любопытна <…> мистическая связь между знаком рыбы и <…> образом Христа. У известного учителя церкви блаженного Августина мы находим интересное объяснение этого символа: «если, – говорит он, – соединить первые буквы в следующих греческих словах: Ἰησους Χριστός Θεου Υιός Σωτήρ (Иисус Христос Сын Божий Спаситель), то получится слово Ἰχθύς, т.е. рыба, под которой поэтому в мистическом смысле разумелся Христос»[19].

Конечно, изложение Мироновым причин возникновения символизма в христианском искусстве выглядит несколько упрощенным по сравнению с трактовкой этой проблематики в трудах его современников – медиевистов П. Бицилли и М. Карсавина. Так, Бицилли раскрывал в своей работе 1919 года сложный психологический механизм возникновения символического мышления, связав его с *законом недодумывания* (arret mental), как особенностью мышления средневековых людей, их неспособностью к абстрактному, отвлеченному мышлению[20].

В своих лекциях Миронов рассматривает также эволюцию иконографии Христа: от красивого, похожего на Аполлона, в римской традиции, до сурового – в византийской.

> На христианском Востоке с самого же начала утвердились принципы того аскетизма, который стремился к умерщвлению плоти, который отрицательно и враждебно относился к человеческой красоте, считая ее как бы дьявольским наваждением и орудием для соблазна людей. Такие представители аскетизма не могли допускать самой мысли о том, что Сын Божий, воплотившийся на земле ради спасения человечества, принявший человеческий образ для того, чтобы пострадать за грехи всех людей, – что он мог облечь этот свой человеческий образ высшею красотой. Такая высшая телесная красота должна была, по их убеждению, отвлекать смотрящих на Него от той высочайшей красоты духа, которая в Нем заключалась, как Сыне Божьем. <…> Так рассуждали они (напр. Климент Александрийский, Тертуллиан, Кирилл Александрийский и др.).
>
> Совершенно иначе смотрели отцы и писатели христианского Запада, Здесь живы были еще традиции мира классического; <…> прочно удержался тот античный взгляд, что прекрасный дух естественно и необходимо находит себе отражение в красоте самого тела, <…> божественная природа не может быть не прекрасной и в телесных своих проявлениях[21].

В десятой лекции, посвященной истории миниатюры в Западной Европе, Миронов неожиданно обращается к теме «женщины-миниатюристы». Тема участия женщин-миниатюристов в художественном оформлении средневековых книг явно выходила за рамки курса. Да и к этому сюжету в истории христианского искусства мало кто до того обращался. Тема женщины в искусстве вообще не рассматривалась искусствоведами XIX – первой половины XX вв., не только потому, что сохранилось очень мало имен женщин-художниц, а потому, что история искусства, как и многие гуманитарные науки, была, прежде всего, «мужской историей искусства»[22]. Только в конце 1970-х годов тема женщин в истории культуры перестала быть на «обочине» российской историографии и медиевистики.

Итак, Миронов пишет:

> Из всех видов искусства область миниатюры должна быть признана наиболее подходящей для проявления творческих художественных способностей женщин. Само собой понятно, что участие <…> в украшении церквей и монастырей большими мозаиками и фресками

> оказывалось для женщин Средних веков совершенно недопустимым ни при каких обстоятельствах, ибо деятельность женщин в церквах, хотя бы художественная, при аскетических и фанатических, полных презрения к ним, взглядах монахов, духовенства и общества не признавалась возможной. Внешнее общественное положение женщин в течение Средних веков, недопущение их в цехи ремесленные и художественные, и т.д. И все вместе взятое решительно отстраняло их от всякого участия в каких бы то ни было больших предприятиях по украшению церквей и монастырей мозаиками и фресками. <…>
>
> А между тем, стремление к художественному творчеству, живая потребность в таком творчестве существовала и в ту эпоху, как и впоследствии, среди женщин талантливых и одаренных художественными способностями и любовью к изящному. Это стремление, эта потребность настойчиво требовала для себя внешнего выражения, и они находили его, с одной стороны, в творчестве поэтическом, как и в музыке с пением, а с другой – в сфере изобразительного искусства в работах миниатюрных. Благочестиво настроенные монахини; проникнутые религиозным чувством лучшие женщины высших классов, наиболее в то же время культурные, одни в тиши монастырских келий, другие в своих покоях нередко проводили многие месяцы, даже годы, в тщательном переписывании содержания рукописей и в украшении их художественными заставками и миниатюрами. Супруги королей[23], аббатисы, стоявшие во главе женских монастырей, – покровительствовали таким благочестивым культурным работам, на которые и сами они, как и художницы-миниатюристки, смотрели как на подвиг религиозный, удовлетворяющий в то же время и потребностям эстетическим. <…> [Их] работы по тщательности исполнения; по высоте их в качественном отношении, по стилю и технике обычно разделяли тот же характер и отличались такими же особенностями, такими же достоинствами и недостатками, как и работы художников из монахов – миниатюристов, каллиграфов, – не уступая им ни в каком отношении. И за редкими исключениями, только благодаря констатированию факта происхождения рукописи с миниатюрами из женской монастырской обители или от известной художницы, возможным оказывалось установить авторство женщин[24].

Пока мы не можем сказать, откуда Миронов черпал эту информацию; ответ на этот вопрос требует более тщательного изучения историографического контекста, тех книг, которые он использовал, но на которые не всегда ссылался.

Почему Миронов обратился к этой теме? В Москве и в Казани он читал лекции не только в университете, но и на Высших женских курсах. Курсистки вполне могли задавать на лекциях вопросы о женщинах творческих профессий, о роли и участии женщин в художественном производстве. Аналогичная ситуация, например, возникла и у его коллеги и современника, профессора Харьковского университета Федора Ивановича Шмита, который в 1910–1912 годах читал лекции для «учащейся молодежи» и «вольной публики». В процессе общения с аудиторией, как вспоминал сам Шмит, он скоро понял, что людям хотелось не просто узнать,

> что и когда и где создавали художники, – им хотелось знать, почему жизнь шла именно так, а не этак, им хотелось знать, что все это значит, им хотелось получить ключ к искусству вообще, в том числе и к искусству наших дней, ко всем этим странно-заманчивым и беспокоящим «-измам»[25].

Сегодня тема женщин-художниц эпохи Средневековья снова актуальна в медиевистике, изучающей гендерные аспекты истории культуры[26]. Широкое участие женщин, особенно монахинь, в изготовлении миниатюр подтверждено недавним открытием американских ученых, которые, исследовав захоронения монахинь,

нашли на их зубах следы лазурита, использовавшегося в Средние века в том числе и при росписи книг. «Можно предположить, – пишут авторы статьи, – что художники время от времени облизывали свои кисти, чтобы сделать тонкую точку. <…> При этом пигменты, такие как лазурит, могли быть введены в полость рта»[27].

Следует признать, что курс Миронова отражал состояние изучение христианского искусства, уровень развития искусствознания начала XX века. Например, оценивая раннее христианское искусство и искусство средних веков в целом, Миронов воспроизводит общепринятый в науке его времени взгляд на него как на упадок художественных навыков:

> Общая оценка средневекового искусства показывала, что в продолжение более тысячи лет своего развития искусство христианских художников по сравнению с искусством античным представляло собою <…> безотрадный период резко пониженного развития, явного падения искусства по формам, по технике, по отношению к свободе творчества и т.д. <…> Художники-христиане средних веков <…> не только не развивали далее полученных от предшественников художественных начал и драгоценных приобретений; но и позабывали и игнорировали, не умея воспользоваться сокровищами искусства античного[28].

Современными искусствоведами доказано наличие более тонкой связи между позднеантичным искусством и ранней христианской иконографией[29]. «Раннехристианские изображения, – утверждает Б. Бернштейн, – возникли, скорее всего, под давлением позднеантичной культурной пластики, и именно культурной, а не культовой. <…> Религиозное искусство ранних христиан было сакральной трансформацией светского модуса античной пластики»[30].

И все же Миронов подготовил оригинальный курс, не похожий на другие. Пусть в нем нет неожиданных открытий, теоретических обобщений, новых подходов к анализу памятника, и какие-то моменты курса кажутся сегодня упрощенными; но не стоит забывать, что он носил просветительский характер и был рассчитан на слушателей, впервые знакомящихся с этим материалом. Следует отдать должное автору: он последовательно, детально описывал памятники и сюжеты, а где-то даже предвосхитил современные открытия в области медиевистики и истории искусствознания. В любом случае, обращение к курсу А.М. Миронова позволяет дополнить не только образ этого незаурядного ученого, но и картину развития истории искусствоведческого образования в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История европейского искусствознания / Отв. ред. Б.Р. Виппер и Т.Н. Ливанова. В 2-х тт. – М.: Изд-во. Акад. наук СССР, 1963–1969. Т. 2. – 1963. – С. 16.

[2] Сыченкова Л.А. Алексей Максимович Миронов. Попытка научной реабилитации // Эхо веков / Гасырлар авазы. 2004. № 1 (35). С. 75–84. См. также: Сыченкова Л.А. Алексей Максимович Миронов // Культурология. Энциклопедия: в 2-х тт. / Гл. ред. и автор проекта С.Я. Левит. – М.: РОССПЭН, 2007. Том 1. С. 1323–1324.

[3] Миронов А.М. Альбрехт Дюрер, его жизнь и художественная деятельность. К характеристике эпохи Возрождения в немецком искусстве. – М.: Унив. типография, 1901; Миронов А.М. Изображение богини Победы в греческой пластике. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1911; Миронов А.М. История античного искусства. Изд. 2-е. – М.: ЛКИ, 2010.

[4] В справочнике 1928 года указано, что А.М. Миронов проживал в Ташкенте по адресу: ул. Самаркандская, д. 1, кв. 7 // Наука и научный работник в СССР (без Москвы и Ленинграда). Ч. 6. Л.: [Без издания], 1928. С. 258.

[5] Миронов А.М. Художественный музей в Ташкенте. – Ташкент: Изд-во и типо-лит. «Правда Востока», 1929. – 11 с.

[6] См.: Миронов А.М. Организация научной и практической деятельности Среднеазкомстариса / Бывш. Туркомстариса/ за пятилетие его существования // Известия Среднеазкомстариса. – Ташкент, 1925. Вып. 1. С. 19–24.

[7] См.: Отдел рукописей Государственного Русского музея (Санкт-Петербург). Ф. 145. Оп. 2. Д. 1186. Письма А.Н. Свирина П.Е. Корнилову. Л. 42. Письмо от 25 октября 1973 года: «Дмитрия Власьевича сменил А.М. Миронов. Вы, вероятно, его помните, трагически погибший в Ташкенте, где ему электричеством сожгли прямую кишку».

[8] Миронов А. История христианского искусства. (Конспект лекций, читанных в Императорском Казанском Университете и на Казан. Высших Женских Курсах в 1913/14 уч. году). – Казань, Издание книжного магазина М.А. Голубева, 1914. 200 с. Автор с сожалением отмечал «сложные технические условия печатания рисунков в Казани» (там же, с. 199).

[9] В России выходили такие издания, как «Христианские древности и археология» (СПб., 1852–1877), с приложением «Русские древности» (1871–1876), «Изограф» (1882–1885), «Светильник» (1913–1915) и другие.

[10] Московская выставка изображений Христа // Археологические Известия и Заметки, 1896, № 7–8, с. 213–215, табл. VI–VIII; Тридцать шестой отчет Комитета Московского Общества любителей художеств за 1896 годы. – М., 1897. С. 14–15 и 16–20; Протоколы заседаний имп. РАО за 1897 г. – СПб., 1899. С. 6.

[11] В отличие от курсов А.М. Миронова, лекционные курсы Д.В. Айналова сохранились только в архивах: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Фонд 737. Оп. 1. Д. 9. Айналов Д.В. Лекции по христианскому искусству, 1893 г. 94 л.; Айналов Д.В. Лекции по христианскому искусству, 1908–1909 гг. Оп. 1. Д. 41. 42 л.

[12] Миронов с удовольствием сообщал, что в библиотеке Музея искусств Казанского университета имеется книга итальянского археолога, основоположника изучения раннехристианских катакомб Антонио Бозио (1575–1629). С. 41. Bosio A. Severano Roma sotterranea opera posluma di Antonio Bosio Romano, antiqvario ecclosiastico. Roma, 1632.

[13] См.: Лесков Н. О русской иконописи // Русский мир, 1873, 26 сентября (8 октября), № 254, С. 1–2 (перепечатано в Собр. соч. в 11-ти тт., т. 10. – М., 1958. С. 179–187).

[14] Павлов П.В. Программа по предмету кафедры «Истории и теории искусства» (читанная 15 августа, Протокол CIX–CXII) // Труды IV Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877. – Казань, 1884. Отд. 3. С. 3–19.

[15] См.: Сыченкова Л.А. Первая программа по истории искусств в контексте истории российского искусствознания // Роль Общества археологии, истории и этнографии в исследовании и сохранении культурного наследия Волго-Уралья. Сборник тезисов конференции, посвященной 135-летию Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 4–5 февраля 2014 г. – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. С. 109–114.

[16] Миронов А.М. История христианского искусства… С. 22.

[17] Там же. С. 35.

[18] Там же. С. 38.

[19] Там же. С. 84–85.

[20] См.: Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. – Одесса: Гнозис, 1919. См. также: Сыченкова Л.А. История западноевропейской культуры в российской культурологии. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2015. С. 25.

[21] Миронов А.М. История христианского искусства… С. 84–85.

[22] В сообществе историков искусства России практически не было женщин. Первые женщины-искусствоведы появились с начала 1920-х годов. Это были девушки, получившие образование на Бестужевских курсах, на курсах в Российском институте истории искусств (РИИИ/ГИИИ).

[23] Миронов упоминает супругу короля Лотаря – Адельгейду Бургундскую (931–999); супругу Оттона II – Феофану (ок. 960 – 991). См.: Миронов А.М. История христианского искусства… С. 158–169.

[24] Миронов А.М. Там же. С. 167–168.

[25] Шмит Ф.И. Искусство. Основные проблемы теории и истории // Шмит Ф.И. Избранное. Искусство: Проблемы теории и истории. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 8.

[26] См.: Beach A. Women as Scribes: Book Production and Monastic Reform in Twelfth-Century Bavaria. Series: Cambridge Studies in Palaeography and Codicology // The medieval review. Vol. 10. – Cambridge, 2004. (URL: https://scholarworks.iu.edu/journals/index.php/tmr/article/view/15899); Lifshitz F. *Religious Women in Early Carolingian Francia: A Study of Manuscript Transmission and Monastic Culture*. – Oxford: Oxford University Press, 2014.

[27] Ibid.

[28] Миронов А. История христианского искусства… С. 3.

[29] См.: Хршановский В.А. Проблемы отношения христианства к античному культурному наследию в русской и советской историографии XIX–XX веков // Проблемы формирования светской культуры в Западной Европе. – Л.: Наука, 1987. С. 106–124.

[30] Бернштейн Б.М. Дар Христа царю Абрагу // Бернштейн Б.М. Визуальный образ и мир искусства, Избранные очерки. – СПб.: ИД «Петрополис», 2006. С. 182.

Иерей Сергий КРУГЛОВ

«Царство Божие – здесь»

Избранные записи в Фейсбуке последних лет[*]

Известны слова: «Все видят, как некто грешит, – никто не видит, как он кается». Это не жалельные слова, не утешательные («чо напали-то на маленького, все на одного!»), а очень точные. Констатация факта.

Покаяния не видно. Оно таинственно. Его невозможно описать.

Видны бывают – плоды покаяния. Например, пил – перестал пить, блудил – перестал блудить, и т.д.

Плоды покаяния бывают видны далеко не всегда. Например, завидовал – перестал завидовать, тщеславился – перестал тщеславиться, и пр. – кто его разберет? В суете и шуме мы вообще многого не различаем друг в друге.

Если плодов покаяния нет – не значит, что покаяния нет: и редиска на грядке не в один миг вырастает.

Покаяние – процесс. Как жизнь. Бывает очень долгим. Его живут, в нем живут.

Может ли тот, кто кается, иметь веселый и радостный вид? Да сколько угодно. Даже: чаще всего.

Про то, что внешние биения себя в грудь, пощения-моления анфас и в профиль и с помощью селфопалки, пламенные речи о покаянии, слезы сии сопли самости и проч. вовсе не есть признаки покаяния – ну, это и ежу понятно.

«Конек-Горбунок» – книга вполне о христианском пути; пускается Иван, ради послушания (не столько царю, сколько логике вещей), в путь – путь, представляющийся Горбунку опасным: «Много, много непокою принесет оно с собою!..» – и обретает в результате даже не то, что предполагал найти, но то, о чем не слышало ухо, чего не видел глаз и что не могло взойти на ум сынам человеческим.

«Много непокою!..» Кто ищет покою – интуитивно шарахается от христианства, рефлекторно, как рука сама отдергивается от раскаленной плиты (и не суть важно, что сам человек при этом декларирует…).

[*] Продолжение. Начало в №№ 2–4 (XLIII–XLV), 2017; 1–4 (XLVI–XLVIII), 2018; 1–2 (XLIX–L), 2019. Все примечания – *ВС*.

«Как бы в огонь вскочить пришли мы на подвиг».

(Схиархим. Паисий Величковский, «Крины сельные, или Цветы прекрасные, собранные вкратце от Божественнаго Писания»)

Необычно и волнительно читать френдленту про какой-то баттл Оксимирона и Гнойного. Словно подслушиваешь разговор инопланетян; в фантазии опять же вертижи разные… кто такие? что за герои нашего времени?..

Вспомнилось, было много-много лет назад…

У тещи и тестя, ныне покойных, – застолье какое-то, праздник.

Гости.

Застолье вполне советское, то есть разнокалиберные гости сидят за большим столом, выпивают, закусывают, вразнобой говорят о разном, а в углу телевизор сочится какой-то музыкальной программой.

И вот в минуту, когда в этой музыкальной программе появился некий певун Дима Маликов, тесть мой, Семен Алексеевич, пожилой крепкий сибиряк, строитель Красноярской ГЭС и электромонтажник из Норильска, рыбак и охотник, человек резкий и обо всем имеющий сугубое мнение, уснувший в тот момент на диване, вдруг просыпается, смотрит окрест взором рыси (внешне он очень похож на лысоватого поэта Бродского), говорит громко и веско: «А я вам вот что скажу. Маликов – это означает “маленькое существо”», выпивает стопку и опять засыпает.

К посту, про Преображение.

Написал схематически…

Но вот еще о чем думал, говоря про то, что новая тварь во Христе – это член Церкви, Тела Христова.

Если принять Церковь как организацию (правильную, про Бога и пр.), а мы – ее члены, то, как и во всякой организации, мы по мере сил в ней участвуем, но у каждого из нас остается *личное «я»*, личное пространство, личная вселенная. Приходим в храм, участвуем в организации – а потом возвращаемся в личную вселенную… А в личной вселенной центр – «я». Мои ощущения и мирочувствования, мои болячки и предпочтения. Мои ближние, те, кого я принимаю как подобающих возлюблению по заповеди – это те, кто является частью моего «я»: дети, друзья, знакомые и пр.

И Христа я *принимаю в себя* и пытаюсь и Его сделать частью моего «я», моей вселенной – причащаясь, молясь и пр.

Мню, что Он становится – мной… Это сатанизм чистой воды.

Сатана был предельно честен в пустыне, предлагая варианты Христу: я признаю Твою силу и Твое все, только войди с этой силой и со всем в *мою* вселенную, стань ее частью!.. А фиг тебе по всей морде, ответил Христос. И пошла война… и идет по сию пору.

Если же я становлюсь *частью* Христа, Его Тела (которое есть Церковь в нынешнем времени) – я уже не пуп земли и не центр вселенной, вселенная – уже не «я».

Очень много людей, которые совсем не могут говорить такими же словами, и не могут мыслить в богословских категориях, точно и четко чувствуют эту опасность как «утрату собственной идентичности», сиречь самости, пробуя стать хри-

стианами не формально, а по-настоящему. Я понимаю их страх, сам такой же. Это – действительно смерть, гибель империи, выстроенной мною видимо и невидимо… Но помимо этой смерти, минуя ее – невозможно пройти к воскресению. Вот и выбирай…

В 1989 году, когда мы приехали в Минусинск и жили в хибарке, я несколько лет топил печку углем, по схеме: ведро угля туда – ведро золы обратно.

Весь Минусинск отапливается углем. Поскольку здесь котловина, то зимой постоянно висит над городом одеяло – угольный смог, сажа оседает на всем…

Так что черного мороженого под названием «Сибирский уголь» не то что пробовать – в руки не возьму.

Думаю вот о чем: хорошо, что дверь в Нарнию существует только в книгах Льюиса.

Если бы она действительно была в окружающем нас мире, в нем бы давно почти никого не осталось.

Сейчас после всенощной крестил ребеночка – новорожденную дочку, первенца моего юного сослужителя о. Аркадия, в прошлом году рукоположенного в Красноярске.

Ребеночка назвали – Сарра.

Сарра Аркадьевна Иванова, стало быть.

«Ишь ты! ФИО – как завуч прямо!..» – высказался я. Но ребеночка покрестил. После крещения младенец перестала орать, улыбнулась миру и уставилась большими очами в вечное неведомое.

Воистину, крещение – второе рождение, сколько раз убеждался.

Всегда как-то завидовал, что ли, поэтам, которые живут в культуре.

Которые не «знают», чем там отличается амфибрахий от анапеста или Моне от Мане, потому что тяжко вызубрили, а чуют естеством, внутри культуры плавающим.

Слой культуры – он тонок и лучист, как бензиновая пленка на поверхности пруда; а тут… никак. Потому что какой-то пацан пришел, размотал свою леску, прицепленную к ивовой палке, забросил в воду… И вот тебе: или поплавок – или грузило.

Из чего оно делается: поплавок – из винной пробки (и та – сокровище, потому что пацанов папка вино с пробками не пьет, он его разве что в иностранном кино видал!.. гасится всякой дрянью).

Грузило – тоже не особо благородного происхождения: плавится подножный свинец на костерке, отливается кое-как во что-нибудь формообразное.

Поплавок – он что: болтается на поверхности, то одним боком запачкается об культуру, то другим… Его назначение – быть сигналом, часовым, функцией.

Грузило – напротив, минует, пробивает культуру, его назначение – держать крючок с червяком на нем во глубине, там, где клубится жизнепитающее дерьмо,

живородящая слизистая взвесь, сумрак, тайна, хтонический питательный раствор, передвигаются или таятся животныя малыя с великими.

Где-то читал историю про Солженицына и Надежду Мандельштам (где, у кого – не вспомню): Солженицын увлеченно говорил о Конфуции, а Мандельштам ему: «Вы, верно, о нем в отрывном календаре прочитали?».

Вот, например, о написанных мною стихах – вот это про них.

Все, что я написал, я, по сути дела, в отрывном календаре прочитал. (Это не сарказм, не пафос и пр. … просто констатирую факт).

Довольно тощенький, к слову говоря, уже тот календарь…

День да ночь – сутки прочь; попробуй останови.

У священника, как всем известно, на обратной стороне креста (беленького) написаны слова ап. Павла: «Образ буди верным…» ну и т.д.

Типа: своим благочестивым поведением подавай пример.

Не так-то просто все…

Прочел: «…священник – это не советчик и не психоаналитик, но это тот, кто идет впереди своей паствы крестным путем ко спасению».

То есть – не просто тот, кто знает каноны, как правильно совершать то и то на литургии, и прочее (хотя и это нужно, кто спорит), – но сталкер. Сначала сам разведывает путь. А потом помогает идти по нему тем, кто хочет идти в том же направлении.

Это дело тайное, живое, несводимое, процесс, который невозможно формализовать.

Глядя на себя, ужаснулся…

Я иду, правда. Ползу и проч. Потому без Христа никакого смысла ни в моей жизни, ни в чем – нету. Но *какой* это путь, мамадарагая!..

Прочел «Шум времени» Барнса*.

Книжка неплохая.

Но, если говорить о передаче мироощущения человека в эпоху свинца и шерсти: по сравнению с, например, «Четвертой прозой» Мандельштама или рассказом «Облако, озеро, башня» Набокова сей роман Барнса – как статья из Википедии.

Богослужебные тексты на церковнославянском – именно прежде всего поэзия, потому они так трудно поддаются перекладу на современный русский язык.

Известный пример: скажи на современном русском «всяк мужеск пол, ложесна разверзаяй» – и выйдет либо учебник по анатомии, либо пошлятина.

Да и даже русский на русский переведи, перескажи-ко шершавым языком плаката, например, это: «Ведь ночи играть садятся в шахматы Со мной на лунном паркетном полу, Акацией пахнет, и окна распахнуты, И страсть, как свидетель, седеет в углу»… – или целый трактат надо писать, или фыркнуть: фигня какая-то!..

Поэзия такая поэзия.

* Биографическая книга английского писателя Джулиана Барнса о Дмитрии Шостаковиче; в русском переводе вышла в 2016 году (СПб.: Азбука-классика).

С давних пор, чистя грибы, имею обыкновение включать музыку.

Тут вдруг – Юрий Левитин, концерт для гобоя и струнных ля минор, на гобое там – Евгений Непало.

Славная-то какая вещь.

Сразу понятно, что учился Левитин местами у Шостаковича (1942 г., класс композиции, было дело); но не нахраписто звучит.

Можно и Стравинского услыхать, и Скрябина…

Сегодня на молебне о пьющих и наркоманах – евангельское чтение про гадаринского бесноватого. Верно выбрано.

Некоторые примечательные нюансы:

1) И связывали его, и заковывали в железо, и всяко пытались утихомирить, а он все равно ухитрялся… Это точно. Вспоминаю, как отец рассказывал о знакомом времен своей молодости: жена его запирала в квартире, забрав деньги и всю одежду… вечером приходит с работы, отмыкает запертую квартиру – он в ноль. А чего проще: она за порог – он стучит по батарее соседу сверху – тот с балкона на веревочке в авоське спускает искомое, etc.

Человек – талантливое создание.

2) Как, говорит, тебя звать? легион, говорит, ибо нас много. Кто борется чисто с алкоголизмом, только бы чтоб «главное не пить» – зря силы тратит… это – верхушка айсберга, а куча страшных и пожизненных проблем, приметой коих является зависимость – под водой таится, в глубине. Легион.

3) Просили: не посылай нас в ад, разреши вон хоть в свиней!

И надо же – разрешил.

СМИЛОСТИВИЛСЯ.

Над кем? – над какими-то бесами.

Еще раз: Бог прислушался к просьбе бесов и снизошел к ней, исполнил. Так что если Он способен выслушать и миловать даже этих – то неужели не способен выслушать и миловать людей? Любого из людей?

Родные и близкие пьющих и наркоманов, которые вас уже задолбали и всю кровь выпили! Не отчаивайтесь, прошу вас, не выкидывайте их на помойку, и себя не выкидывайте, и гоните прочь уныние, оно – наваждение демоническое.

Ведь со Христом – наша жизнь только началась.

Все еще впереди.

И все лучшее – и есть, и будет.

4) Ура, говорит, исцелился, вот спасибище! пойду за Тобой, куда глаза глядят! Э, нет, отвечает ему Христос, нечего тебе за Мной.

Иди-ка домой. К жене, детям, родным, тем, кто из-за тебя настрадался, обрадуй их. Возвращайся – НОВЫМ – в свою жизнь. И свидетельствуй всем, что сотворил тебе Бог.

Это какой-то такой закон: многие бывшие алкоголики и наркоманы (ну, имею в виду, пребывающие в более-менее устойчивой ремиссии) НЕ МОГУТ НЕ ПОМОГАТЬ другим бедолагам.

Это не потому, что их «прет», не от гордости…

Это им так Бог повелел.
И это держит на плаву – их самих.

В каком-то фильме, уже не помню, прозвучал вопрос: «Почему мужики одних любят, а других замуж берут?» (ну, или ранее это озвучил Киплинг в балладе «Мэри Глостер»: «Что мужчине нужна подруга, женщинам не понять, А тех, кто с этим согласны, не принято в жены брать…»).

Это я вообще-то к тому, что вот ведь какая интересная и странная жизнь: любят все «Игру престолов», но убивают друг друга почему-то из-за «Матильды»…

По злободневному московскому поводу – воздвигновению памятника Калашникову – вспомнил слова Льюиса, по-моему, из «Писем Малькольму»: «Иногда жертвенник Богу надо строить в одном месте, чтобы огонь с неба сошел совсем в другом».

Представилось: сколько людей было убито посредством АК-47, но сколько им и спасено…

Все спасенные, несомненно, не забудут этого, и будут предстательствовать пред Судией о создателе сего оружия.

Но их сонмы проявятся, пройдут и прейдут – вовсе НЕ там, где впендюрили памятник.

Мы, живые, бываем на редкость тугоухи и слепы…

Мы никак не можем понять, где же оно, истинное Место Силы и Истины.

Любовная страсть утихает, но остается металлическое послевкусие долга…

Встретил одного батюшку, давно не виделись.
– Как, отче? Спасаешься?
– Лежа…
– Но главою – в направлении?
– По возможности…
– Копытят?
– А как же. Им за это в аду зарплату платят…
– Да… Они-то свое дело исправно делают…
– Не то что мы…

В Минусинске выпал первый снег, пополам с дождем…

Летом устроенные вечнозеленые газоны под окнами – как мелкокрошеный зеленый лук во взбитой сметане. Хоть посоли.

Острый, водянистый запах – нового, новой жизни.

Из приходских разговоров:
– Слыхали по телевизору, что богоборцы-то делают?
– Что?
– В Швейцарии оживили мертвый человеческий мозг!!

– Нашли тоже чем заниматься… И чего его оживлять? У нас вон пол-страны с такими мозгами живет… неоживленными… и ничего.

Один батюшка рассказал.

Приходят крестить ребенка.

– Мы хотим ребенку другое имя в крещении дать. Тайное.

– Ну, и какое же?

– А вам зачем знать?!! Оно тайное!

Рассказали:

вчера в местном пригородном бору, облюбованном для прогулок как нормальными людьми, так и лыжниками и скандинавскими ходоками, в котором (бору) обитают всеми раскармливаемые белки (разновидные кормушки для сих, исполненные орешков, семечек, крупы и чипсов, понавешаны на каждую третью сосну), средь бела дня группа горожан столпилась и наблюдала сову.

Сова, не обращая внимания на людей, обращала главу туда и сюда, затем мгновенно и бесшумно спикировала с сосны вниз, уцепила высмотренную белку и понесла ее за синие леса, за высокие горы, за некрашены заборы – вкушать.

Толпа горожан, как взрослых, так и детей, зачарованно за оной совой наблюдала, восхищенным гулом как одобряя, так и не одобряя действия птицы, сопровождая ее полет взглядами широко распахнутых немигающих смартфонов.

Часто встречающееся у разных церковных авторов противопоставление поэзии – и Евангелия… Есть ли некая правда в таком противопоставлении?

Поэзия – гениальный ли или мейнстримный, талантливый или не очень, неважно, но порыв человека к Богу, в ней человек неизбежно перед Богом – МАЛЕНЬКИЙ (ну, или Бога пытается сделать маленьким, что систему координат, по сути, не меняет: сымает Бога с небес или с креста, берет Бога на ручки, жалеет, дарит кому-то или передаривает, сажает пить кукольный чай за игрушечный столик обыденного, подносит Его к всеобщему свету той или иной, порой неожиданной, стороной, атата наказывает, оставляет незримым в темном чулане, нарочито делает вид, что обходится без него, потом слезно и надрывно ищет снова, разнообразно хоронит, как дети – воробушка или еще как-то, и проч.)

В этом смысле маленькости человека – и весь Ветхий Завет, который, конечно, Откровение, и с участием Духа – но все же поэзия (высшая ее ступень – прорыв пророчества).

Евангелие головокружительно отличается от всего этого тем, что делает человека – БОЛЬШИМ.

Оно как утро, которым прерывается сон, кошмарный ли, сладостный, вещий – но сон.

Как быть священнику?

Искушения, предлагаемые дьяволом, давно известны.

Отнести себя к церкви как к одному из предлагаемых миров:

– Цех («такаяпрофессия», требоисполнитель, спец из бюро ритуальных услуг, не отпоешь – не проживешь, и в таком роде; идол – табели о рангах: о, ты уже с палицей! а я уже настоятель! а он-то уж благочинный!..).

– Общество фарисеев («народ сей невежда в законе, проклят он», в Евангелиях сей мир широко представлен).

– Общество мистическое («вхожу я в какие-то там храмы, свершаю какой-то обряд»*, мы исихасты-профеты-профитроли, а вы профаны, или еще – «мисты», препоганое на языке словечко из блавацкого обихода** столоверчателей конца 19 – начала 20 века; эти любят «настрои по сытину» и ОЩУЩЕНИЯ; как один батюшка сказал в ответ на: – отче, что делать?!!! пропало благодатное состояние при молитве и посте!!! перестал ощущать ангелов и пребывать в Боге!!!! – ну, не помогает пост и молитва – помогут пост, молитва и галоперидол).

– Пятая колонна (в церкви – «этой вашей» – ваще творится то, чего содом не делал с гоморрою!!! а я иду такая вся в дольче габбана!..).

Возможно, кто-то продолжит ряд.

И что делать священнику? Чтоб быть со Христом и людьми в Церкви по-настоящему?

Вывод сформулирую недогматично, коротко, как-то так: оставаться ЖИВЫМ.

Примерно это недавно вычитал в интервью Антона Батагова, он говорит о музыкальном творчестве, но все же:

«Как только иссякает твоя внутренняя свобода и ты начинаешь думать, что должен соответствовать чьим-то представлениям, – тут же все сразу заканчивается и больше ничего путного не происходит».

Конечно, это – не единственное, что необходимо, ибо «следует и то делать, и этого не оставлять»… но тем не менее.

Как оставаться живым? Рецепт может подскажете, технологию там?..

Нет, не подскажу. Знал бы, как говорится, прикуп – жил бы в Сочи.

Господь – Он как-то так это делает…

Знаю доподлинно один из признаков того, что – жив: как будто ПРОСНУЛСЯ.

Утро.

И мир, как писал кто-то, словно кот, летит, падает наземь, переворачивается – и встает на все четыре устойчивые лапы.

Вот что подумал.

На вопрос насчет разнообразного безобразия мира: «Если Бог есть, то как же Он все вот это терпит?!» есть два ответа, к которым стекаются все прочие.

– Бога нет.

– Бог долготерпелив и многомилостив.

И люди – выбирают, выбирают, кому что ближе и сродственнее.

Выбор их таинствен.

---

* «Вхожу я в темные храмы, Совершаю бедный обряд…» (А. Блок. «Стихи о Прекрасной Даме»).

** *Елена Блаватская* (1831–1891) – оккультистка.

Собственно, чтобы перестать существовать и начать быть, человеку требуется немного: увидеть.

Внизу – Аустерлиц, вверху – небо.

Естественное угасание страстей – дело, вроде бы, хорошее, конечно… как говорил Платон: «Словно мне разрешили слезть с необъезженного жеребца».

Но добродетель – это совсем другое.

За нее приходится драться до крови, каждый день, снова и снова. И вчерашняя победа – не гарантия, что победишь и сегодня.

Великолепный о. Шмеман.

Читаю «Основы русской культуры».

«Все эти двусмысленные монастыри и иноки у каких-то закатных болот, хлысты и чертенята, возбуждение вечной женственностью, темные храмы и притворы и ожидания в них зорь, чем была полна литература Серебряного века…»

«Двусмысленные монастыри» – дивно!

Или когда он говорит: «последователь русского Серебряного века» – так и видишь сего последователя, под шумок революции и гражданской войны натаскавшего в Серебряном веке серебряных ложечек, унесшего их в свой стилистический уголок и там построившего из них блестящую башенку.

Мысль о. Шмемана о том, что в Византии Церковь увенчала собой развитую культуру, а на Руси – была бережно у греков взята, с культуры подъята и снята, прижата большими руками к животу, перенесена и аккуратно поставлена прямо на землю (читая «Основы русской культуры»).

Бог нередко раздражает нас.

Такое бывает при, как пишут в фейсбуке, «отношениях».

Например, Он всеведущ – а все равно все время спрашивает и спрашивает… Положено мне у него спрашивать («молитвенно испрашивать»), а Ему положено отвечать, а Он раз, да другой – вопросом на вопрос, как этот!.. Как специально (детское произношение – «как спицально!»)

Пристанет возьмет:

– Где да где брат твой Авель?

– Что, сам не знаешь, что ли?!! Чего пристал?!

И злые слезы аж душат, жгут…

Омоновец – на пенсии.

На глубокой…

– Ты куда это, старый, собрался?

– Да вот… митинг там будет, говорят… несанкционированный…

– Опять!

– Да я уж так… потихоньку… что ты…

– Да будет ли этому край-то! Ты ж на пенсии давно! У тебя и дубинки-то нет, чего ты там сделаешь-то?!!

– Ладно-ладно, мать… ничего… Хоть у какого папараца перед айфоном его поганым помельтешу, и то…

– Тьфу! Да ты ведь инвалид! Самому же по шее и надают!

– Ну и надают… и чего… Зато ему гаду, может, хоть горизонт завалю…

В ленте о фильме «Матильда» пишут:

Все так наелись оберткой, что отсутствие внутри собственно шоколадки приняли почти безболезненно.

Стук в дверь.

И с порога, бодро:

– У Бога есть для вас план!

– Какой?

– План перевыполнить план на 120 процентов!

Разные способы применяет Господь, чтоб с хмурого осеннего утра пробудить душу к жизни!

Открываю переписку Варлама Шаламова с Юлием Шрейдером, читаю первые же шаламовские фразы:

«Спасибо Вам на добром слове. Я не апостол и не люблю апостольского ремесла. Беда русской литературы в том, что в ней каждый м…к выступает в роли учителя жизни, а чисто литературные открытия и находки со времен Белинского считаются делом второстепенным».

Только что осознал, что именно гадкого и отвратного – для меня – в фильмах и вообще в этой всей «золотой легенде» про вампиров…

Сколько я их видел, сколько перевидел!..

Единственный из них, пытающийся вывести проблему – к свету, это «Дракула» Копполы, не просто перелагающий сюжет Стокера, но немного (много) его исправляющий: изначальный Бог прощает таки, после всяких испытаний и треволнений, страшного грешника, ставшего таковым всего-то по чрезмерности порыва страсти и любови и недоумию… (вариант: «Интервью с вампиром» – о том, как нормальный человек пытается бороться с порабощением его страстями, борется «многавикоф»… а чем кончается – непонятно).

В изрядной же части фильмов – идея: «Бог, может, и есть, но от наших вампирских реалий Он далек, до Него не докричаться, и – незачем»… Квинтэссенция всего – от Мурнау и вперед – гениальный германоэкспрессионистский «Носферату» Вернера Херцога с Клаусом Кински.

Целая сеть сериалов про вампирскую красоту и тонкую душевную организацию, типа «Сумерек», «Древние» и прочее… Очеловечивание и изъящничество кровососущих, типа «Выживут только влюбленные» Джармуша – политкорректная шняга про то, что в политкорректном обществе, если хочешь сохранить свое неповторимое *я*, следует жить смирно и пить из пакетов донорскую кровь, и это

назовется великим гуманизмом и состраданием к человечеству, и вызовет симпатию… В этих фильмах есть общее место: если кто и интересуется музЫками Перселла и Баха, древними языками, картинами Тернера и стихами Кольриджа – так, разумеется, только вампиры, ибо они древняя утонченная раса, а мы-то с вами простолюдины – свиньи, жрем гамбургеры, лакаем пиво, в искусстве ни уха ни рыла не смыслим, боимся всего, чего не понимаем, и на душИ прекрасные порывы неспособны, так что годимся, следовательно, тем же утонченным вампирам в пищу, и не более.

Сериал «Штамм», в создании коего принимал участие Гильельмо дель Торо… очень умное и стократ потому отвратительное кино.

Вся эта область культуры, чрезвычайно популярная, так или иначе пытается поставить под сомнение утверждение не столько даже о Боге и Его могуществе (в романе Кинга «Салимов удел» вампир просто расплавляет крест в руке священника, поколебавшегося в вере), сколько о собственно человеке, его сути, о любви и о «самостояньи человека». (А побочно – пытается подбодрить тех, кто «не такие»…).

Зомби-апокалипсис, вампир-апокалипсис – так популярны нынче в масскультуре потому, что изрядная часть человечества уверилась: человек всецело есть его грязный инстинкт, жить человеку с человеком бок о бок – неуютно и страшно, любовь (сколько о ней сказано, три «ха-ха»!..) сводится попросту к взаимопожиранию друг друга, не достоинство и любовь человека изначальны – изначальны некие «древние» – сиречь существа-пакости с их кровососущими интенциями, мало того – они воистину велики и воистину свободны…

Человечество вытесняет из себя свои страхи в виде кино про зомби и вампиров – но в то же время обнажает эти страхи пред собою, а с ними – свое неверие во Христа, отсутствие опыта жизни во Христе.

Да-да…

Расхожий способ отмечать 100-летие революции и «извлекать уроки», как нонича любят шуметь на всех углах, – это любимый народом палп-фикшн-жанр «попаданцы» (и носовский-фоменко* – пророк его).

Россия была хорошая.

Россия была плохая.

России не было.

У России был свой путь.

Если бы царь не подписал манифест.

Если бы Столыпина не убили.

Если бы Распутина не убили.

Если бы вместо него убили Юсупова.

Если бы мы не вступили в чуждую нам войну.

Если бы мы не так, а вот этак вступили в родную нам войну.

Большевики были плохие.

* *Анатолий Фоменко*, математик, автор «Новой хронологии» – концепции о том, что существующая хронология исторических событий неверна и требует коренного пересмотра; *Глеб Носовский* – математик, соавтор Фоменко.

Эсеры были плохие.

Октябристы (подставить проч.) были плохие, хорошие, они знали секрет как спасти страну, они не знали секрет и всех погубили.

Виноваты мистические буревестники Серебряного века, если бы не они.

Виновата интеллигенция, если бы не она.

Виновата Церковь и «говение раз в год под роспись», если бы не оно.

И так далее.

Как считает девочка-подросток, с злыми рыданиями созерцающая в зеркале свои угри, большой нос и маленькие грудки (еще меньшие мозги – они в зеркале не отражаются), если бы мой папа женился не на этой моей уродской маме, а на Анжелине Джоли, я была бы красавица!!

Еще к предыдущему.

Про «Итоги столетия революции».

Итоги я вижу разные. Один из них – вот он, прямо на поверхности.

Христианство называют – училищем нравственности (это положение здесь не комментирую, вопрос, согласитесь, непростой).

К 1917 году российское общество много веков навыкло считать себя христианским, даже христианнейшим, святой Русью (каковое считание продолжалось и после оного года, и до сих пор еще такое мнение бытует).

А 1917 и последующие за ним годы показали: малое количество христиан, святых, в России – да, было. Но изрядное количество людей в России, от самых верхов до низов, перед лицом разнообразных испытаний проявляло себя не то что не совсем нравственно, а, мягко скажем, дерьмово. И до сих пор так наз. «общество» не внимает словам басни Крылова «чем кумушек считать трудиться, не проще ль на себя, кума, оборотиться», а ищет крайних. И ударение здесь – именно на частном, личностном аспекте.

И весь сказ.

В колледже на уроке литературы детям показывали «Жестокий романс» Рязанова.

Савва ходит под впечатлением, сумрачен и задумчив, из-за того, что обнаружил в себе сходство с Карандышевым.

Омерзительный запах угольной сажи, запах местной зимушки-зимы.

Днесь – одна из популярнейших картинок в сети.

Названа «Приношение котов младенцу Христу» (мимими, не правда ли?).

Очень хочется в ответ нарисовать мышь. Просто мышь. Которая суетится по своим мелким делам и как бы говорит:

«Отвяжитесь. Я ничего сегодня не принесла младенцу Христу. Зато никого и не убила».

Второй день идет снег.

Весь день был вечер.
Падал снег.
И снег собирался падать…*

Угольно-черный кот на фоне снежно-белого окна – как портал в неведомые миры.

Собака – друг человека. А кот, интересно, друг кого?.. разве что – как у Рильке: «Тихий друг пространств, ты ведать волен…»

Размышляю о таких вещах, как образ и подобие.
И о том, почему – «сообразил» и почему – «сподобился».

Как в раннем детстве: найдешь какой-нибудь камень, или пуговицу, или вообще неизъяснимую штуковину (таких были тьмы и тьмы у бабушки – она шила, о волшебное «шпулька»! … и у мамы – она врач; к отчиму лазить стал, когда уж был постарше, в основном таскал капсюли для пироутех, но это не то) – и перебираешь ее, на цвет, на ощупь, соотносишь с окружающим светом, воздухом, с чем-то необъятным внутри… и целые миры разворачиваются, – так и слова.

Перебираю, подбрасываю, созерцаю, как падают и ложатся, слушаю, как пощелкивают и шуршат, слова «слушать» и «слушаться». Дивлюсь их смыслам, не в силах объять.

В последние дни часто идет снег, за окном все белое, плотное.

Черненькие люди там и сям идут по белому – как плотненькие подвижные семечки, присматривают за ними сверху бескрайние пушистые жемчужные голуби.

Вот проехали две машины: ярко-серая, потом тяжеленькая, золотая. Алым написаны на той стороне вывески: «ФАКЕЛ», «Rodeo», белым на густоморском зеленом – «Губернские аптеки». Нога забинтована, из окна на все смотрю.

Старое, давно забытое, ощущение вдруг, весеннее и молодое:

что одних только «Египетской марки» и «Разговоров о Данте» на всю бы жизнь хватило, чего же еще!… (Еще бы, правда – «Мальте Лауридса Бригге»**, без него тоже никак).

Это старого знакомого, бесенка скандала, дрыхнущего на оттоманках и копающегося в чужих галошах, в книге-то встретил, вот и подумалось.

Он теперь, правда, и в Фейсбуке тоже живет, привольно и вековечно, как бродяга в Ханаане: обещали, говорит, ему Фейсбук, давным-давно еще. («…Люди, живущие под звездой скандала, никогда не умеют вовремя уходить», и пр.)

«Книга про свободу» о. Сергия Овсянникова – вся про свободу (не про «независимость», а про свободу именно; в ней все замешано на опыте св. отцов-аскетов, нами сто раз читанных, и древних, и современных, таких как вл. Антоний Сурож-

* Из стихотворения Уоллеса Стивенса «Тринадцать способов видеть черного дрозда» (пер. В. Британишского).
** «Египетская марка» и «Разговоры о Данте» – прозаические произведения О. Мандельштама; «Записки Мальте Лауридса Бригге» – Райнера Марии Рильке.

ский (который и рукополагал когда-то о. Сергия). Но прежде всего – это опыт жизни самого о. Сергия. Книжка совсем небольшая, но – одна (пока) у него за всю жизнь, концентрированная, как соль Мертвого моря; язык – замечательно светел, очень прост и ясен, ни слова лишнего или вычурного; таков же был язык проповедей о. Александра Меня. Собственно, все мы читали всё, и неслыханно новой какой-то «информации» в книге нет; а книга и ее тема при том – очень важны.

Повторю: книжка, при всей ее «урби-эт-орбости»* и даже, вроде бы, катехизической тональности, видится очень личной, впечатление – что мне просто прислали дневник или связку писем.

Хочется тут же разговаривать с автором, однако его нет в соцсетях, и вообще он сейчас очень болен телом (но, говорят, бодр и творческ душой). На полях, что ли, карандашом писать?.. так и сделаю, наверно, рука сама тянется.

Например:

«Бедный человек – и с законом ему трудно, и без закона нелегко!

Однако, на мой взгляд, важно помнить одну вещь: закон – это лишь начальная точка пути. Недаром апостол Павел говорит, что закон был для нас детоводителем ко Христу (Гал. 3:24). Закон хорош и необходим для ребенка, но держать человечество в ювенальном состоянии всю его историю?..»

Если конкретно о законе Моисеевом – согласен.

Но – вообще Закон Божий?..

Но аромат, аромат-то, теплые шепоты, касания, привкус отношений, любовь-то и Песнь Песней закона, который – не только полезен, он «паче меда устом моим»!..

Может быть, не так прост закон, мню, как мы навыкли о нем думать.

Не просто путеводитель, «старый добрый мой нянь», типа мистера Карсона в «Аббатстве Даунтон» – всех графьев вырастил, а теперь вон, в последней серии последнего сезона, стар стал, руки трясутся, так иди же на почетную пенсию, старина, а мы дальше уж по-новому.

Вот о. Феодорит сыскал в недрах интернета сайт «Всеереси.ру».

Теперь у него вторые сутки на странице праздник :)

В комментариях – резвятся: кто ищет себя, кто – кого, кто бабачит и тычет, кто хохочет!.. жизнь жительствует.

И это хорошо.

Мне, например, от просмотра этого сайта пахнуло чем-то средневековым, народно-фольклорным: шергинский Пушкин, яркие мини-заставки, порядковые номера…

Как «Бестиарий»: «человечки стали в ряд, обо всем нам говорят», натуральный ряд разнородных фигур, составленный зачарованной, распахнувшей зенки странницей Феклушей: «Искомая Зверь имеет тулово льва и лядвея леобарса, хвост же – василиска, норов дикаго онагра; мракакуйские драндамары, пользуясь тем, что она зимою бывает мужескаго пола, летом же злоувертливо меняет его на женский, а икру откладывает в раскаленных песках Гипербореи, искусно излавливают ее на свист».

* От лат. Urbi et orbi – городу и миру.

– А ты-то чего поперлась на этот дурацкий сайт?!

– Странница я, батюшка… пришла собачку говорящую посмотреть*.

По народным суеверческим представлениям, есть люди, которые одним взглядом могут менять жизнь других людей.

Например, которые только взглянут на ребенка – и обана!

Про таких говорят: «ууу, тварь глазливая!»

Это одна из причин, по которой истинносоветский языческий человек свое дитя при людях – никогда не хвалит. Хвалят – всякие нувориши. Или дураки. Или которые в последние пять-семь лет психологических сайтов начитались.

А у нормального советского человека естественная форма сакральной мимикрии – ПРИБЕДНЯТЬСЯ. Кабы чего не сталось.

Что, скажете, не так?

Что вон, всякие скоробогатеи двумями афедронами на пяти лексусах ездят и хрустальные сортиры строят на показ всем, и не боятся?

Строят. Но и боятся хлеще прочих. Это у них просто крышу сорвало – от отчаяния, типа иэхх!! однова живем на том конце замедленного жеста, на том верху пищевой цепочки. А так-то и они – адепты все той же языческой религии.

Вдруг ярко вспомнилось из детства: заболевание собиранием значков, называется, вроде бы, фалеризм.

Были такие специальные толстые альбомы со страницами из поролона, предмет моей горькой зависти (у меня-то в комнате просто висел на стене лист поролона, приколоченный гвоздями; под тяжестью значков время от времени поролон полз и рвался, приходилось переделывать…)

Где вы ныне, виды и подвиды тех самых значков!..

тоже мысль:
статус святости важен и занимает всех.
кроме святых.

Много лет назад кто-то ставил в нашем местном драмтеатре пьесу по «Портрету» Гоголя.

Суть дела была там вот в чем: злощасный художник, вопреки замыслу Гоголя, но благодаря замыслу автора пьесы, не сгинул бесславно – он православно спасся и ушел в монастырь. И написа́л там огроменную икону Христа. С этого пьеса и начинается.

Меня туда пригласили – консультантом.

Я был на репетиции, показывал, как оно вообще, как игумен благословляет монаха, как там что к чему, словом, в православии.

Меня спросили: «Батюшка, давайте мы вас в афише укажем как консультанта?..»

* Фраза из повести М. Булгакова «Собачье сердце».

Я люблю местный наш драмтеатр и сам там когда-то рабатывал, но от предложения отказался.

Мой папа рассказывал, как они в давние советские времена ездили к родне его жены, в Россию, куда-то под Рыбинск, через водохранилище, в глухую деревню в пять дворов.

Приехали.

Живут старик со старухой.

Изба (не сибирская – у нас подпол в земле, лезут подняв крышку, у них в России – высоко поднята изба, подпол под первым венцом избы, входят, склонясь, в дверцу).

Холодильника нет, продукты – в ведро и в колодезь.

Сели за стол, выпили. Дед страдает астмой; от стопки стало ему, вроде, вольготнее, стал веселиться; бабка – ехидно: «Стало дедушке полегше? Стал пореже он дышать?».

Налегали на привезенное «городское», но угощали и своим – картохи наварили, достали соленых грибов. Смотрю, говорит папа, а грибы – какие-то… («псилобициновые!» – воскликнул бы я) – непонятные… черные, зеленые, синие какие-то… опасаюсь есть, спрашиваю: А что это за черные грибы? – А! говорит бабка, это чернушки. – А вот какие-то зеленые?.. – А! это зеленушки. – Ну и ничего, закусили, вот жив до сих пор.

Вот вспомнив про эти грибы, я вспомнил и – «синие вреднючки».

…Дед умер зимой, папа говорил. Приехал я хоронить, взял отгулы на заводе в Красноярске, летел самолетом… Хоронили – несколько стариков деревенских, несли гроб на руках… Пришли на кладбище – снегу по пояс. Хрум-хрум… А положено, говорят, вокруг церкви обнести. И пошли кругом… Церковка кладбищенская – одни развалины. Ну, обошли, похоронили. А я, говорит, чего-то в церковку зашел… Там внутри – засрано все, кострища, мусор… а посмотрел вверх, где был купол, – а там небо.

И вот тогда, папа говорит, я, пока что без слов, про Бога понял: вот Он, здесь.

Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА*

Устойчивость чуда

Есть книги стихов, которые проигрывают от большого объема. Повторяющиеся приемы теряют эффект новизны, тексты перебивают друг друга, нарушая настрой и тональность. Читательской энергии не хватает, чтобы сохранить разбег, и к середине тома начинаешь увязать в бумаге, а потом и вовсе откладываешь книжку в долгий ящик. Она превращается в каталог, который поможет при случае найти тот или иной текст поэта, но вряд ли – скоротать вечер и получить удовольствие.

И есть книги другие. Объем в них не препятствует восприятию. Каждый предыдущий текст усиливается следующим. Намеченный мотив получает развитие. Новый поворот уже прозвучавшей темы заставляет возвращаться к пройденным текстам и перечитывать их под новым углом. В такой идеальной большой книге страницы сложены в причудливый, но единственно возможный узор, как лепестки розы.

Именно к книгам такого рода можно отнести «Сон златоглазки» Елены Лапшиной (М.: Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2018).

От земли поднимутся холода,
незаметно с ночи повалит снег.
Ты увидишь небо из-подо льда,
ты проснешься рыбою, человек.

Неусыпным оком гляди во тьму,
серебристым телом – плыви, плыви…
И не думай: «Это зачем Ему?» –
всё, что Он ни делает, – от любви.

Не ропщи, что речь твоя отнята,
не по небу ходишь, не по земли.
Если рыбе дадена – немота, –
то самим дыханьем Его хвали.

Эта книга оказалась замечена литературным сообществом. В 2019 году она была удостоена диплома премии «Московский счет» и специального приза Союза российских писателей в рамках Волошинской премии. И в данном случае высокая оценка полностью оправдана.

«Сон златоглазки» – книга не избранного, а тщательно собранного. Мотивы повторяются: лежащая на дне и глядящая на солнце сквозь толщу воды красавица; скованная льдом рыба; покинутый Адамом и Евой, приходящий в запустение Эдем… Сначала не вполне понятна цель этого повторения. Потом ощущаешь, как переходящее из текста в текст, укореняющееся в нашей реальности Чудо обретает устойчивость и неотъемлемость, становится частью пейзажа.

Книга составлена по принципу «обратной перспективы»: открывается стихами 2017 года, завершается – конца 1990-х. Автор предисловия, Светлана Кекова, объясняет это так:

…Временн*а*я связь с миром духовным осуществляется не так, как мы привыкли в нашей повседневной жизни, где причина предшествует следствию, а по иному закону… в котором следствие предшествует причине и раскрывает ее смысл и значение.

И далее, комментируя стихотворение «И вроде бы лета короче, а зимы лютей…»:

…Героиня мечтает проснуться в детстве, встретиться с собой и с теми, кто уже покинул этот мир. Но перед нами не психологический экзерсис, а онтологическое по сути желание воскресения в вечности…

Обратная хронология позволяет настоящему и будущему, горнему и земному в мире Лапшиной существовать одновременно, на одной охватываемой глазом плоскости.

Благословенна твердь стоит земная.
И в чаще – пробудившись ото сна, –
идет Адам, дающий имена, –
и ничего о будущем не зная.
И спит вода во облацех, темна.

Еще не знают ветхости живые.
Но незаметно тля сосет лозу
и тлеют листья в мыслящем лесу.
И скоро незатейливо – впервые –
солжет лиса на голубом глазу.

Внутренний возраст героини не меняется между 2000-м и 2017-м годами. Одиноко седеющая, безответно любящая, находящая опору в незыблемом и вневременном, она легко преображается в девочку и обратно, минуя зрелость; из человека – в рыбу; из насекомого – в дерево.

Так же легко и естественно обращается Елена Лапшина с призмами, сквозь которые она предлагает читателю смотреть во внутренний мир своей героини.

Первая из них – русская литературная традиция XX века.

Перенимая птичью худобу
и сообразно возрасту повадку,
ходить бочком, очки носить на лбу,
беспечней относиться к беспорядку
(но памятки записывать в тетрадь),
при непогоде морщиться недужно.
Из тех вещей, что можно потерять,
мне ничего почти уже не нужно.
Вышептывать стихи (куда ж их деть),
жить, никого собой не озаботив.
И будто бы в рассеяньи глядеть
на мальчика, сидящего напротив.

Думаю, многие расслышали здесь ахматовскую интонацию, усиленную совпадением стихотворного размера: «Лишь изредка прорезывает тишь Крик аиста, слетевшего на крышу. И если в дверь мою ты постучишь, Мне кажется, я даже не услышу».

Вторая призма – русский фольклор:

Ой, дела мои, дела –
я сегодня весела –
я ходила-хороводила, приплясывала.

А я бедрами покачивала,
чеботами приколачивала.
А я квелых-невеселых озадачивала.

Меня милый целовал,
миловал и предавал,
возвращался, обещался, зазывал на сеновал.

И третья – которая ложится зачастую поверх двух первых – христианская традиция, библейский пласт.

Вот и жизнь подошла, всё сминая, корчуя, корежа,
и уже не уснуть во девичьем хрустальном гробу.
Эта плоть отойдет, как лягушечья дряблая кожа,
потому и живу, будто землю руками гребу.

Мне еще полпути, я, наверно, еще подожду всех, –
грянет конница тут, прянет там многокрылая рать.
Достоверно одно – яко мытаря ждут на воздусех.
А во облацех ждут ли? – и страшно уже умирать.

В этом наложении живых призм-традиций – присущем, если вдуматься, и многим другим вершинам русской литературы, будь то поэзия или проза, – и кроется разгадка органичности и цельности книги Лапшиной. Объем, композиция, интонация, внутренняя связь мотивов и образов организованы так безупречно именно в силу действия центра притяжения. Пусть он зачастую за кадром, за скобками, но его присутствие ощутимо и несомненно на каждой странице.

Ризо АХМАД

Военные рассказы

Мулохай

Рузи был мельником на колхозной мельнице. До нее легко можно было дойти от школы Розы Люксембург по проселочной дороге или от еврейского кладбища и трахоматозной больницы – по другой, но все равно примерно с километр пути. Рузи когда-то правильно понял председателя колхоза имени Ахунбабаева, старика Адизова, и раз в две недели, но только в темное время суток, привозил тому домой на велосипеде мешок муки.

Жил Рузи здесь же, при мельнице, в сарайчике, и был совсем неприхотлив, пока не женился. Через полгода после женитьбы, когда у Фирузы появился живот, он и пошел к Адизову просить. Председатель колхоза его тоже правильно понял и решением правления выделил колхозному мельнику Рузи Ахмадову, показавшему высокие показатели в социалистическом соревновании, политически грамотному и пользующемуся уважением среди колхозников, а также учитывая, что у оного появилась семья и скоро подряд пойдут дети, землю под строительство недалеко от мельницы, в колхозной махалле Каландар-хона, да не просто, а сразу двенадцать соток.

Рузи строился долго, целых два года. То прикупит арбу сырцового кирпича, то услышит, что где-то дом ломают, и побежит, привезет оттуда пару старых балок. Мастера поставили ему большой каркасный дом из четырех жилых комнат, а также кухни, баньки, сарая для дров и угля и уборной на другой стороне двора. А уж после работы, по вечерам и даже ночам, он сам клал кирпич в этот каркас да покрывал все саманной глиной. Но на этом Рузи не остановился, он хотел как у председателя Адизова: большие резные двустворчатые окна и деревянные полы с плинтусом, фанерные потолки с изогнутыми углами и гипсовую штукатурку на стены. И все это покрасить: стены и окна – в белый, пол – в коричневый, потолки – в зеленый и голубой. И никаких цветов и голубей на потолках и стенах.

– У многих так, а я так не хочу, правильно, Фируза? – спрашивал он в восторге, что скоро они переедут в их дом, в их собственный дом.

– Правильно, правильно, – ворчала жена, уставшая готовить обеды строителям, со вторым уже животом, ни согнуться, ни разогнуться и приходится придерживать спину рукой.

Но денег уже не осталось, и Рузи опять пошел к Адизову. Тот посмеялся ему в лицо, дорастешь, мол, до меня, все само придет. Рузи не обиделся: как можно сердиться на такого благодетеля, лучше отрубить себе руку. Ему подсказали идти к Мулохаю, известному среди бухарских евреев мелкому ростовщику.

Мулохая сегодня уже почти никто не помнит, а многие просто не знают, слава о нем давно угасла. Забыли его, как забывают мелкие неприятности. Ему было тогда восемьдесят. Жил он один-одинешенек в своем домике в еврейском гузаре: жена и дочь давно умерли, а единственный сын уже сто лет жил с русской женой в Москве, где в училище Большого театра учил детей восточным танцам, и об отце не вспоминал. Глаза старика слезились, появились одышка и кашель, на что врач сказал, что это астма, а во рту осталась лишь пара-тройка зубов. Сам он был маленький, можно сказать – тщедушный, с лицом в глубоких рытвинах, седой бородою и лысиной на макушке. Платья своего, кажется, совсем не менял, и изо рта у него пахло. Он это знал и, приблизившись при разговоре к чьему-либо лицу, прикрывал рот морщинистой ладошкой с черными ногтями. Он даже в мае все еще ходил в кальсонах, которые стирал один раз в год, укрывался теплым ватным одеялом и топил в доме старенькую печь-буржуйку. И только в июне-июле, когда становилось совсем уж жарко, печку не мучил и кальсоны наконец снимал.

Едок при этом он был отменный, любимым его блюдом оставалась узбекская шурпа: что может быть лучше при неполноценном для жевания рте. Он мог три раза на дню есть свою милую шурпу, макая в нее кусочки лепешки, а потом запить всю эту благодать тепленьким сладким чаем. Плов он тоже любил, но когда, не жуя, глотаешь твердую пищу, то все равно, что именно ты ешь – плов или глину.

У Мулохая была ясная голова. Ему не нужно было никаких расписок-записок. Он точно, до копейки, помнил, кому, когда, на сколько дней или месяцев, сколько и под какие проценты одалживал. Под залог брал только золото и камни: он великолепно знал каждодневную им цену, – не зря дружил с важными и толстыми ювелирами и с суетливыми и худенькими менялами, работающими без вывесок и тщательно скрываемыми в еврейских гузарах, как национальное достояние. Мулохай, согласно еврейским неписаным традициям, давал в долг ровно половину денег от стоимости заложенного и твердо настаивал на помесячном, день в день, погашении своих «претензий» (претензиями он называл те самые проценты, набегавшие за месяц). Проценты при этом ставил совсем небольшие, иногда и просто смешные в своей малости. Но был тверд, как сталь, если что-то нарушалось со стороны должника (со стороны Мулохая никогда ничего не нарушалось – это было его железное кредо). Даже однодневное опоздание влекло отдачу целой месячной претензии. А если должник забывал его надолго или приносил все деньги, но без процентных задолженностей, то есть претензий, то деньги обратно Мулохай не брал, о залоге же можно было забыть, он не возвращался прежнему хозяину, а через некоторое время оказывался в руках ювелиров или менял, купивших это добро у Мулохая по номиналу. Жесткость, можно сказать жестокость Мулохая была

известна всем, а раввин при разборках всегда брал его сторону за неимением за ним еврейских нарушений. Поэтому с ним все евреи держали ухо востро и даже не пытались его как-то обмануть, себе же дороже.

Мулохай был человеком уважаемым среди своих еще и потому, что он не крал и не обедал за чужой счет, был честен в любых расчетах, даже щепетилен, чтобы не завладеть нечаянно и незаконно чужим имуществом. Страсти к презренному металлу, как у Скупого рыцаря или Гобсека, у него тоже не было: ну есть и есть, а нет – так и не надо. Скорее у него была плюшкинская страсть: весь двор у Мулохая был заполнен деревянным и другим, могущим только гореть, имуществом, а подвальчик – мешками с сухим хлебом, сахаром, макаронами и рисом, то есть всем, что долго, годами не портится, и нужно только охранять все это от мышей, крыс и другой нахальной и беспризорной нечисти. Смотря на это добро, он сразу успокаивался: есть чем топить и есть что съесть, когда неизбежно, как он думал, наступят голодные и холодные дни. Все это долго собиралось, много-много лет, с того, кажется, момента, когда он остался один, а может и раньше. А откуда? Да отовсюду: со стола на посиделках или поминках, с улицы и мусорных свалок, с кладбища и вынесенных на улицу мусорных ведер, от раввина, что раз в месяц раздавал неимущим и одиноким небольшие мешочки, состоящие из восьми продуктов первой, как считалось, необходимости; с зеленого базарчика, что в еврейской махалле, с задних дворов магазинов, когда за бесценок продавался товар, потерявший товарный вид или просроченный. Об этой его страсти собирательства знали все, мужики крутили пальцем у виска, а женщины чесали языки: мол, при его-то доходах!.. Но он не воровал, не клянчил, а брал лишь то, что мог взять любой, так что его страсти уважаемое еврейское общество не придавало никакого значения: и не таких видали.

К тому же Мулохай всем и всегда был нужен: какому честному обществу не нужен человек, дающий в долг под смешные проценты и в отношениях с которым нужно только соблюсти указанный им порядок отдачи. А зная его злой язык и силу духа, могущую довести любого до третейского суда, на него не нападали и не пытались унизить и оскорбить, знали – даст достойный отпор в честном еврейском споре.

Рузи сразу понравился Мулохаю. Человек хотел достроить дом – чего ж тут плохого. И потом – мельник, тогда это была элита. Смущало только, что впервые к нему обращался не еврей: узбеки – не евреи, они по-другому видят добро и по-другому видят зло. И потом мы для них все-таки – презренный народ, потому что они на родине, а мы на чужбине. Они, хоть и умны и добры, но не мудры, а мы – то самое, – рассуждал старик. Но решил рискнуть. Хотя где тут риск, залог-то принесен.

– Сколько надо-то?

– Две тысячи.

– Ого. Это тебе, мельнику, год работать.

– Нет, два.

– Сколько получаешь?

– Девяносто.

– Какие мои претензии?

– Десять. Остальные восемьдесят, что зарабатываю, буду вам отдавать в счет погашения долга.

– А сами как?

– Так я же мельник. Кило муки в день всегда найду. А нам и этого пока хватит. Жена-то – мастерица готовить: сто блюд сделает хоть из сорной травы. А мясо – что, потерпим.

– А где залог?

– Вот.

– Ого, тут две царские монетки да украшения.

– Мне сказали, что это на четыре тысячи.

– Так и продай.

– Не могу: об отце и матери память, а они получили все от своих родителей, а те от своих. Вот так. Поэтому не могу. Мне сказали, что вы ровно половину даете от заложенного, вот и принес.

– Ну так оставь и завтра приходи.

– Хорошо. Вот.

А назавтра:

– Твое оценили в четыре с половиной. Вот это колечко с гранатом забери, и будет ровно четыре. Хотел я свою претензию до двадцати увеличить, но чувствую, трудно тебе будет. Так и быть, на червончик соглашусь, притом, что восемьдесят будешь отдавать ежемесячно и сокращать долг. Сегодня какое? 21-е. Каждый месяц 21-го жду. И не дури и не вихляй, дороже будет. Спроси у кого, какой я.

– Спрашивал, рассказали. Я и сам такой, люблю точность. Вот и деньги. Пересчитай…

Рузи рассчитался с Мулохаем за два с половиной года. Залог был сразу же возвращен в полном и надлежащем виде.

– Вы это, Мулохай-ака. Завтра приходите к нам. Худои* у меня.

– Во сколько?

– После полуденной молитвы.

– В два, значит. А кто будет?

– Мулла нашей мечети да родственники жены, еще соседи.

– А ничего, что я?

– А что тут такого? Ну, если что, поднимите руки, когда мулла читать будет, бог ваш не обидится, а гости только обрадуются.

– Приду.

Мулохай пришел, и дом, где он еще не бывал, ему понравился. От шурпы с кусками мягкого барашка он разомлел, а больше всего пришлись ему по душе уже подросшие фруктовые деревья, создающие чуть другой климат, чуть чище, мягче и свежее, чем в городе. Он заметил, что здесь почти не покашливает. Когда прощались, старик и сказал:

– Рузи, разреши, я иногда буду приходить к тебе. Тут, кажется, погодка моей астме нравится.

---

* *Худои* – угощение с богоугодной целью. (Здесь и ниже – прим. *ВС*.)

– Приходите, Мулохай-ака, в любое время. Я дома или нет, приходите. Жена вам чай заварит и чем есть угостит.

– Этого не нужно. Просто подышать. Тут мне легче…

А через год пришла война.

Рузи забрали сразу. А перед отъездом он пришел к старику со своим тем самым золотом и украшениями:

– Вы человек уважаемый, вперед все видите. Вот это все, что у меня есть. Война будет долгая – враг сильный. Настанут голодные дни… Вы уж моим от этого золота отщипывайте – хлеба им, чая, муки, дров, угля и что там еще надо.

– А?..

– А жена с этим не справится. Обманут. Она простушка и доверчивая. Или спустит за месяц, а потом только помирать. Я не знаю, вернусь или нет, а с вами этого надолго хватит.

– Ладно. Разреши только к вам мне переехать, переселиться. В баньке твоей буду жить, там тепло и всего одно окошко, не дует. Мне у тебя с моими легкими легче.

– Ладно.

– Прощай.

– Прощайте.

Город в военные дни стал серым, нелюдимым и совсем тихим. Лишь то там, то здесь раздавался детский плач, а за ним женский вой, – пришла еще одна похоронка. Мулохай договорился насчет двух арб, обошел все дворы и попрощался со всей честной еврейской общиной, сказал, где его искать, и через четыре дня переехал, а вместе с ним в одной арбе – все старое съестное из подвала, а во второй – вся рухлядь из двора для топки. Дрова дети сложили в дворовом сарае, а мешки с сухарями и со всем остальным перенесли в его баньку.

Каждое утро он давал детям и Фирузе по пиленому куску сахара и куску сухого хлеба. Потом закрывал баньку на замок и уходил в город, а вечером возвращался, и тогда начинался пир. Пир состоял из лепешек и банки тушенки, или четырех яиц, или четырех пирожков с картошкой или требухой. Весной добавлялись редиска и зеленый лук, летом – капуста, помидоры, картошка, сладкий перец и баклажаны, заранее высаженные детьми под присмотром Мулохая, а также вишня, черешня, тутовые ягоды и яблоки из сада.

Постепенно лепешки из пшеничных превратились в ржаные, а потом вовсе из жмыха. Иногда он приносил добрый кусок конского мяса, и Фируза затевала суп со старыми макаронами, вермишелью или рисом с мошками, или совсем дырявым горохом из баньки. Он ел то же, что и дети, а больше пил этой благоуханной жижи, подбрасывая им в касушки все, что не смог бы прожевать. Когда по вечерам он приходил пустым, то забирал к себе в баньку все четыре касушки, через некоторое время выходил с ними, а в каждой был кусочек курдючного жира из большой эмалированной кастрюли и накрошенные сухие хлебцы, обсыпанные солью. Фируза уже знала что делать и бежала ставить самовар. В касушки наливался чай до краев. Чуть подождать, чтобы хлеб размягчился, а жир превратился в жирные круги на поверхности – вот вам и чои сие – черный чай, – вкуснятина небывалая по тем

временам и сытная, а всего-то бульон с хлебом. Потом дети показывали дедушке выполненные домашние задания, вовсю обманывая его, он совсем не знал их заумных предметов, а был силен только в арифметике. Но дети – старший учился во втором классе, а второй – в первом, – учились хорошо, не хотели, чтобы дед умер, а он им это обещал, если увидит двойку в их дневниках. Потом все садились читать письма отца с фронта, новые или старые, если новых не было.

Так продолжалось три года, а на четвертый он слег, совсем уже желтый, и больше не вставал. Он отдал все съестные припасы в ведение Фирузы, она была уже умница и расходовала их правильно. А потом уже сама бегала в город отовариваться на его деньги, как он учил. Дети сами сажали картошку и другие овощи, и все стало на свои места... Только болезнь не уходила, и он молил своего бога не забирать его и дождаться Рузи.

Рузи вернулся в конце августа 45-го. Старик совсем был плох и кашлял натужно, с кровью. Рузи повез его к врачам, и те после рентгена развели руками: человек с такими легкими должен был давно умереть. Он привез Мулохая к себе домой и обещал позвать раввина, чтобы прочитал молитву, когда он умрет, и похоронить на еврейском кладбище. Старик потребовал, чтобы Рузи поехал к нему, нашел тамто в тайнике мешочек и принес. Назавтра Рузи принес ему этот мешочек, старик велел раскрыть, и Рузи увидел, что там золото его родителей, в полном составе. Старик сказал, что остальные чужие вещи он раздал еще в первые дни войны, а вот его вещам пришлось много ждать. Потребовал его детей и Фирузу, хотел привстать, чтобы поцеловать и обнять, но не смог, только посмотрел на них. Они сами подошли и поцеловали его в седые щеки, но он не почувствовал, он в это время кашлянул и умер.

Орден

У нашего дедушки Немата-бобо было два ордена и шесть медалей. Он очень дорожил ими, а надевал свой черный костюм только 8 и 9 мая. О каждом ордене и о каждой медали Немат-бобо мог рассказать много. Он и рассказывал нам, когда мы спрашивали. Уходил во время этих монологов куда-то далеко-далеко, а когда возвращался к нам, мы и раз: «Бобо, дайте нам винограда и лепешку поесть». Он по-доброму ворчал: «Плутишки, чистые плутишки! Здесь будете есть? Ладно, ты давай лезь вот на эту жердь, держи секатор, режь, вон ту, не эту, а ту, давай-давай, бросай мне. Подождите, не ешьте, дайте помыть, нельзя есть немытый. И руки все помойте… Вот, а теперь ты, ломай лепешку. Ешьте, милые!».

А большая кисть винограда с большим куском лепешки – это что? Нет, вы не знаете что! Это же целый обед, больше ничего не надо, и домой бежать не надо с урчащим животом, будешь сыт хоть до самого вечера, и не надо прерывать игру! Поэтому мы, как устанем, бежали в сад Немата-бобо, залетали к нему, усаживались вокруг него на большущей тахте под виноградником и слушали старика. А сами одним глазом поглядывали наверх, выбирали гроздь, какая слаще и вкус-

нее, – другим глазом на него, потом снова одним глазом вниз, где дастархан горбился от лепешек, – хватит ли всем, – а одним глазом все продолжали смотреть на него…

А Немат-бобо рассказывал, словно вот только-только перед ним прошли те немецкие танки, и вот только что упал его друг, а они заряжали и заряжали свою пушку, черные от бешеной ругани, и спешки, и гари с пылью вокруг.

А сегодня он рассказывал, за что ему вручили орден Красной Звезды:

– Подошли к речке. Небольшая, метров тридцать в ширину, не знаем, как и зовут. Комбат Булгаков меня вызывает, ведет к берегу: «Вон, смотри, дот ихний на возвышенности», – говорит. Я ему в ответ: «Вижу». «Вот и тащи свою пушку сюда. Как дам приказ, стрельнешь, но только, миленький, с одного раза его, с одного раза, надо его сразу заткнуть, а не заткнешь сразу, он всех наших порешит при переправе, а я тебя, сука, потом не прощу!». Ну, я и понял, чего ж тут ругаться: батальон-то наш в авангарде, надо перебраться на тот берег и удержать плацдарм до подхода основных сил. Вон все в лесочке готовят плоты. И говорю: «Достать-то я его достану, товарищ капитан, только ведь моя пушечка маленькая, трехдюймовочка, вот что она. Она ведь исполнит ваш приказ, если только снаряд в амбразуру залетит. А разрушить полуметровый железобетон – не разрушит, только царапнет. Это же не танк и не самоходка. Может, тяжелую артиллерию подождем?». А комбат опять ругаться и материться: это, кричит и ногами топает, не моя прихоть, а приказ комдива: мы там должны быть раньше всех, ты понял, неуч, чучмек? И это я еще мягко сказал. Ну я и ответил: понял, чего ж кричать, так точно, слушаюсь!

Надо так надо. Пригнали мы нашу батальонную пушечку, а остальные воины готовы уже в воду и орут-кричат нам троим – артиллерийскому расчету: давай-давай, бог войны, скоро утро, а ты еще пушку не зарядил.

А у меня мыслишка – одним снарядом бетонную шапку не собьешь, только чуток раскрошишь, это тебе не танк, танки я сбивал под дых четко. Надо двумя снарядами в одну точку. Навели мы пушку, помолился я с секунду: помоги, говорю, не раз помогал и сейчас помоги, наведи руку мою карающую точно в цель, – посмотрел в бинокль и кричу своему наводчику Шурке Гончаренко: прицел такой-то, трубка такая-то, наводи, Ара, – это я Артаку Погосяну, – бронебойным заряжай и второй такой же сразу, пли! Еще раз – пли! Хорошо, отлично, оба в одну точку! Теперь фугасным, быстро-быстро, пусть горит, полыхает, если полностью не уничтожил, то хоть обзор им на время нарушу, когда очухаются. Но третьего снаряда и не понадобилось, карта легла как нельзя лучше, первые два бронебойных – прямо в одну точку и обрушили им там всё. Комбат как заорет: «Вперед с плотами!» – и ко мне подбежал: ты, узбек, кричит, молодец! Я тебя к ордену, а пока держи мой, если умру, а не умру – вернешь, другой такой же получишь. А сам бегом со всеми. Через час погиб от шальной пули прямо в сердце на том берегу, когда они пошли в штыковую атаку… Но потерь было мало, это была наша заслуга, моего расчета. Вот так… Ну, а теперь, где секатор?

– Вот он, бобо!

– Давай, лезь, вон ту режь, вот-вот. Бросай мне, бросай, не бойся! А теперь от-

крывайте дастархан, лепешки там и мед. Не спешите, не спешите, не лезьте, сам разделю…

В 2005-м, в начале года, Немата-бобо пригласили в Москву на парад Победы. Шестидесятилетний юбилей! А старику тогда исполнилось восемьдесят восемь. Дети отговаривали, чего туда с такими годами, – но он решил ехать. Решил поездом, – ему бесплатно будет, а самолетов боялся, да и дорого. Сразу взяли билеты туда и обратно, позвонили в Москву, сказали, кто едет, те ответили: от Казанского вокзала будет автобус, надо только подойти к любому служащему вокзала или милиционеру, он проведет к автобусу, а дальше – в гостиницу, там уже трехразовое питание, всякие мероприятия и парад на Красной площади, а затем торжественный ужин в Кремле…

А за три дня до отъезда Немат-бобо решил посмотреть тот самый черный костюм, может, в чистку надо отдать. Что такое? – одной медали нет. «За отвагу»! Вот те на…

Позвал невестку:

– Кто ко мне заходил, кроме тебя?

– Да вроде никто.

– Не ври, Рустам заходил?

– Н-н-ууу да-а, но просил не говорить.

– Когда это было?

– С неделю уже…

Рустам был его старший сын, он жил отдельно со своей семьей. Хороший мастер, строитель, каменщик, но запойный пьяница, многое из заработанных денег пропивал, потому его семья жила бедно. Немат-бобо винил в алкоголизме сына только себя. Сын родился в 46-м, а на войне солдат Немат Мурадов спасался, как и все, куревом и водкой, чем еще спасешься на войне?! Ну, а в Берлине, после войны, они ели, пили и спали, пили много, очень много от великой радости и от горя по погибшим друзьям. Вот и перешла зараза от него к сыну. Так представлял себе старик несчастье сына.

Пошел к Рустаму. Тот отлеживался, только-только приходил в себя, весь желтый и никчемный.

– Рустам, сын, тебе лечиться надо.

– Да, отец, надо.

– Я подумаю.

– Думайте, отец.

– А медальку ту ты зря, сын.

– Зря, отец, простите.

– Я бы и так денег тебе дал.

– Я постеснялся, отец. Чего уж, каждый раз…

– Ладно, я подумаю о твоем лечении

– Думайте, отец, было бы хорошо, а то я себе давно надоел, да и всем в этой жизни, кроме вас. Но вы скоро умрете, а меня на кого оставите?

– Не оставлю, не брошу, сын, успокойся, я еще долго буду жить.

И оба тихо заплакали.

В Ташкент он поехал рано утром, к десяти был уже на улице Навои, нашел здание Минздрава, там его направили в наркологическую больницу на Тахтапуле. В больнице он показал свою ветеранскую книжку.

– Отец, если бы это были вы, то пожалуйста – вам бесплатно, но вы хотите сына положить, а он без всяких привилегий, надо будет платить.

У Немата-бобо были деньги на поездку, – хоть поезд и бесплатный, и кушать, и ночлег тоже, – но ведь каждому сыну, а их у него было трое, невесткам и восьмерым внукам надо бы что-то привезти. А еще он медальку такую же хотел найти в той самой Москве и купить, невестка ведь сказала, что там их продают всякие темные личности, но за дорого. Любой орден-медаль тебе найдут-продадут. А на эту медальку, очень дорогую ему, нужно, сказала невестка, наверное, не меньше ста баксов. А сколько это в сумах? Ого, как дорого!

Ну что ж, медалька подождет до следующего приглашения на парад, а пока вот, возьмите.

– Не мне, отец, в кассу, пойдемте, я вас провожу…

На следующий день Ибрагим, младший сын, отвез брата Рустама в ту самую больницу, сказали на четырнадцать дней, а если потребуется, еще на семь дней. А кушать не возите, и никто пусть не приезжает, у нас особый режим для лечащихся, это вам не аппендицит или желчный пузырь, особое питание и строгий надзор, иначе нельзя. На пятнадцатый день приезжайте, вам скажут, продлевать срок лечения или достаточно. Все это в мельчайшей подробности передал старику младший сын.

– А ведь я Рустама перед поездом повидать хотел…

– Ничего, отец, поезжайте и будьте спокойны…

С тем и уехал старик в Москву. Все было отменно и празднично. За ветеранами ухаживали, как за президентами не ухаживают. Был парад, но его в строй ветеранов не поставили, только на трибуну пригласили. И это было правильно: ноги ведь не те, а если оступлюсь, упаду, ведь точно упаду от волнения, от мысли, что падать нельзя. А в Кремле в последний вечер перед отъездом чокнулся на торжественном ужине с Путиным, с генералами и маршалами, поел: много было вкусненького, выпил за комбата Булгакова, а вторую рюмку за свой артиллерийский расчет, Шурку Гончаренко и Артака Погосяна. Хотел на этом и закончить, но вспомнил сына Рустама и выпил маленькую за него – пусть вылечится, иначе эта проклятая война в его душе никогда не закончится. А когда Путин спросил – может что надо? – хотел попросить медальку, мол, потерял. Но постеснялся. Сказал только, что ждет его у себя в гостях: село Бука Ташкентской области, улица Увайсий, бывшая Советская, дом 31.

Неизвестный солдат

Мы держали оборону на самом, думаю, страшном участке. От батальона осталось всего шесть человек и ни одного командира, а уж от дивизии даже и не знаю. Нас заменили, а так как еще оставались знамена полков, отвели нас в тыл для краткого отдыха и пополнения.

Июль 41-го был чудесен, стояло теплое лето, а после купания в речке под названием Кама и ухи, что была самодельщиной сверх общего обеда, свобода кружила голову. В первый же день нам досталось чистое белье и портянки, все старое у нас отобрали и сожгли в большом костре, хотя блох и вшей было еще немного. Сапоги мы проветрили, промыли изнутри и снаружи, подремонтировали, кто как смог, и густо смазали гуталином. А гимнастерки не спеша постирали в той самой доброй реке. Я уже покрылся цыпками и отмывал-отмывал себя дорогим мне целым куском хозяйственного мыла, оставшимся от погибшего моего дружбана дяди Коли, и вспоминал-вспоминал свое детство, когда мама купала нас всех, шестерых детей, подряд по очереди в большом корыте, этим купанием заканчивалась для нас каждая суббота, а в воскресенье, благословенный выходной день, – сон всласть, блины и каймак, игры и беготня по всему двору, вечерний плов с мясом или яйцами, на худой конец – с курагой. А после купания мама вытирала меня насухо большим полотенцем, больше меня вдесятеро; потом надевалось чистое белье, пахнущее утюгом…

Но счастье длилось недолго: на четвертый день нас начали строить побатальонно, к нам влились новобранцы, – и нас повезли на новый участок фронта. Он был пока спокойным, пехота начала укреплять позиции, везде рыли окопы, траншеи и блиндажи. К вечеру первого дня пошел дождь, и на нас двинулись танки. Наши пушки вдалеке заухали, а мы с Вовкой Кузенковым прижались друг к другу и ждали подхода танков поближе, на расстояние, удобное для нашего противотанкового ружья. Два немецких танка стали его добычей, мы от радости расцеловали его… Но третий танк достал нас и раздавил в нашем окопчике. Я проснулся ночью, когда кто-то тянул меня за руки… Потом меня подняли на носилки. Это были свои, – значит, мы отогнали врага от наших позиций. Меня куда-то понесли, и я жалел только, что утром был чистенький, в чистой одежонке и белье, а теперь вот грязный и пропахший дымом, и одежда вся грязная, а рядом нет мамы, чтобы отругала и открутила бы мне ухо. Но потом вспомнил Вовку Кузенкова и заплакал. И все кричал, когда мне все порванное в теле сшивали, все кричал, найдите мне Вовку, моего Вовку найдите, где он, где? Врач сказал только: похоронили твоего Вовку, оставь, не горюй так, это война, забудь, не сходи с ума. Я и забыл, надо было дальше воевать, а воспоминания на войне о родителях и других близких – нехорошая штука, память об умерших – плохая советчица.

В следующем году наш взвод в блиндаже накрыло мощной бомбой, сброшенной нашим же бомбардировщиком, и всех завалило бревнами и землей. Меня спасло, что балка, летящая на меня, по дороге встретила стену, до меня оставалось всего несколько сантиметров, – и я остался жив и даже не ранен. Нас откопали, кто-то уже был мертв, но нескольких вытащили живыми. Я потом сидел на краю воронки, приходил в себя и равнодушно смотрел на трупы. Полковой повар привел меня в чувство, ударив по щекам и заставив открыть рот, куда влил полфляжки водки или спирта – я не знаю.

Потом я целый год мотался по госпиталям и никак не приходил в себя от контузии. Все опостылело мне в этой жизни, и я подговорил раненых ребят, со мной лежащих, меня убить. Но, видимо, удар обухом топора был не слишком силен, даже

не проломил череп. Я вскочил и полностью пришел в себя, уйдя от всякой боли и ночных кошмаров. Может быть, там, в голове, был задет нужный нерв или какая извилина, не знаю. Главврач госпиталя, готовивший бумаги на мою комиссовку, после разговора со мной и трехдневного наблюдения сказал, что отправит меня на фронт. Я не возражал. И в самом деле – я стал спокоен, не кричал уже и не бесновался, был уверен в движениях, контролировал себя, только слышал по-прежнему плохо. Я теперь был крепок телом, начал уже складно говорить и правильно отвечать на вопросы. Поэтому, получив все необходимые документы, отбыл в свою часть.

В первом же бою наш пехотный батальон влетел на танках в Харьков. Был ожесточенный бой, наши танки были подбиты, а противник обходным фланговым маневром окружил нас. Боеприпасы кончились, и нас взяли в плен. Несколько месяцев я провел в лагере для военнопленных во Франции. Нас освободили американцы, открывшие второй фронт. Нас отмыли и откормили свиной тушенкой из огромных десятилитровых железных банок. Вкуснее, кажется, ничего не ел. После карантина и сверки документов и всяких согласований с двумя русскими офицерами СМЕРШа нас отправили, как сказали, домой. Но до дома никто не доехал. После недолгих бесед и зуботычин мне присудили десять лет сибирской ссылки. Суровый климат на берегу Енисея, цинга и тяжелый труд не жалели тут никого, ни немцев, ни японцев, ни своих, а меня лишили всех зубов и стройного сильного тела. После пятого года я уже никому не говорил, сколько мне тут осталось. В мыслях были только сон и ягоды в тайге. Боль от несправедливости притупилась, тоска по родным иссякла. Я превратился в животное, меня, как и всех, утром выгоняли на работу, а вечером загоняли в барак.

Домой я приехал летом 53-го. Родители были еще живы. Но я был старее их – дряхлый старик без слуха и зубов, с седыми волосами, еле переставляющий ноги и опирающийся на палку при ходьбе, с дрожащими коленями и незаживающими струпьями на ступнях.

Отец и мать предложили меня женить – я только глухо засмеялся-закашлялся. Вскоре я умер, и родители похоронили меня, тихо плача и кляня себя: для чего же родили?!..

Военный хлопок

С колхозного шийпана* исчез один тюк хлопка, килограмм сто как не бывало. А шийпанский хлопок берегли, собирали всю последнюю неделю поверх дневной нормы, чтобы сдать 7 ноября. Райком партии объявил в честь этого праздника ударный труд, обещал, что собранная норма будет считаться за два трудодня, обязал все колхозы устроить хлопкоробам праздничный плов с нормальным рисом, а не с какой-нибудь шелухой, потребовал никакую скотину не резать, а обещал доставить по двадцать-тридцать килограммов мяса на каждый колхоз, исходя из поданного на бумаге количества хлопкоробов.

* *Шийпан* – здесь: полевой стан.

Так вот, пропал тюк хлопка, и все тут. Никто не знал, кто на такое способен, а секретарь парткома колхозной ячейки Мирсамад начал орать-кричать и бить об пол деревянной своей ногой, перебирая всех односельчан и по-русски матеря каждого на чем свет стоит. Он недавно вернулся с фронта с наградами боевыми, контуженным и без одной ноги, был заслуженно комиссован, сразу избран в партком. Но контузия давала о себе знать, он будто свихнулся и считал теперь своей доблестью и обязанностью кричать на каждого, тыча всем в нос грязный свой кулак.

– Да не ори ты, видели и не таких горластых! – спокойно сказал старый Тухта-ака, председатель колхоза, войдя в большую комнату правления, где теперь обитали-работали все руководители колхоза: печка-то была одна, а ноябрьские дни и особенно ночи были уже холодные, а в правлении в хлопковую страду дневали и ночевали все они вчетвером – раис-председатель, партком, бухгалтер Ризамат и женсовет, вдовушка Турсуной.

– Давайте подумаем, – сказал раис после долгой паузы, но мягко так, ласково, – хлопок-то не съешь и не продашь, на базаре сразу заберут куда надо…

Стали думать и гадать, перебрали, кажется, все варианты, но ни на одном не остановились. Обычно оставшиеся колхозницы и старые колхозники брали домой понемногу, ну кило, ну два, не больше, – на ремонт одежды, подсунуть там в образовавшуюся прореху в телогрейке или одеяле своем, что не грело, – да и все вроде. Но украсть хлопок, когда он уложен в тюки, а тюки сверху уже зашиты и учтены бухгалтером-счетоводом Ризаматом в сводке, – такого еще не бывало.

Кто же на такое способен?! А главное – как смогли утащить незаметно? Ведь везде глаза, заметят, хоть днем, хоть ночью! Или подслушают, где какой разговор был. И придут и донесут раису. Но только ему одному! Тухта-ака, справедливый бошлик-командир, кишлачным народом был любим и уважаем. А остальным нини, боялись, как смерти, ташкентской тюрьмы и Сибири, давно были наслышаны, и примеров было достаточно: как из кишлаков колхоза забрали кое-кого, те так и пропали, не вернулись домой. А тут война проклятая, все жилы вытянула, выживали, как могли. А на раиса молились, ходили к нему за советом и помощью хоть какой, знали, он хоть что-то да сделает, чтобы хотя бы умиротворить их душу…

Это же явное вредительство, думали все, а о последствиях, если раис доложит, а он обязан доложить в райком, в правлении боялись даже подумать. А послезавтра праздник. Третий уже справляем в условиях войны, будь она проклята и Гитлер этот, многоголовое чудище. Из района приедет наряженная плакатами и портретом Сталина машина-полуторка, ее встретят все из всех пяти кишлаков колхоза, будут и мальчики с дойрой, барабанами, карнаем и сурнаем, скрипкой-гиджаком, обученные музыке учителем Шеркулом-ака. А девушки, девочки и молодые женщины выйдут нежно, кто умело, а кто нет, танцевать. Потом торжественный митинг, который откроет раис Тухта-ака, встреченный народом громко, хлопками, свистом и шумом, а продолжит одноногий партком Мирсамад, и тут уже не будет никакого шума. Потом выйдет сказать речь Турсуной, обязательно заплачет, и тут уж заревут все женщины, ждущие и уже не ждущие мужей с войны. И тогда, чтобы унять волнение народное, могущее превратить праздничный митинг в заупокойную молитву, раис взмахнет рукой – и мальчишеский оркестр под руководством

Шеркула-ака заиграет плясовую. Все девушки-красавицы станут танцевать, стараясь каждая показать себя парням, которых рядом нет, а потом женщины запоют «Сунбулу» без всякой музыки, и громом прогремят их слова, подхваченные всеми-всеми: «Как ты там, мой милый? Да пусть каждый шаг твой будет осыпан розами без шипов!». Затем счетовод начнет при всех собравшихся сдавать праздничный хлопок представителю района, мальчики и молодые женщины поднимут тюки в кузов, а все уже, и стар, и млад, будут собираться за праздничный длинный-предлинный стол, который сбили из всяких досок еще до войны…

Тут-то и обнаружится пропажа… И полетят головы, когда райком потребует от начальника районного НКВД разобраться! О-хо-хо! Не хочется даже думать про страшное!..

Управленцы разошлись по бригадам, а Тухта-ака направился к дому Рисолат. Старый раис-бува за себя давным-давно не боялся, но всегда за щекой держал кусочек кукнара*, уложенный в листик: знал, как быстро и без мучений умереть. А если просто снимут с должности, ему же легче, надоело просыпаться в холодном поту от каждого стука в дверь, от скрипа половиц, устал от угроз снять, исключить, отправить, сослать, расстрелять, утопить в ближайшем арыке, повесить на первой же чинаре и еще много от чего. Пусть даже посадят – не жалко, он прожил свое. Сын на войне, две дочки давно живут своими семьями далеко от него, старуха умерла еще до войны, – чего ж себя жалеть, для кого беречь? Конечно, хочу, чтобы сын вернулся, тогда помирать будет легче… Но вот ведь какая закавыка – эти умники из райцентра парочку совсем невинных просто так могут засадить, свалив на них кражу этого проклятого хлопка. А уж добиться признаний этим из НКВД легко, было бы тело, мигом организуют дело, человек, побывавший в их тисках, через час продаст родную мать. Вот их-то ему будет жалко. Райкому-то отрапортовать легко, а там хоть весь колхоз и все пять кишлаков, дети, женщины, старики – все хоть кровью харкай. Ну а если допрут своим умишком, что это Рисолат, кто ж защитит ее, объяснит, что она лучшая в районе шелкопрядница. Нет, никому и дела не будет хотя бы до ее успехов и сдачи плана по коконам, – в пыль превратят!..

Нет, решил старый раис, вы как хотите, товарищи из района, но Рисолат я вам на съедение не отдам. Он еще не знал, о чем будет говорить и как заставит Рисолат вернуть тюк хлопка, но знал, что вернуть хлопок надо, пока не дошло до райкома. А потому он найдет способ его вернуть.

Так думал старик, подходя к ее дому. Высокий, легкий, весь высохший, с прямой походкой, он шел к Рисолат рядом со своим ишачком, обходя на знакомой деревенской дороге лужи, образовавшиеся после сильного ночного дождя. Обычно после таких дождей приходит жуткий ноябрьский холод, но, слава богу, этот не принес серьезного понижения температуры.

Эту женщину он знал всю свою жизнь, сколько себя помнил. Она была на десять лет моложе его. Дружила с его сестренкой, а он часто тогда ездил в Пешку и привозил между делом им обеим парварду**, и она всегда его спрашивала, почему мамина парварда жесткая такая, не прогрызешь, а его – мягкая, приятная. Он толь-

* *Кукнар* – опийный мак.

** *Парварда* – традиционная у узбеков и таджиков карамель в форме подушечек.

ко смеялся в ответ. Чего ж тут гадать, надо есть вовремя, а не держать взаперти для всяких гостей, а детям отдавать, когда уж топором не разрубишь. Потом Рисолат повзрослела, стала девушкой, он уехал в Бухару, а позже в Ташкент и Фергану на заработки, взяв с нее обещание, что она его дождется и они сыграют свадьбу. Прошло два года, всего два только годика, он вернулся, а любимая уже была замужем, за другом его Базарбаем, не дождалась. Он промолчал, ничего никому не сказал, но при встречах все трое чувствовали заметную неловкость и потому никогда с тех пор не заговаривали друг с другом без великой на то надобности…

Раис-бува подошел к дому Рисолат, калитка в воротах была открыта, он вошел во двор. Над крышей кухни не поднимался дым, а ведь время завтрака и дым должен в этот морозный ноябрьский день подниматься – если уж не еду готовить, так погреться. Дров, наверное, не осталось, да и гузу* некому собирать, некому женщине помочь, подумал старый раис, дочку-то отправили вместе с другими девушками помогать соседям, другому колхозу, там у них хлопка на полях было еще много. Старик вспомнил, что надо соблюсти обычай – в чужой дом не заходить с пустыми руками, – вернулся к привязанному к столбу ишачку, осторожно, чтобы ослику не сделать больно, сдернул притороченные и свисающие от кошмы по обе стороны две большие связки гузы, после сбора хлопка они теперь годились только в топку, бросил связки на плечо, а из хурджина** свободной рукой достал две лепешки, посмотрел на них, обтер рукавом, отчего они стали еще непригляднее, плюнул на землю и вошел во двор.

– Эй, Рисолат! Не умерла еще?

– Чего кричите? Не умерла еще, не умерла! Шутить изволите. А раньше так не шутили! – она не терпела ни от кого фамильярности, даже от мужа своего покойного, а уж от Тухта-ака тем более.

А он весело посмотрел на нее, вышедшую откуда-то. Он по-прежнему любил ее, хотя в последнее время она ему совсем не нравилась появившейся резкостью в суждениях, отсутствием улыбки в еще не погасших глазах и тем, что давно уже никому не смотрела прямо в глаза – признаки злобной зависти к нему и ко всему остальному миру за то, что недолюбила, не разглядела, не доела-не допила до конца, за то, что другие обогнали ее в этом, а этот не зачах от любви к ней, а стал еще сильней и умней и сумел наладить достаток даже в самые тяжелые для всех дни…

Навстречу ему выбежала дворовая собака, узнала его, пасть сразу закрылась, а хвост стал дружелюбно вилять. Но видя, что тот лепешки ей не даст, ушла, залезла обратно под дом, в теплое свое местечко.

Несмотря на прохладный прием, раис сказал:

– Ставь чайник, вот возьми, – и сбросил на землю сухой хворост, по-хозяйски зашел в ошхону***. Уселся тут на единственный старенький стул, что сразу заскрипел под ним, и облокотился на круглый стол. В углу ошхоны стоял огромный серый тандыр, не топленный с тех пор, как дочка уехала, – чего старухе одной стараться-печь, обойдется сухарями про запас... В другом углу в ляганах**** были навалены су-

* *Гуза* – стебли хлопчатника.
** *Хурджин* – переметная сумка.
*** *Ошхона* – кухня.
**** *Ляган* – большое блюдо.

шеный урюк и сушеные помидоры. Рядом стояла старая плетеная корзина, полная кукурузных кочерыжек. Возле нее – мешок с кукурузой в початках. В третьем углу стояла, покачиваясь, грязная и худая корова, смотревшая огромными грустными глазами; двинулась было к нему, но веревка на рогах остановила ее. Тогда корова стала тянуть морду к пришельцу, было видно, что она голодна, в ошхоне стоял запах ее мочи и навоза…

– Чего это я с вами буду чай пить, – проворчала Рисолат. – Идите вон к себе и пейте с женой вашей, а меня оставьте в покое!

– А где теленок? Не вижу его.

– Здесь он. Вы за ним, что ли, пришли? Поминки по себе справить чужим добром!

– Ты, Рисолат, дурой стала к старости! Где ты видела-слышала, чтобы я чужое добро хоть зернышко у кого отобрал?

Она не ответила на второй вопрос, а на первый сказала:

– В моей комнате лежит. Накрыла двумя одеялами, озноб у него, весь дрожит, пройдет, не пройдет – не знаю. Молочка вот эта старая тварь дала с литровую банку, так я ее сыночку и скормила. Жалко, если помрет.

– Ну так и поешь вдоволь мясца, соседкам долги раздашь.

– Так-то так, но мне дочку замуж выдавать в будущем году. Хотела вот его, да одеял нашить, в приданое.

– Вот-вот, а вата откуда?

– Найдется – притрется!

– Откуда ж, денег-то нет!

– Найду! Вон же бязи пять метров нашла и ситца десять да бархата кусочками метра два.

– Так они у тебя, считай, с прошлого года.

– Откуда знаете, старый хрыч?

– Не ругайся, я к тебе по добру. Вот и ты будь добра. Откуда знаю? Так твоя дочурка и рассказала моей, что ткань есть, а вату еще не приобрели.

– Ну и что? Ваше дело какое тут? Не помочь же пришли вату достать?!

Старик молчал. Попили чаю, а вернее кипятку. Женщина разломила одну лепешку, а вторую, он знал, понесла теленку и собаке пополам. Он чувствовал, что сладить с Рисолат будет трудно, умрет, но не отдаст. Но почему так много она украла? Может, с кем сговорилась напополам? Тоже вроде много – на каждую если по пять-шесть курпачей, одной большой курпе, четыре ястика да две люля*…

Рисолат вернулась:

– Вы еще здесь?!

– Здравствуйте! Ты что, меня прогнать хочешь?!

– Прогонишь вас! Сидит как барин и не сдвинется! Дел других, что ли, нет, раисбува, у чужих женщин околачиваться? Что люди-то скажут?!

– Люди скажут доброе, не злое, что у тебя на уме. Люди знаешь что скажут? Ладно, не буду торопить, поедим сначала.

---

* *Курпача* – маленькое одеяло; *курпа* – большое одеяло; *ястик* – подушка; *люля* – круглая подушка.

– Что-что? У меня для вас ничего нету!

– Так у тебя не только для меня ничего нету, у тебя вообще ничего нету! Поэтому я и пришел, и тебе принес. Яйца вареные, вот! Пир будет горой!

– Свои, что ли, отварили?

– Да нет, куриные, – раис не стал злиться в ответ. – Вот и лепешка разломана! – он начал доставать из кармана яйца, их было четыре штуки. – Вот и пополам, по-братски.

Поели, еще раз попили чаю, настоящего, у раиса нашлась завернутая в газетный листочек щепотка заварки. Пока ели и пили чай, он все думал, что сказать и как. Наконец нашел, стукнул себя по лбу ладонью, воскликнув:

– Ну да, конечно! Зухра и Муслима своих дочек выдают замуж в следующем году. А парни, женихи дочек, сразу на фронт уйдут, если эта сука-война не окончится к тому времени. Они, то есть родители их, женихов, сватались с одной целью, чтобы, если что, от парней потомство осталось. А то ведь сгинут, и парней нет, и следа их на земле. Свадьбу, конечно, решили делать, когда те, дай-то бог, вернутся, а пока один худои с муллой на десяток семей, а бычка твоего больного хватит на плов. Они у тебя, то есть три семьи женихов, выкупят его, не дадут тебе помереть. А ты обойдешь приказ не резать крупный рогатый скот, скажешь – помер, болел и помер. А в свидетели меня привлечешь, ведь я сегодня приходил к тебе, видел, как твой телок болеет. А, Рисолат? Но чтобы хоть как-то приданое справить, так вы решили похитить хлопок. Как раз на трех невест хватит, чтобы сшить курпачи, а платья и посуда у вас сто лет готовы, с сундуком и отдашь, и те, твои товарки, тоже. Все чин чином!

– Вы что, старый шайтан, удумали, а?! – вскричала старуха. – Под расстрел удумали подвести! Ну давайте! Давайте, с вас станется!

– Говори, да не завирайся, – раис повысил голос. – Я к тебе с добром пришел, повторяю для безмозглых!.. Поэтому предлагаю тюк этот сдать мне. Никто не узнает, где я его нашел… А тебе взамен – пойду по дворам, у кого кило, у кого два попрошу, не откажут. Побьете палками – и будет тебе, и тем тоже, новая вата. Так и скажу, приданое всем миром готовим нашим невестушкам. А чтобы ты не думала, что я только отнимать мастер, у меня, во-первых, три курпачи новых и по одному ястику, тоже новому, для каждой найдется. Моя старуха возмущаться не станет. Она – не ты! И еще, будете на собрании послезавтра, награжу вас черным сукном. Хотел трактористам, но ничего, им на первое мая. С женихами пусть дочки ваши пойдут в город, найдут там ателье, где Якуб-еврей, хороший человек и портной хороший. Он и пошьет быстро женихам из сукна костюмы, за каждый костюм – десять яиц, я его расценки знаю.

Было видно, что Рисолат борется с собой. Потом вздохнула глубоко:

– Проклятая война! Проклятая власть! Когда я умру и обрету покой, когда?! – и зарыдала.

– Ну, ты на власть не обижайся. Бывало и похуже. Никакая власть не сделает человека счастливым, если он вор. Власть – она как домашнее вино: не знаешь крепости, пока не выпьешь. Но лучше не пить вообще, не испытывать судьбу. А вы решили испытать и не подумали, что старый раис найдет. И слава Аллаху, что

я нашел! Надо мне, что ли, чтобы все пять кишлаков вокруг прошерстили из-за тюка хлопка… Так что давайте, несите обратно сегодня же, только ночью, как выпровожу этого контуженного парткома за дверь. А будет артачиться, не захочет уходить – придется чекушку водки ему поставить. Последняя, из старых запасов. Думал на праздник с райкомом, но, видно, не придется. Да и хрен с ним! Вот видишь, Рисолат, от тебя научился матом ругаться!

– От вас разве что скроешь! А я дочку как должна отправлять в чужой дом, с пустыми руками?!

– Я тебе уже сказал, и этим подругам своим скажи – помогу я! Обязательно! Но тюк верните. Иначе заберут вас и в Сибирь!

– А вы мне скажите-покажите, где этот тюк хлопка лежит, дьявол старый, у-у, чтоб глаза не видели мои!

– Эх ты, бесстыжая, совсем плохой стала! Вот до чего война людей доводит! Под коровой тюк зарыт. Под коровой! Яму вырыли и сунули туда. А чтобы не промочился, хлопок-то, сверху брезентом или толем накрыли. Вот и не уходит моча под коровой в землю, вон целая лужа, а земля не берет, не впитывает. А раньше ее никогда не оставалось, уходила… Эх, люди, эх, война! До чего ж достали...

Скажите мне о моем сыне

Старуха тихо вышла из больницы и пошла в направлении, которое запомнила, когда ее везли. Тогда она видела, как вдоль их дороги тянулась длинная вереница больших палаток, за ними четыре пушки, а перед ними – шеренги солдат лицом к дороге, много шеренг, очень много солдат. Она невольно стала всматриваться в их лица и, кажется, увидела его. Нет, это точно был он в третьей шеренге. Она не отрывала от него глаз, начала кричать и хотела спрыгнуть, но ей не дали, грубо схватили и усадили обратно на скамью в кузове их машины.

Она и пошла туда, к палаткам. Улица была длинной и прямой и уходила за горизонт, серая дорога сливалась с утренним серым небом без солнца. Напрягая глаза, старуха всматривалась в ту самую горизонтальную линию: когда же она дойдет своими ногами дотуда? Мимо проехали несколько арб, запряженных ослами, и две большие машины, и зимняя морозная улица опять опустела. Не было людей, только обрубки тополей без веток, у нас в кишлаке тоже такие, все пообрывали на топку.

Обочина дороги была плохая, старуха перешла на саму дорогу, но и та была неровная, вся в колдобинах и ямах. Пока шла, появилось холодное солнце, но оно не могло согреть старое тело под тонким больничным платьем. Да еще и ветер дул ей в спину, хорошо хоть несильный и не в лицо. Через некоторое время ноги устали, но она упорно шла, надо, надо идти. Она устало влачила больное свое тело, осторожно ступая и обходя всякие камни и ямы, не хватало еще и пораниться. Из-за глиняных заборов мелькнули две-три головы, но никто ее не заметил, не окликнул.

Вскоре она совсем устала, а горизонт был еще далеко. Она нашла место на зем-

ле, ей показалось, что там, на том клочке земли, теплее и совсем сухо. Она легла, но смогла пролежать совсем недолго – от земли шел холод еще сильнее.

– Потерпи! – приказала она себе. Главное – не повернуть обратно. А там пусть смерть, лишь бы увидеть его хоть в последний раз.

Вскоре земля стала пыльной, это уже была немощеная часть длинной улицы. Солнце было уже в зените, а под ним стали медленно проплывать белые облака. Все тело давно тряслось от холода.

– Эх, сын, сыночек мой, услышь меня, может выйдешь навстречу?

Но нет никого и надо еще много идти.

Дойдя до перекрестка, она остановилась и стала думать, куда идти дальше. Вроде грузовик, который вез ее с санитаром в психбольницу, никуда не поворачивал от самого колхоза.

Да, правильно сделал раис Ризо-ака, что отправил ее в психбольницу. Там людей немного и кормят, кукурузной кашей вчера покормили, как привезли ее из колхоза и оформили в палату, где было восемь женщин. Правильно сделал, что решил отправить ее туда, она ведь стала бросаться на людей, во всех видела своего сына, своего Шерали. Приезжал важный врач, он и посоветовал раису. Тот был скор и отправил ее, а сам обещал наведываться, долго целовал на прощание, как свою дочку. Он хороший, он привезет мне теплые вещи и хорошие известия. А кушать пусть не везет, в больнице кормят, и ей достаточно. Но он не послушается и привезет ей молочка горячего, она любит горячее молоко с сухим хлебом в студеную зиму.

А сын, она знает, в том самом военном лагере, она его видела с борта той машины, что везла ее в город. Жаль, санитар ее остановил, она бы сыночку два только слова, а потом бы и вернулась к машине, вот я, везите дальше.

Она снова побрела вперед.

– Как стара я стала, ноги уже не те. А ведь когда-то была молодой. Омона любила, он меня и взял потом в жены. Мне было шестнадцать, а ему девятнадцать. У нас сразу родился наш Шерали, а больше никто не родился, хоть Омон и не переставал меня любить. Омон ушел на войну, как она началась. Я о нем не плачу, хоть весточек от него Манзура-почтальонша и не приносила. Потому что он сильный, умный и перехитрит любую бомбу и любую пулю, чтобы дойти до меня и до наших родителей. А вот Шерали мой, верблюжонок мой, совсем несмышленый, простой и доверчивый. Ему пуля скажет: я к тебе пришла погреться на груди, а он навстречу – на, грейся…

Невдалеке показался грузовик с солдатами. Пусть подъедет поближе, может быть, ее сын там. Надо крикнуть, позвать Шерали, а голоса совсем нет. Глаза ее слезились от мороза, и она не смогла рассмотреть всех в машине. Кто-то ей крикнул, может быть, он. Но машина не остановилась, проскочила мимо по прямой. Значит она правильно идет, военный лагерь впереди. В спину по-прежнему дул ветер. Она снова опустилась на землю, посмотрела на свои пятки. Нет, все нормально, – грязные они и несколько трещин, но главное – заноз нет. Просто очень устала. Надо посидеть на каком-нибудь камне. Вот он, большой булыжник, она на нем и посидит. Согреет его, и ему тоже будет хорошо. А что там впереди? Колхозное поле в

обе стороны, не вспаханное на зиму, гуза торчит повсюду клочками. Если бы хоть какой курак* остался, она бы поела. Не надо было трогать вчерашний хлебушек, один кусочек, а оставить его под мышкой, сегодня бы он ей пригодился больше, чем вчера.

Проскакал на коне важный всадник, внимательно посмотрел на нее и снова полетел дальше. Нет, он совсем не похож на сына. Сыночек ее стройнее и безусый, у него еще юное лицо, а губы всегда влажные и блестят на солнце, как янтарь.

– Вставай, старуха! – сказала сама себе, а потом булыжнику: – Спасибо, камень, пожелай мне удачи.

А вот и лужа от вчерашнего дождя, надо напиться. Нет, не получится, лужа старая и вонючая. Сама она тоже, наверное, вонючая, потому что старая. А ведь совсем недавно, это было в прошлой жизни, задолго до проклятой войны, Омон впервые поцеловал ее…

Колхозное поле продолжалось еще долго, но ни початка кукурузы, пусть даже голого, без зерен, ни курака, пусть даже пожухлого и сморщенного. Ладно, что теперь поделаешь, это ее испытание божье, она же знает, чем больше испытаний она пройдет, тем больше и счастливее будет жизнь его. Да что там, она готова жизнь отдать за него.

Стало тихо-тихо, словно она пошла по дну озера. По озеру ее катал на лодке с двумя веслами Омон, она помнила. Но здесь безлюдно, нет жизни вокруг до весны. Она вглядывалась вперед. Постой, посмотри, не те ли палатки большие показались? Ну да, вон и длинные стволы пушек. Неужели она дошла, о господи? Она стала тихо шептать молитву:

– Знай! Ты не заставишь слышать мертвых и не заставишь глухих слышать зов, когда они обратятся вспять. И ты не выведешь на путь прямой слепых от заблуждения. Ты не можешь никого заставить слушать и видеть, кроме тех, кто верует в знаменья наши и кто им предан. Аминь…

Но вот и люди – солдаты, куда-то идут строем, а солдат с длинным ружьем загородил ей путь и что-то ей кричит по-русски, она не понимает, но знает, что по-русски.

– Солдат, солдат, я дошла, дошла, я целый день шла, устала и голодна, мне холодно. Но это все не то, не то, только позови моего сына, моего Шерали. Ладно, ладно, я больше не двинусь вперед, куда нельзя и ты не пускаешь. Только позови… Солнца еще не было, когда я вышла, а теперь оно уже зашло, во как. Ты не толкай меня назад, я и так уже стала пушинкой. Ты только скажи ему, пусть быстрее придет и обнимет мне ноги, как сделал, когда уходил. Нет, я сама обниму его ноги, лишь бы он жил…

Часовой был курсант Подольского артиллерийского училища, эвакуированного и квартировавшего в Бухаре. Курсанты были сейчас на военной полевой подготовке в двадцати километрах от города, здесь были их походные палатки, в которых они отдыхали ночью. Часовой не пустил старуху, посторонним запрещено

* *Курак* – нераскрывшиеся коробочки хлопчатника, остающиеся на растении после осенних заморозков.

идти на военный объект. Он и вызвал полкового командира. Никто из офицеров и солдат-курсантов не знал узбекского и таджикского языка. Командир прочитал пришитую к рукаву платья, на предплечье, картонку и понял, кто она и откуда пришла. На картонке было написано по-русски: «Бухарская психиатрическая больница. Больная Хошимова Зарифа, 36 лет. Колхоз "Путь к коммунизму", кишлак Новмитан. Поступила 23.11.1943 г.».

Командир решил оставить старуху в палатке, вызвал врача и приказал осмотреть ее. Врач сделал ей укол и назначил постельный режим под теплым одеялом, велел накормить из походной кухни, напоить горячим чаем и уложить спать. Завтра приедет офицер из облвоенкомата, он узбек, и заберет ее в ту самую больницу…

Следующим утром ее в палатке нашли мертвой, офицер-узбек не стал звонить в психбольницу, а вызвал по телефону колхозную власть. Днем приехал раис Ризо Ахмедов и забрал ее тело.

Видно, Бог решил: пусть она уйдет вместо сына. Сын в сорок пятом вернулся.

Нинель РОСИНА

Ташкент и другие города

Ване, Димочке и Анютке
для памяти об одной веточке родословной

Родители

Родители моей мамы – Маркус-Абрам-Соломон Григорьевич Геллер и Берта Борисовна Геллер. Откуда они родом, я не знаю, но жили они до революции в Ташкенте, а потом в Верном, впоследствии Алма-Ате.

Оба были отличными портными. Бабушка шила женские платья. Дедушка – брюки и очень хорошие пальто, взрослые и детские.

Они были грамотные. Бабушка писала красивым бисерным почерком, буквами с длинными хвостиками, а дедушка – «как курица лапой». Говорили они с еврейским акцентом, особенно дедушка, нараспев. Дедушка отличался мудростью, уравновешенностью и юмором. Бабушка же имела характер взрывной и командовала дедушкой. Внешне выглядели они очень интеллигентными.

В Алма-Ате у них был свой небольшой дом, в котором в 1940-е – 1950-е годы разместилась детская поликлиника с многочисленными кабинетами-клетушками. В эти годы дом находился уже в центре города, рядом с ТЮЗом и недалеко от оперного театра им. Абая, на перекрестке проспектов Сталина и Калинина. У них жили кухарка, домработница и дворник. Дети – пять сыновей и одна дочь, моя мама.

Мамины братья

Старший их сын, брат моей мамы, Михаил, эмигрировал в Германию. Высокий, красивый, он был очень талантлив, у него был необыкновенный баритон. В Германии он был знаком с Горьким и Шаляпиным.

Михаил окончил в Германии консерваторию, женился там. Единственную дочь назвал Тамира – по первым слогам имен жены Тани, ее сестры Раи и своего собственного.

После прихода к власти в Германии фашистов он с семьей перебрался в Швецию и захотел приехать в Ленинград, где к тому времени уже жили бабушка с дедушкой. Бабушка в разговоре по телефону очень не советовала ему это делать, но он не понял и приехал. Семья его осталась в Швеции. Красавец, элегантный, шикарно одетый, он резко отличался от ленинградской публики того времени. Его поражало все: трамваи с висящими на подножках пассажирами, всеобщее хамство, плохое мыло и т.п. Дело в том, что у меня завелись насекомые (вши). Мама намазала мне голову керосином и через некоторое время решила его смыть, намылила голову. Получилась большая, как стог сена, башня из намыленных волос. Самая горячая вода не брала это мыло, не смывалась эта мыльная куча. Мама решила, что придется убрать волосы под машинку наголо. Во время этой суматохи пришел дядя Миша. Достал у себя какое-то душистое мыло, намылил им эту керосиново-мыльную башню, и моментально моя голова освободилась от керосина и нашего мыла.

Дядя Миша устроился работать на «Ленфильм», где пользовался большим успехом у женщин. Вслух критиковал все и всех, удивлялся, возмущался, все ему не нравилось, – и сел в тюрьму.

Дедушка ездил в Архангельскую тюрьму, где сидел дядя Миша. В окошечко дедушке коротко сказали, как пролаяли, что его сын умер, и окошечко захлопнулось.

На дедушку не так произвело впечатление сообщение о смерти сына, к которому он был готов, как с треском захлопнувшееся перед его носом окошечко…

Второй сын – Александр Маркович, он же Соломон Абрамович (по множественным дедушкиным еврейским именам).

Третий сын – Тимофей Маркович (дядя Кима).

Четвертым ребенком была моя мама, Евгения Марковна Геллер.

Шура и Женя были очень музыкальны, их обучали музыке. Шуру – игре на скрипке, Женю – на пианино.

Во время белогвардейского мятежа в Верном у бабушке на квартире жил Дмитрий Фурманов* с красавицей женой. Тимофей (дядя Кима) очень горячо реагировал на все революционные страсти, горевшие вокруг Фурманова. Он ходил перепоясанный портупеей, при револьвере. Моя мама рассказывала, что Фурманов был необыкновенным человеком. Он очень хорошо относился ко всей их семье и, видя, какие талантливые к музыке Шура и Женя, написал записку в Ленинградскую консерваторию, чтобы их обоих приняли.

Дядя Шура в пути заболел малярией, попал в больницу и каким-то образом очутился в Ташкенте, застрял здесь, встретил красивую девушку, женился. Вместе они окончили медицинский факультет университета, стали врачами. Дядя Шура сначала преподавал анатомию в организованном к тому времени мединституте, он стал хирургом. Прекрасно говорил на узбекском языке и даже какое-то время преподавал на нем. Защитил диссертацию по номе. Нома – это осложнение кори, которая тогда была очень распространена в Узбекистане. Это когда от гангрены у

* *Дмитрий Фурманов* (1891–1926) – советский писатель-прозаик, революционер, военный и политический деятель. Наибольшую известность из литературного наследия Фурманова получил роман «Чапаев». (Здесь и далее – прим. ВС.)

детей вываливалась целая щека, образовывалась огромная страшная дыра-язва. Дядя Шура оперировал таких детей, делал им пластику. Потом он увлекся пластическими операциями носа. У него было много фотографий людей до и после операции.

Во время Великой Отечественной войны он был главным хирургом Белорусского фронта и в качестве такового добился свидания в тюрьме не то в Омске, не то в Челябинске с братом Тимофеем. Свидание не хотели разрешить из-за несовпадения отчеств у двух братьев. Один – «Маркович», другой – «Абрамович». Объяснение причины разных отчеств не вызвало доверия. Но свидание разрешили и когда стали свидетелями их встречи – убедились и поверили.

После войны дядя Шура защитил докторскую диссертацию и стал профессором в ТашМИ. В этой должности он находился до самой смерти. Он был знаком, и даже больше чем знаком, с легендарным хирургом-архиепископом Войно-Ясенецким.

Третий сын – Тимофей Маркович Геллер (дядя Кима), с рекомендацией Фурманова поехал учиться в Ленинград в политехнический институт, окончил механический факультет, направили в Горький (Нижний Новгород) на автозавод. Он был любимцем Серго Орджоникидзе, Серго командировал его к Форду в Америку. Вернувшись, Тимофей наладил работу по серийному изготовлению колес. До этого колеса делались под руководством американских спецов за валюту. Был награжден орденом Ленина за № 9. В 1937-м арестован, прошел все круги ада. В Омской тюрьме сидел в одной камере с авиаконструктором Туполевым, затем оказался в «шарашке» Туполева в Москве. Тимофей Геллер стал учителем Сергея Королёва по внедрению серийного производства в авиапром во время войны. Последнее подтверждает Ярослав Голованов в «Катастрофе (из хроники “Королёв”)», напечатанной в февральском номере журнала «Знамя» за 1990 год. В «шарашке» Королёв называл Тимофея не иначе как Тимоша.

Впоследствии Тимофей Геллер был реабилитирован, умер в Москве в середине восьмидесятых.

Четвертый сын – Рува (Рувим Маркович). Окончил ленинградский политехнический институт, куда ему помог поступить мой папа, будучи директором этого института. Благодаря папе ему дали место в общежитии, тогда это тоже было проблемой. Он стал инженером-ирригатором (впоследствии был одним из руководителей проекта строительства в Узбекистане Тахиаташской ГЭС на Амударье, действующей поныне). Жил и умер в Ташкенте. Всю войну прошел в инженерных саперных войсках офицером. Никогда не видел своего дедушку, не знал его, а на фронте вдруг увидел его во сне. Пришел его дедушка и сказал ему, чтобы он ни в коем случае не шел на операцию разминирования вот таким-то путем. Иди только вот таким путем. Рува проснулся в ужасе, так как он предполагал осуществить свои саперные мероприятия именно таким путем, от которого его предостерег во сне дедушка. Что делать? Может, не следовать указаниям дедушки и дурацкому сну? И все же Рува решил послушаться – и только потому остался жив тогда…

Самый младший сын, Лёва, погиб на фронте. Была у нас его фронтовая фотография, на которой он написал: «Надерем фашистам ж..у!». Где он погиб, неизвестно. Он был совсем молодым, семьи у него не было.

Моя мама, Евгения Марковна Геллер, родилась в Ташкенте в 1906 году. В 20-х годах, как я уже говорила, по записке Фурманова была принята в Ленинградскую консерваторию по классу фортепиано, которую и окончила. Училась она вместе с Павлом Серебряковым, известным впоследствии всему миру пианистом.

Отец

В ленинградском политехническом институте в общежитии жил студент, мой будущий папа – Исор Моисеевич Могильницкий. С ним вместе учился и жил дядя Кима, мамин брат. Он и познакомил маму с папой. Они поженились в 1926 году. Мама поехала в Алма-Ату к родителям рожать меня. Я родилась недоношенным, семимесячным, сморщенным, как печеное яблоко, заморышем. Когда дедушка пришел в роддом забирать меня с мамой, я ему очень не понравилась. «Червак», – сказал он. Я действительно была похожа на червяка, истошно оравшего и изводившего всех. Но стала самой любимой внучкой у дедушки с бабушкой.

Через некоторое время мама поступила на работу тапером в кинотеатр. Кино тогда было немое. Под экраном сидела пианистка и аккомпанировала, импровизируя по ходу действия в фильме.

Один раз на экране шел эпизод – похороны лошади белогвардейца. Мама не разобралась, что там наверху, над ее головой, происходит на экране, стала играть мелодию, любимую вождями революции: «Вы жертвою пали в борьбе роковой…». Были большие неприятности, но, к счастью, обошлось без последствий.

В то бурное время мама (да и все общество) считала, что музыка, пианино, ее роскошная длинная коса, нормальное платье – это буржуазные пережитки, мещанство. Поэтому она бросила музыку, поступила в 1930 году в ленинградский историко-лингвистический институт на историческое отделение, отрезала косу, надела рубашку-косоворотку, красную косынку на голову и вместе с папой завертелась в водовороте событий тех лет, участвуя в папиной общественной деятельности, пела революционные песни, – все тогда в Ленинграде кипело.

Папа родился в Дорогобуже Смоленской области в январе 1902 года в семье сапожника. Уже в школе примкнул к революции, был членом общественных организаций уездного города. Стал секретарем Исполкома Уездного Совета. По окончании школы, в 1919 году, был направлен секретарем УКОМа РКП(б)* Ильенко (впоследствии писателем) в качестве инструктора-организатора гарнизонного политического отдела. Проводил агитационную работу в воинских частях, отправлявшихся на фронт.

В 1920 году политуправлением Реввоенсовета республики командирован на учебу в ленинградский политехнический институт, в том же году был принят в компартию и мобилизован в коммунистический отряд особого назначения (ЧОН) для подавления кронштадского мятежа. В 1922 году избран депутатом Петросовета, а в 1923-м, еще будучи студентом, избран, впервые в истории института,

* Уездный комитет Российской Коммунистической партии (большевиков).

членом президиума и секретарем инженерно-строительного факультета, несмотря на большое сопротивление профессуры, считавшей, что на эту работу должны выбираться только профессора. Старая профессура требовала автономии высшей школы и невмешательства Советской власти в ее жизнь. Они не хотели мириться с присутствием в деканате студента-коммуниста, который активно участвовал в политической борьбе. Некоторые профессора были из дворян, из князей. Профессура была высокообразованная, но многие отказывались читать лекции и давать знания студентам из народа. Могильницкий получил задание – привлечь наиболее влиятельных профессоров и преподавателей на сторону советской власти.

Папа пошел по квартирам профессоров. Беседовал, разъяснял, рассказывал, убеждал. Он вызывал к себе глубокое уважение. Профессора возвращались в институт.

В 1932 году в Ленинграде родилась моя сестренка, которую в честь дочери дяди Миши назвали Тамирочкой. В отличие от меня, «червяка», это был пупс: толстенькая, с перетяжечками на ножках и ручках, очень симпатичная девочка.

В этом же 1932 году студенты, профессора, преподаватели единогласно избрали папу директором Ленинградского гидротехнического института (как он тогда назывался). Приказ о его назначении был подписан наркомом тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе.

Ленинград

Жили мы в Ленинграде сначала недалеко от института в Яшумовом переулке, потом это стала улица им. Яшумова, на втором этаже двухэтажного деревянного дома. У нас была одна большая комната и кухня. В комнате в углу стояла круглая печка, топившаяся дровами.

Когда мама была в роддоме с Тамирой, я оставалась на попечении папы. Все это время папа кормил меня три раза в день куриными котлетами, которые делал сам, наверное, считая, что это самое деликатесное питание. Он очень старался. Стоило ему выйти из комнаты, как я мигом выбрасывала из тарелки часть еды за печку. Папа заходил в комнату, видел, что еда в тарелке уменьшается – значит я ем, и был очень доволен. Он долго не замечал моих махинаций, но однажды он очень быстро вернулся из кухни, а я непредусмотрительно выкинула за печку сразу всю порцию, и папа, увидев опустевшую за несколько секунд тарелку, спросил меня, и я тут же простосердечно рассказала ему о моей хитрой методике. Он увидел за печкой склад из котлет...

Хоть бы папа рассердился, хоть бы что-нибудь мне сказал в осуждение, поругал бы... Он молча посмотрел на меня, на его лице было детское недоумение, и на меня это произвело неизгладимое впечатление на всю жизнь. Папа был благороднейшим, мягким человеком.

Через дорогу от нашего дома рос густой сосновый лес, там между деревьями висел гамак. Я целыми днями гуляла там совершенно одна, играла в куклы, ката-

лась в гамаке. Не было никаких страхов, никто никого не обижал, никто из взрослых меня не пас. После войны и блокады леса этого не стало. Этот район застроили одинаковыми стандартными домами, как в кинофильме Эльдара Рязанова «С легким паром!». Потом папе дали квартиру в профессорском доме на территории института в Сосновке.

Мы поселились в трехкомнатной квартире на четвертом этаже. Квартира была хорошо отремонтирована, на стенах красивые обои с орнаментом шоколадного цвета. Мебель казенная, простая. У нас появилась домработница, немка Тереза, с пышной копной кудрявых волос. В любое время года она ходила с непокрытой головой. Все домашнее хозяйство было в ее руках.

Мама училась в аспирантуре, папа приходил домой поздно. Тереза очень любила делать крахмал из картошки. На столе, на полу, на табуретках в кухне вечно стояли ведра, кастрюли, емкости, в которых творился крахмал. Для чего его столько надо было ей, не знаю. Потом появилась миссис Нельсон, настоящая живая пожилая англичанка из Лондона, приехавшая к дочери в Ленинград. В нашем доме организовали группу из маленьких дошколят, человек пять, с которыми она целыми днями возилась. Общалась с нами только на английском языке, русский она почти не знала. Мы играли в лото, она показывала нам яркие картинки из детских английских книжек, читала. Особенно запомнились картинки с американскими горками...

Миссис Нельсон гуляла с нами в окружающем сосновом лесу, мы катались на санках, она все комментировала. На пасху родители угощали ее куличами и творожной пасхой, которыми она делилась с нами. Во время репрессий в Ленинграде миссис Нельсон, конечно, была арестована и, конечно, как английская шпионка.

Однажды на чердаке над нашей квартирой произошел пожар. Чердак был большой. Там на веревках сушилось белье. Зимой оно вымерзало и вкусно пахло морозом, когда его заносили домой. Трубочисты чистили трубы на чердаке соломой, и там кто-то из них закурил. Солома загорелась. Нам постучали в дверь и сказали, что надо спуститься вниз, так как над нами пожар. Мы быстренько спустились по лестнице подъезда на улицу, где увидели пожарные машины, много людей. К нашему кухонному окну была уже пристроена пожарная лестница, и из квартиры на эту лестницу вылезает папа. Он буквально взлетел по пожарной лестнице за те считанные минуты, пока мы спускались вниз. А на аллее мы увидели неспешно идущего нам навстречу барского вида человека, в пальто с шалевым меховым воротником. Это был берлинский дядя Миша.

Заболевшую скарлатиной маленькую Тамирочку изолировали в отдельной комнате. Еду им подавали через сделанное в двери окошечко.

Иногда мама приносила из студенческой столовой политехнического института в судочках обеды из трех блюд. На третье часто было мороженое. Стоило это очень дешево.

Однажды папа пришел с работы раньше обычного, бледный, расстроенный, и прямо в дверях сказал: «Убили Кирова». Это было первого декабря 1934 года. Очень быстро папа был «командирован», а на самом деле в 24 часа выслан из Ленинграда в Ташкент. Провожали его на вокзале только мама и его брат. Многие студенты,

преподаватели, друзья хотели провожать папу на вокзале, но папа категорически просил их этого не делать, чтобы не навлечь на них неприятности. Уехал он один, налегке. Мама должна была закончить аспирантуру.

Ташкент

Секретарь Октябрьского райкома партии в своем кабинете отобрал у папы партбилет и положил его в ящик своего стола, заявив, что папа исключается из партии, как участник троцкистко-зиновьевской оппозиции.

Окончив аспирантуру, мама со мной и Тамирой, так же как и папа, налегке, так как брать нам было нечего, – мебель казенная, вещей было минимальное количество, – поехали в Ташкент.

Мы поселились в частном доме в районе Паркентского базара, принадлежавшем бывшему ученику папы в политехническом институте. У хозяев был большой фруктовый сад. Деревья росли строгими солдатскими рядами. Я в одиночестве вышагивала между этими деревьями, что-то себе воображая, и пела Интернационал и «Вы жертвою пали в борьбе роковой». На крыше дома сушились в огромном количестве фрукты. С нас не брали никакой платы. Мы пользовались полной свободой.

Однажды моя мама увидела у входа на Алайский базар нищенку, молча просившую подаяние. Маму поразило ее красивое интеллигентное, аристократическое лицо. Средних лет, с синими-синими глазами, с большим узлом совершенно седых волос на затылке... Мама спросила, кто она: «Вы явно интеллигентный человек, как вы оказались здесь?». Женщина доверчиво сообщила, что она жена расстрелянного белого офицера, что ее дочь живет в детдоме, а она бездомная. Мама сразу же предложила ей пойти жить к нам. С базара она вернулась с этой женщиной и поселила ее со всеми нами в одной комнате. Звали ее Васильевна. Она прожила в нашей семье до 42-го года. Очень редко она навещала свою дочь в детдоме. Изумительная кулинарка, она готовила из ничего вкуснейшие блюда со сверхъестественными названиями.

Папа в это время работал прорабом на строительстве Дома специалистов по улице 9-го января, рядом с Беш-Агачем. Когда закончилось строительство, мы получили в этом доме квартиру из трех комнат, с двумя балконами. Это был аналог «Дома на набережной» в Москве. Его и сейчас так называют. Жили в нем все знаменитости Узбекистана – писатели, артисты, ученые, врачи. В гости к бубнисту Усто-Алиму (такого чуда на свете больше никогда не будет) приходили Тамара Ханум, Халима Насырова, Мукаррам Тургунбаева, известные теперь всему миру. С его дочерью Халимой я училась в одном классе, и мы очень дружили. После возвращения с декады узбекского искусства в Москве жители всего дома и прилегающих улиц вышли встречать кортеж из бесконечного количества открытых автомобилей, в которых стоя, с распростертыми в приветствии руками, въезжали в наш двор участники этих гастролей, на груди у них красовались ордена. Ковровые дорожки на земле на всем пути следования артистов, море цветов, восторги, гром музыки,

аплодисменты, счастливые лица. А потом – аресты и гибель многих из этих героев...

В соседней с нами квартире жил директор театра имени Хамзы – Кариев, с женой, актрисой Максумой. Их два сына, Шавкат и Батыр, учились со мной в школе, мы дружили. Отец погиб в ГУЛАГе, ребята погибли на фронте, Максума сошла с ума.

В 4-комнатной квартире жил знаменитейший ученый, профессор, академик с мировым именем – Пулат Салиев. Красавец с седой гривой волос. Он знал много европейских и восточных языков. В его огромной домашней библиотеке хранились средневековые манускрипты, написанные на староузбекском, арабском и языке фарси. Он перевел Коран с арабского на узбекский язык. В 1937 году его арестовали, он погиб. Книги при аресте бесследно исчезли. Его жена и четверо детей остались без средств. С его дочерью, моей ровесницей Фаридой, мы были близкими подругами, его сын Санджар учился со мной в одном классе. Талантливый, всегда голодный, кое-как одетый… Он погиб на фронте. Старшая дочь Роза – студентка индустриального института (теперь Политехнический университет), впоследствии стала профессором в этом же институте. Она рано умерла.

Когда в Ташкент приезжали высокие делегации – Шастри и другие ученые-иностранцы, они изъявляли желание возложить цветы на могилу Салиева. Им говорили, что могила не в Ташкенте, что он умер где-то в пути.

Около двух лет назад мы с мужем продавали на барахолке книги и журналы. К нам подошел покупатель, интересовавшийся Востоком. Оказалось, что это доктор исторических наук Германов, заведует отделом историографии, источниковедения и археографии Института истории Академии наук Узбекистана. Его докторская диссертация посвящена историкам Узбекистана в период сталинщины. Он приходил к нам домой. Имея доступ к архивам КГБ, он знакомился с делом Салиева и попутно – со всеми следственными маршрутами, протоколами допросов, касавшимися и моей мамы, работавшей в УзГУ, папы, наших близких, знакомых, соседей. Он сообщил Фариде, дочери Пулата Маджидовича и моей давней подруге, что я живу в Ташкенте. Она мне позвонила. Я была у нее в гостях, вспоминали детство, наших родителей… Как моя мама опекала старшую сестру Фариды Розу, которая делилась с ней всеми своими переживаниями. Как заступалась за Санджара, которого домоуправ во дворе дергал за уши, крича, что он сын врага народа…

Фарида стала востоковедом. Сейчас она старая, больная. Живет с сыном и его семьей. Сноха ее, красивая, образованная, интеллигентная женщина, – внучка узбекского писателя Ойбека. Квартира – «хрущоба» из трех комнатушек…

Рядом с нашим Домом специалистов протекала речка. Все дети нашего дома и всей округи большую часть дня плавали, купались до посинения. Я с маленькой Тамирой умудрилась чуть не утонуть в ней.

Папу несколько раз забирали в НКВД. Приходили один, иногда два человека в штатском и уводили его. Это было днем, так как папа стал безработным. Наутро папа возвращался домой. Его допрашивали следователи на предмет его антисоветской деятельности. Попался один порядочный следователь, сказавший папе: «Вы честный человек и ни в чем не виноваты, боритесь!». Тем не менее папу никуда не брали на работу, маме же пришлось уйти из университета. Она стала учительни-

цей в моей школе № 80 им. Свердлова, около Воскресенского базара, сейчас на его месте гостиница «Ташкент»*. Преподавала мама «сталинскую конституцию». Папа написал жалобу в Москву Ворошилову, что ему не дают работать и он не может содержать малолетних детей. Копия этого письма и ответ на него лежали на шкафу в комнате, и я эти письма читала сама. В письме из канцелярии Ворошилова значилось: «Прекратить травлю Могильницкого И.М.». В результате папе предоставили работу в Бухаре.

Рабочим местом для него стала «Башня смерти» эмира бухарского, с которой сбрасывали его неверных жен и врагов**. Папа целыми днями на этой верхотуре занимался топографией местности. Из-за невыносимой жары у него начались страшные поносы. Пришлось оставить эту работу, вернуться в Ташкент. В это время началось строительство ГЭС на реке Чирчик. Начальником строительства был Кандалов, хорошо знавший папу по Ленинграду. Он взял его к себе прорабом. Чирчикскую ГЭС строили на пустом месте. Земля, небо. Жара, палатки, самодельный вагончик. Папа жил там – мы в Ташкенте.

Началась травля мамы. Появились статьи в газетах, что такой важный политический предмет, «Сталинскую Конституцию», преподает жена врага народа – Геллер-Могильницкая Евгения Марковна. Начались визиты в школу каких-то странных комиссий. От мамы требовали провести повторный урок в классе, в котором она этот урок только что провела, и повторить дословно все, что она говорила этим же ученикам 45 минут назад. Однажды мама в учительской разрыдалась…

В это время в Восточном Казахстане, в городе Усть-Каменогорске, начали строить электростанцию на реке Иртыш. Директором строительства был знаменитый гидростроитель Инюшин, который и пригласил папу на работу. Так как в Бухаре из-за жаркого климата его здоровье ухудшилось, папа поехал в Усть-Каменогорск.

Усть-Каменогорск

Летом 1941 года мама меня и Тамиру отвезла к папе в Усть-Каменогорск. Поезд ехал четверо суток. В составе был специальный один вагон, в который нужно было перебежать на станции Локоть, где поезд стоял всего три минуты. Этот вагон откуда-то прицепляли, куда-то перецепляли. Пересадку в этот вагон нужно было осуществить бегом, высунув язык.

Приезжал поезд на станцию Защита в тридцати километрах от города. Станция Защита и город Усть-Каменогорск были построены еще при Петре Первом. На берегу Иртыша была выстроена большая и достаточно красивая военная крепость, которая при советской власти использовалась как тюрьма. Улицы города был широкие, параллельные, как на шахматной доске. Город весь в зелени, садах, огородах. На тротуарах и дорогах росла трава, проходили колеи от колес телег, гуляли утки, гуси, куры. Город был чистенький. Одноэтажные домики, маленькие деревянные,

* Ныне – Lotte City Hotel Tashkent Palace.

** Имеется в виду минарет Калян; то, что он служил местом казни, основано большей частью на легендах.

редко попадались кирпичные дома. Берег Иртыша был огорожен высоким земляным валом, защищающим город от наводнений. Папа снимал комнатку в частном домике у двух пожилых хозяев. Расположен домик был рядом с Иртышем. У хозяев была корова, которую мы, дети, с удовольствием отгоняли рано утром в стадо пастись и встречали вечером. Топили печи зимой кизяком – большими «кирпичами» из коровьего навоза. Мы с Тамирой активно участвовали в их изготовлении. Кучу навоза нужно было топтать босыми ногами. Навоз немного смачивался водой, туда подмешивали солому. Эту кашу надо было хорошо перемешать многочасовым топтанием, превращающим ее в гомогенную массу. Куча была большая, до колен. Затем этим «продуктом» плотно набивали деревянные формы-рамки, размером с большой кирпич, и складывали во дворе сушить. Высохшие вытряхивались из формы и складывались штабелями в сарай. Это были «дрова» на зиму.

С новыми друзьями, местными ребятами, мы целый день проводили на Иртыше. Папа был на работе. Проголодавшись, мы забегали «домой», где хозяйка всегда хорошо нас кормила. Вода в Иртыше была чистая, мягкая, голову можно было мыть без мыла. Волосы после мытья этой водой от чистоты аж скрипели. Однажды мы, несколько ребятишек, уселись в беспризорную лодку с испорченными веслами, поплыли вдоль берега, очень быстро уронили тяжелые весла, и течением понесло нашу лодку к середине реки и вниз к городу Семипалатинску. По валу бежали оставшиеся испуганные дети, в их числе Тамирочка. Они махали руками, что-то кричали. Мы начали изо всех сил грести руками и чудом приблизились к берегу, далеко от начала нашего путешествия, испытав жуткий страх.

Перед приездом из Ташкента к папе у нас произошло ЧП. Мама, завязывая бант на голове Тамире, идущей на день рождения к подружке, ужаснулась, увидев большую плешь. В то время среди детей очень было распространено грибковое заболевание – парша. Заражались от кошек, друг от друга и бог знает как еще. Тамиру обрили, голову облучали рентгеном. Получился ожог, который обильно смазывался крепким йодом. Тамира дико орала. И вот с такой головой, с эдакой болезнью мы и приехали к папе. По вечерам папа проводил сам своему ребенку эту экзекуцию. После окончания такого мучительного лечения, когда начали пробиваться новые волосики, медсестра ежедневно производила эпиляцию этих волосиков, специальным пинцетом выдергивая каждый новый волосок, чтобы снова не возник грибок, который мог где-то глубоко запрятаться. Это было сплошное мучение. Впоследствии у Тамирочки отросли новые волосы, но они были очень тонкие, мягкие как пух.

Так мы пробыли в этом тихом, спокойном, уютном городке-деревне до 22 июня 1941 года.

Утром 22 июня 1941 года мы услышали о начале войны. «Оптимист» папа категорически заявил, что ничего страшного нет, через неделю война кончится, мы немцев разобьем. А война пошла-поехала…

Мама забомбила папу телеграммами, чтобы немедленно меня с Тамирой доставили в Ташкент домой. Сначала нас вез папин сотрудник по фамилии Цуркан, пароходом по Иртышу до Семипалатинска, а дальше, поездом, другой чудный человек – Николай Иванович Кузнецов.

Ташкент

До войны и тем более во время войны моей учебой в школе родители не занимались. Я полностью была предоставлена самой себе. Никто не контролировал мои уроки, подготовку к экзаменам, даже не знали, какие у меня отметки. Я просыпалась сама, рано, по первому заводскому гудку, который гудел на весь Ташкент. Домашние крепко спали, я потихоньку захлопывала дверь и по пустым темным улицам, одна, шла в школу. Прилежанием в учебе я не отличалась.

У нас с Тамирой была отдельная комната. Посредине стоял большой стол. Приходили четыре-пять моих одноклассниц, и мы вечно часами переписывали заново уже почти исписанные, законченные тетради перед очередной сдачей их на проверку учителем. Это касалось всех предметов. Благодаря такому сизифову труду, до судорог в руке, наверно, что-то и осталось в памяти. Отметки были приличные. К экзаменам мы готовились почему-то на Ташминском кладбище*. Брали с собой еду, подстилки, устраивались в тени деревьев и скопом учили ответы на билеты. Такая подготовка была очень непродуктивна, занимала много времени и давала мало толку. Усталая, с пустой головой, я возвращалась домой, но экзамены сдавала без особых проблем.

Несмотря на все страдания нашей семьи и вечный страх, связанный с преследованиями, – родители устраивали нам шикарнейшие новогодние елки. Несколько елок объединяли и сооружали одну большую, до потолка, пышную душистую красавицу. Все соседи конкурировали, у кого елка будет красивее. Приглашались дети нашего дома, их родители. Однажды из-за того, что на елках зажигались свечки (электрические лампочки тогда не использовались), загорелась вата на елке. Поднялся страшный переполох среди множества гостей, и только папа спокойно набросил одеяло на горящую елку и сразу потушил пожар.

Мама пыталась учить меня музыке, нанимала учительницу из консерватории, которая приходила к нам домой. Мне же медведь наступил на ухо – ни слуха, ни желания не было, и ничего из этого не получилось. А у Тамирочки был божий музыкальный дар. Она на слух подбирала любую, даже классическую мелодию, хотя и не училась музыке.

Приехав из Усть-Каменогорска, мы стали жить втроем – мама, я и Тамира. Вскоре из Ленинграда эвакуировалась к нам моя бабушка. Дедушка отказался, так как там где-то близко на фронте был дядя Рува, который иногда навещал его. Когда наступил блокадный голод, Рува каким-то образом принес дедушке немного крупы, и они на дровах из мебели сварили кашу, но есть не смогли, так как дедушка по ошибке посолил ее нафталином...

В Ташкент эвакуировался «Мосфильм». Домком объявил, что, кто хочет, может выбрать себе постояльцев с «Мосфильма», а «неразобранными» будут уплотнять административно. Мама «выбрала» семью Михаила Ильича Ромма**. Сам Ромм то уезжал в Москву, то на несколько дней приезжал. Жена его – Елена Александров-

* Вероятно, на Боткинском кладбище, находившемся недалеко от ТашМИ – Ташкентского медицинского института (ныне – Ташкентская медицинская академия).

** *Михаил Ромм* (1901–1971) – известный режиссер театра и кино, сценарист.

на Кузьмина (Лёля, Лёлька), ее дочь от брака с режиссером Барнетом – Наташа (ровесница Тамиры) и их домашняя работница Саша (Санька) поселились в двух комнатах. Мы разместились в одной. Из нашей мебели она попросила оставить им пианино. За один полдень следующего дня Лёля вдвоем с Санькой полностью оборудовали две комнаты мебелью, шторами, коврами, посудой, купив все это в магазинах города, и местные «тащишки»* одно за другим все это притащили на себе. Мама с бабушкой были поражены. Нам бы понадобилась вся жизнь, чтобы все это приобрести, а они управились за несколько часов.

Мама ночами готовилась к занятиям, писала конспекты, читала специальную литературу, а за стеной в салоне Кузьминой шла веселая, легкая жизнь. Образ их жизни и возможности являли резкий контраст со скромной, серой, прозаичной, будничной трудовой нашей жизнью. Кузьмина была очень интересная, улыбчивая, с прекрасной фигурой, с большим вкусом одевавшаяся женщина. Она была хлебосольна. Гости с раннего утра и до глубокой ночи, застолья, общение с самыми знаменитыми людьми из актерской среды. Постоянным гостем была Раневская. Комплименты, восхищение. Гостей Кузьмина принимала в домашних роскошных халатах. Ромм, несмотря на его длинный клювообразный нос крючком, был красив. Высокий, стройный, подтянутый, интеллигентный, элегантный, мужественный, жизнерадостный, весь искрящийся. Он говорил маме, что у меня очень фотогеничное лицо, он мог бы из меня сделать киноактрису. Мама же заявляла бабушке, что не собирается делать из меня проститутку. Лёльку, которую безумно любил Ромм и снимал во всех своих картинах, мама считала бездарностью. Мама говорила, что она статичная, что она не актриса, а жена великого режиссера. В Ташкенте в парке, на открытой площадке ставили пьесу Островского, ей предложили сыграть «живьем». Она не смогла. А теперь о ней пишут и рассказывают как о чуть ли не великой актрисе кино. Ромм очень любил Наташку, хотел дать ей свою фамилию, но они не захотели и она осталась тоже Кузьминой.

Маму Лёлька держала на расстоянии, она должна была знать свое место. В дружбу с ними мама не лезла, и когда ее приглашали к ним, маме там было скучно, так как она в эту среду явно не вписывалась. Несколько раз я видела красавицу Тату Окуневскую**, приходившую в Дом специалистов, но не к Роммам. Лёлька и другие актрисы, из зависти к ее красоте и таланту, не любили ее.

Когда немцев отогнали от Москвы, Роммы сразу же вернулись в столицу.

В квартире Фариды Салиевой и сгинувшего в ГУЛАГе ее отца поселился режиссер Спешнев с женой, у которой была красивая, обесцвеченная крашеная коса вокруг головы, и малюткой дочкой. Сын жены от предыдущего брака, мой одноклассник, прозванный «Вовка Румба» за вывернутые наружу, как у Чарли Чаплина, ступни, симпатичнейший мальчишка, погиб во время войны.

Из блокадного Ленинграда на носилках вывезли через Ладогу дедушку. Мы все время его караулили, чтобы он не переел после перенесенного голода, так как это было опасно, а его, несмотря на здравый ум, все время мучило желание есть. Все его мысли были сосредоточены только на этом желании. Постепенно это прошло.

---

* Принятое в Ташкенте конца XIX – начала XX века обозначение носильщиков и грузчиков.

** *Татьяна Окуневская* (1914–2002) – известная актриса.

Московские вожди вспомнили про засаженного за решетку врага народа и шпиона Туполева и доставили в столицу. С ним в одной камере сидел другой враг народа и шпион – Геллер (дядя Кима). По просьбе Туполева ему в помощники доставили и дядю Киму. Потом оба сидели в московской «шарашке», а за бабушкой с дедушкой и за семьей дяди Кимы, находившимися в Ташкенте (жена, дочь и сын), прислали самолет и увезли их в Москву. Семье дали квартиру на Смоленской площади, а дедушке с бабушкой – хорошую комнату в коммунальной квартире в большом доме в Филях.

Трудности военного времени, докатившиеся до Ташкента – города хлебного, заставили маму бросить квартиру и выехать с нами в Усть-Каменогорск к папе.

Так вторым заходом мы вновь оказались в этом городе, о котором из всех городов, где приходилось нам жить, у меня сохранились самые лучшие, самые дорогие и теплые воспоминания.

Усть-Каменогорск

Папа снял комнату в деревянном доме, принадлежавшем двум старушкам сестрам, Варваре Никитичне и Александре Никитичне Пушкарёвым. Они занимали среднюю проходную комнату. В третьей жил Александр Федорович Трейеров (Федорыч). Он был сыном расстрелянного семипалатинского губернатора. Внешне похож на Добролюбова, в таких же маленьких очках. Человек-энциклопедия – историк, географ, биолог, врач. Работал на строительстве ИртышГЭСа простым экономистом. Смолоду жил отшельником на правах квартиранта у Пушкарёвых. У него были золотые руки, на нем держался весь дом. В его маленькой комнатушке стояла узкая железная кровать, столярный стол и самодельные стеллажи с книгами. Старшая хозяйка – Варвара, лет восьмидесяти, красивая, седая, интеллигентная, похожая на аристократку. Младшая, Александра, – попроще. Старший брат Пушкарёвых, Петр Никитич, был главным священником в городе*. Высокий, красивый, с большой седой бородой и длинными седыми волосами. Ходил в рясе с крестом. Очень образованный. У сестер появлялся крайне редко.

На небольшом огороде Тамирочке выделили две грядки, где она сама занималась морковкой, свеклой и луком. Поливали водой из колодца. Пользовались водой из Иртыша, которую привозил на лошади в бочке водовоз и на коромысле таскали ведрами младшая Пушкариха и, с большим удовольствием, я, надев в сорокаградусный мороз валенки на босу ногу. Иртыш был рядом. Воду хранили в сенях в двух больших бочках. Печки топили стружкой и дровами, которыми обеспечивали папа и Федорыч, получая их на работе. Окна нашей комнаты были низко расположены и зимой часто наполовину закрывались снежными сугробами. Когда кто-то проходил по дороге, был слышен хруст снега под ногами. Освещение вечером – керосиновая лампа. Окна закрывались ставнями, через которые не проникал свет на улицу, – шла война. Улицы ночью от снега и луны были очень светлыми, будто днем.

* Иерей *Петр Пушкарёв* в 1940-х – начале 1950-х годов служил в Покровском храме Усть-Каменогорска.

Жили голодно. Черный хлеб – как глина-замазка. Летом я, главная «повариха», варила во дворе на стружках «суп». Вода плюс мелко нарезанная свекольная ботва. Чай из сушеной моркови. На работе у папы всем сотрудникам выделили по кусочку земли за городом для огорода. Там сеяли просо и выращивали тыкву. Из проса получали пшено, кашей из которого я наелась на всю жизнь. Тыкву я таскала семь-десять километров в ведрах на коромысле в сопровождении Тамиры, всегда босиком.

Зимой, рано утром, за папой приезжал кучер на лошади с плетеной корзиной-санями (кошовка). Александра Пушкариха, ей было под семьдесят лет, возвещала писклявым голосом: «Мойсеич! Карета подана!». Она очень любила папу и говорила, что «Мойсеич» – от Христа, а «Марковна» (то есть моя мама) – от сатаны. Обе старушки больше любили Тамиру, чем меня, наверное, потому, что она была похожа на папу, а я – на маму.

Я училась в седьмом классе, оказавшись на одной парте с эвакуированной из Эстонии девочкой Иолей Паенсон, ни слова не знавшей по-русски. Зато она свободно владела эстонским, немецким и еврейским языками. Ее старшая сестра Суламифь, прервавшая из-за войны учебу в Тартуском университете, неплохо говорила по-русски и работала у нас в школе учительницей немецкого языка. Иоле наняли репетитора, и она очень быстро, с моей помощью в том числе, освоила русский язык и писала сочинения твердым почерком. Приехав из капиталистической страны, где знали цену образования, в отличие от нас, советских, которых за уши тянули учиться, она училась очень старательно, добросовестно, целеустремленно. Естественно, она и меня дисциплинировала, и мы с ней учились в поте лица, «до потери сознания», не зная ни сна, ни отдыха. Стали круглыми отличницами.

Муж Иолиной сестры – Миша, вернувшийся с фронта с изуродованной рукой, работал кладовщиком на мясокомбинате, и поэтому у них дома всегда был мясной супчик, который доставался и мне. Жили они – Иоля, ее мама, Суламифь и Миша в сенях частного, продуваемого насквозь ветрами дома. Сени были приспособлены под комнату с помощью фанерной перегородки и печки-буржуйки, топившейся круглые сутки. Холод был собачий. В этих сенях мы и учили наши уроки.

Школа имени Якова Ушанова (коммуниста, сожженного белогвардейцами в топке парохода на Иртыше) была из красного кирпича. Уровень преподавателей был очень высоким.

В распутицу мы ходили по непролазной грязи в чунях из тонкой резины, типа высоких галош. В школьной столовой нас кормили один раз в день «затирухой» – вода с мукой в виде супчика, иногда манной водой, а иногда даже пирожком «ухо-горло-нос» черного цвета, с требухой.

Одно время меня замучили ячмени на веках, и папа возил меня в своих санях-кошовке на окраину города, на станцию переливания крови, на аутогемотерапию. Однажды, – еще были морозы, но уже началась распутица, хотя сугробы были еще большие и снег глубокий, – мы увидели двигавшуюся навстречу по проезжей дороге имени коммуниста Ушанова большую черную колонну измученных людей, медленно шагающих по хлюпающим под ногами грязным мокрым колеям. Вокруг колонны шло много солдат с винтовками. Мы съехали на обочину дороги, что-

бы пропустить широкую толпу. Это были люди с совершенно белыми, мертвыми лицами, покрытые с головы до ног черными одеялами, кошмами, платками. Еле бредущая мертвая черная толпа. Когда они прошли, мы двинулись дальше. Папа сказал, что это чеченцы, высланные с Кавказа за предательство наших партизан, воевавших с фашистами и скрывавшихся в горах.

Родители дружили с двумя кремлевскими врачами и их семьями, высланными как «отравители Горького». Один – Левкович, другой, фамилии не помню, был армянин. Пожилые люди, врачи высокой квалификации. Левкович лечил Тамирочку от желтухи – покоем и диетой. Тогда, видимо, были другие вирусы, и не было тогда ужаса летального исхода...

Со временем папе на работе выделили квартиру с двориком, огородом. Мы только делали, что пилили на козлах дрова, потом папа их колол. Попробовали завести поросенка, – он сдох, так как мы его неправильно кормили.

Мама работала учительницей, а мы, дети, радовались жизни, несмотря на мрачное военное лихолетье. Не пропускали ни одного спектакля в драмтеатре, где играли великолепные артисты и собирался весь цвет городского общества. Большую радость доставило весеннее наводнение от разлившегося Иртыша. Мы на крыше дома готовились к экзаменам, вокруг нас плавали лодки с людьми, нам было весело.

Шла страшная война. Мы с Иолей закончили школу с золотыми медалями. Был радостный выпускной вечер. Мы с Иолей решили поступать в Алма-Атинский медицинский институт. В школе нам выдали аттестаты об отличном окончании. Фирменных бланков во время войны не было. На фотобумаге, каллиграфическим почерком, тушью, папа написал аттестаты, отвез их в Алма-Ату, сдал в приемную комиссию, и нас зачислили в Казахский медицинский институт имени Молотова на лечебный факультет.

Алма-Ата

Папа перевелся в Алма-Ату на строительство каскада электростанций на горной реке Алматинке. Ему выделили саманную хатку на окраине города недалеко от моего института.

Стояла хатка далеко на отшибе. Маленькие окошечки чуть не у земли. Две комнатушки, кухонька, крылечко, далековато на улице деревянная уборушка-скворечник для проживающих в бараках эвакуированных. Иоля жила у нас. Главное здание института было большое. Напротив через дорогу размещались клиники, где со студентами проводились практические занятия, «анатомический театр», или попросту анатомичка. Остальные кафедры были разбросаны по городу. Анатомией мы занимались с удовольствием. Заформалиненные и замороженные, как деревяшки, трупы никакими противными запахами нас не донимали. Зимой мы занимались в теплых пальто, поверх надевались халаты и клеенчатые фартуки, в теплых перчатках-«митенках», с отрезанными пальцами, чтобы можно было

препарировать трупы – нервы, сосуды, мышцы. Сначала нужно было оттаять этот участок тела. Для этого мы приносили из дома много соли и тряпки, привязывали соль, через некоторое время наступало размягчение тканей и можно было скальпелем и пинцетом часами осуществлять свою кропотливую ювелирную работу. Кости мы утаскивали домой в портфелях на ночь, чтобы хорошенько выучить латинские названия каждого бугорка, канальца, отверстия.

Владела анатомичкой сварливая доцентша «Евдоха», насквозь проформалиненная, видимо из-за этого полулысая; курносая, с плоским лицом, в очках. Лодырей заставляла пересдавать зачеты по пятнадцать раз, к тем, кто старался, относилась с уважением.

На лекции по физиологии, патофизиологии, хирургии мы мчались наперегонки городским транспортом, бегом, трусцой в разные концы города, занять места поближе, чтобы лучше видеть и слышать. Читали лекции знаменитые, эвакуированные из разных городов страны корифеи. Слушали мы лекции с открытыми ртами. Преподавание нам биологии совпало с временем борьбы с «вейсманизмомморганизмом» о наследственности. Мы зубрили «учение Лысенко», которое кроме сельского хозяйства вдалбливалось и в медицине. Практические занятия по гинекологии проходили интересно, в стихах. Механизм нормальных и патологических родов, осложнения, ведение родов ассистентка преподносила в виде хорошо запоминающихся четверостиший, передававшихся студентами из поколения в поколения. Мою толстую тетрадь со стихами на все случаи родов стащили, и я долго горевала.

Ассистентка, например, медленно фланируя по аудитории, окая нараспев, с выражением, страстно-повелительно изрекала правила отношения акушера при нормальных родах к последу («детское место») в послеродовом периоде, после рождения ребенка. «Руки прочь от последа в послеродовом периоде! Он подобен скале среди бурного моря!» – восклицала она с рубящим движением руки. Имелось в виду, что требуется выждать, пока послед родится самостоятельно. Теперь же, не успеет родиться ребенок, как послед насильственно выдавливается акушерами. То ли роды сплошь ненормальные, то ли все куда-то спешат…

При наложении щипцов на головку ребенка использовались специальные инструменты, так называемые ложки, отличающиеся друг от друга своей конструкцией. Ассистентка, окая, пела: «Та ложка, которая вводится первая, – хозяйка! Вторая – квартирантка! (потому что она бродит, ищет место приложения к головке)».

В группе у нас был только один мальчик, Юрка Решетников, остальные девочки. У него были синие глаза, много угрей на лице. Он все время курил, щедро нас, девчонок, угощая папиросами. Мы давились, кашляли, но старались приобщиться. Он был страшно стеснительный. Когда надо было что-нибудь эдакое рассказать, девочки просили Юру выйти. Вызывая его, ассистентка распоряжалась: «Берите куклу и рожайте!». Для этого был специальный фантом женского рода – тряпичная кукла Аркашка. Юрка краснел, страшно смущался и начинал «рожать», делая объяснения. Впоследствии он стал военным врачом, и его стеснительность и стыдливость не помешали ему увести жену с двумя детьми у своего начальника.

Ассистентка предупреждала нас о необходимости не разглашать ее методику.

На госэкзамене по гинекологии, от волнения забыв все на свете, «перевоплотившись» перед большой авторитетной комиссией, я протараторила ответы на все четыре вопроса стихами. Комиссия онемела. На лице ассистентки – выражение страдания. Когда группу вызвали для сообщения результатов экзамена, фамилии назывались по алфавиту, моей – на букву «М» – не оказалось. Я решила, что все пропало. В конце, после значительной паузы, председатель сказал: «Особенно следует отметить замечательные ответы врача (он назвал меня уже врачом) Могильницкой Нинель Исоровны». Последовал общий хохот.

На первый курс к нам прибыл из госпиталя фронтовик Маркусас (у нас на потоке училось много фронтовиков), без правой руки, с культей на уровне верхней трети плеча. Длинный, тощий. В солдатской шинели, в бутсах с обмотками, лет на пятнадцать старше нас, почти не говоривший по-русски. Он подружился с Иолей, знавшей языки. Со временем они поженились, и Иоля переселилась от нас в общежитие, где в вестибюле им отгородили фанерными щитками в рост человека маленькую комнатушку.

У Маркусаса была сложная судьба. Житель Германии, по фамилии Маркузе, по имени Фриц, немец иудейского вероисповедания (так у них писалось), чемпион Берлина по боксу, коммунист. После прихода к власти Гитлера его, в рясе священника, перевели через границу в Данию, откуда во время войны он перебирается в Прибалтику, где обращается к нашему командованию с просьбой использовать его в войне против фашистов.

Ему было рекомендовано сменить фамилию на литовскую и ненавистное имя Фрица. Так он стал Федей Маркусасом. Мы его называли «Мистер». Казалось бы: потерял правую руку, – жизнь для спортсмена остановилась. Но, будучи оптимистом, он быстро справился с русским языком, хотя остался сильный акцент, научился писать левой рукой, красивым, грамотным, твердым почерком. Всегда приветливый, контактный, интеллигентный. И теперь, живя в Берлине, перенеся сложную операцию по пересадке тазобедренного сустава и инфаркт сразу после нее, не превратился в нытика. Вырастив двух детей, они с Иолей растят внуков.

Учась в институте, мы особенно не чувствовали войну, нужды, лишений не было. Жили скромно, без излишеств, получали стипендию, были сыты, обуты. Я не помню нищих, голодных. Был чудесный, зеленый, весь в аллеях деревьев красавец город Алма-Ата с умопомрачительными яблоками, которые при разламывании руками легко трескались и истекали соком.

Учились мы охотно, веселились, ходили на танцы в вестибюле общежития института, зубрили, сдавали экзамены, агитировали население перед выборами. Восторг в связи с окончанием войны в 1945 году был непередаваем. Радость переполняла всех, надежды лились через край.

Папа получил квартиру в центре города, рядом с оперным театром имени Абая, ТЮЗом, главным режиссером в котором была только что выпущенная из тюрьмы знаменитая Наталия Сац, создавшая впоследствии в Москве детский музыкальный театр. Из окна был виден сохранившийся дореволюционный деревянный одноэтажный дом моих бабушки и дедушки, в котором они вырастили шестерых детей и в котором у них квартировал Фурманов. В нем продолжала работать дет-

ская поликлиника. С другой стороны, в ста-двухстах метрах от нашего дома, стояло огромное серое мрачное здание Министерства госбезопасности с внутренней тюрьмой. Наш маленький домик почти со всех сторон окружали четырехэтажки. Он состоял из двух половин. В каждой – две комнаты с круглой печкой, узкой длинной кухней с примусом на столе. Терраска. Скворечник – деревянная уборушка на улице, видная из всех окон окружающих домов, сарайчик для дров.

В другой половине дома проживал с женой и ребенком оперативный работник МГБ Гришин, работавший ночами, всегда прозрачно бледный, хмурый, молчаливый, беспрерывно куривший на терраске. Днем к нему чередой приходили сексоты – доносчики-информаторы, которые между собой никогда не сталкивались. Жены в это время дома не было.

Мебель в квартире была казенная, нашим было только мамино пианино, доставленное из Ташкента. Папин друг – Петр Лисовский, однокашник по политеху в Ленинграде, стал директором Института мозга, где изучался мозг Ленина. Он предложил маме, учившейся в консерватории, выкупить это пианино по доступной цене и в рассрочку. Это замечательное пианино занимало полкомнаты.

Мама работала в Казахском университете старшим преподавателем на кафедре истории, где пользовалась большим уважением. Работала над диссертацией «Фурманов в Казахстане». Получив допуск к архивам, несколько месяцев провела в Москве. Диссертация была готова. Кроме того мама читала лекции в вечернем Университете марксизма-ленинизма, которые должны были посещаться всеми партийными советскими руководителями и военными. Мамины лекции пользовались большим успехом. Она не пользовалась никакими конспектами, говорила импровизируя.

Папа работал в управлении ГЭС, через дорогу от нашего дома на улице Ала-Тау. Тамирочка училась в школе, я – в институте на третьем курсе. Война осталась позади, можно было жить да радоваться.

Но вдруг, как гром среди ясного неба, арестовали начальника строительства ГЭС Байгисиева по обвинению в хищении. Байгисиев окончил Ленинградский политехнический институт, факультет гидростроительства, в бытность папы директором этого института. У нас была большая фотография студентов этого выпуска с директором, профессурой и Байгисиевым в числе выпускников. Уже немолодой казах из простой семьи, прекрасно говоривший по-русски, с высоким природным интеллектом, образованный, жизнерадостный, обаятельный. Он был женат на украинке, у них было пять детей. Он очень любил папу, дружил с ним, и они с женой были частыми нашими гостями.

Началось следствие, фабрикация дела, стали таскать папу, требовать от него подтверждений каких-то неблаговидных действий Байгисиева. Папа же давал только положительные показания, характеризуя его как талантливого честного человека из народа, прекрасного работника. Следователь записывал папины показания и когда дал папе эту запись на подпись, тот, увидев несуразицу, пожелал сам изложить всё сказанное и своей рукой написал все ответы на вопросы следователя и подписался.

Суд над Байгисиевым учинили открытый, в управлении ГЭС, при большом ско-

плении работников. При зачтении письменных показаний свидетелей и, в том числе, показаний Могильницкого, зал замер. Папу на стройке очень уважали, считали высокопорядочным человеком. Были зачитаны сфальсифицированные, порочащие Байгисиева якобы показания папы. Среди полной тишины в зале папа встал и с места возмущенно и категорически заявил, что он таких показаний не давал. Прокурор обвинил папу в клевете на советскую прокуратуру, потребовал, чтобы папа подошел к нему и подтвердил свою собственную подпись под документом. Папа подтвердил, что подпись действительно его, а текст к нему не имеет никакого отношения. Зал взорвался аплодисментами.

Наивный честный папа пришел домой гордый, что он не поступился своей честью, не предал своего ученика. Мама горько заплакала, говоря: «Всё, теперь тебя посадят».

Так и произошло. Вскоре, в 1947 году, перед майскими праздниками, папа задержался в управлении до вечера, готовя документы для московского ГЛАВКа, куда он должен был выехать на следующий день для утверждения в должности главного инженера. Постучавшим в дверь мужчинам, спросившим папу, мама сказала, что он в управлении через дорогу. Через 15-20 минут мы услышали папин голос, он беспечно разговаривал с сопровождавшими его людьми. На стук в дверь мама спросила, проверил ли папа у них документы, так как вдруг это бандиты. Папа, смеясь, сказал, что проверил. В открытую мамой дверь ввалились трое мужчин, стриженных под бокс. Один из них сразу стал орать на маму, что, называя их бандитами, она оскорбляет работников КГБ. Тут же предъявили папе ордер на арест, усадили его на стул к стене. Папа побледнел как полотно и только произнес: «Женя, не волнуйся, это ошибка, все выяснится». Нас усадили напротив. Папа попросил воды. Я налила воду в стакан из графина, стоявшего на столе, протянула его папе, но на меня рявкнули: «Убрать!».

Обыск длился до рассвета. Открутили заднюю стенку пианино, оторвали все картонки с надписями на задней стороне фотографий, перерыли все белье. Перелистывая книги, удивлялись вслух их количеству и дарственным надписям их авторов. Наивная Тамирочка заявила, что не разрешает рыться в ее ящике письменного стола, загородив его. На это рявкнули: «Уберите ее!».

Перекидали в сарайчике дрова, ковырялись в печке и в плите. Естественно, ничего не нашли. Папе приказали снять ремень с брюк и шнурки с ботинок, на что папа сказал, что вешаться он не собирается. Увели его на рассвете. За ним ушли и не вернулись две наши домашние собачки – Данулька и Мишка. Во время всей этой издевательской камарильи в голове была только одна мысль: «Скорей бы все это кончилось, чтобы не видеть этого кошмара».

Так как квартира была казенная, то уже в семь утра явилась ГЭСовская завхозша Кристаллиха, потребовавшая освободить квартиру и переселиться в рабочий барак.

Мама умудрилась в течение дня продать пианино, которое вытаскивали через окно, будто гроб.

В комнатушке барака помещались две узких железных кровати, столик, плита. Полы – прогнившие. Жили в бараке рабочие, бывшая артистка новосибирского

оперного театра, какая-то красивая интеллигентная караимка с дочкой Космеричкой, жена расстрелянного военного, пользовавшая в Москве Валентину Серову, жену Константина Симонова, рассказывавшая особенности ее биографии.

Маму сразу выперли из университета. Она обратилась к секретарю ЦК Шмелькову, хорошо знавшему папу, с просьбой о помощи в устройстве на работу. Он развел руками, сказал, что ничем помочь не может. Остались только две лекции в неделю в вечернем Университете марксизма-ленинизма, не обеспечивающие существования.

Шесть месяцев папа просидел в одиночке. Ежедневно я ходила в МГБ, пытаясь передать ему передачу. Мама боялась, что может лишиться работы и что ее тоже могут посадить, а мне, студентке четвертого курса, вроде не так опасно.

Маленькая комнатка для приема передач была набита битком. К открывшемуся окошечку кидались все ожидающие. Принимали одну передачу, остальные ждали часами. На очередную просьбу принять передачу для арестованного Могильницкого заявлялось: «Звоните начальнику тюрьмы Громову», давался номер телефона. Звоню, Громов говорит: «Перезвоните через десять минут», потом «через пятнадцать», «через двадцать»… потом он не берет трубку. Узаконенный советской властью садизм.

В ожидании очередного открытия окошка я часто сидела на пенечке у двери на улице, наблюдая за выходившими из ворот после работ на территории МГБ пленными немцами. Они были в одинаковых синих комбинезонах, рослые, светлые, откормленные. Строем под конвоем их уводили. Мне было стыдно за мое унижение перед этими людьми, смотревшими на меня. Рядом, на другой улице, пленные японцы тянули кабель.

Папа из-за болезни желудка не мог есть холодную пищу, от которой его рвало. Тюремное начальство обвинило его в объявлении голодовки, что в то время строго каралось. Папа объяснил, в чем дело, – стали давать нехолодную еду. Допросы велись сутками: два следователя сменяли один другого, читали газеты, пили кофе и периодически требовали признания в не совершённых преступлениях. Папа же сидел на прикрученном к полу табурете, перед бьющим в глаза электрическим прожектором. Как только он засыпал и оседал, следовала команда: «Встать – сесть!». Снова и снова. Пытка бессонницей. В 1947 году других физических воздействий к папе не применяли. В одиночку к нему пришла тюремная врачиха, уговаривавшая его признать все обвинения, чтобы не погибнуть и сохранить жизнь. Папа отвечал всем и всегда: «У меня жена, дети, и я, не будучи ни в чем виноватым, не могу запачкать их жизнь, даже ради спасения своей».

Передачи разрешили через шесть месяцев, сообщив об этом по телефону из МГБ в отдел кадров ГЭС. Ах, какая вежливость! Наконец мама не выдержала, расхрабрилась и обратилась к следователю с просьбой о свидании. Их было двое, один из них Цыганков, он учился заочно в университете, и ему предстояла защита диплома. Мама выпросила у него разрешение на свидание с папой, отдав ему для дипломной работы свою диссертацию «Фурманов в Казахстане». Краткое свидание состоялось в его присутствии.

Маму вдруг пригласили читать лекции МГБшникам. Возили ее куда-то далеко

за город в зашторенной машине, странно, что не с завязанными глазами. В пути ее допытывали вопросами, читала ли, знает ли она о завещании Ленина. На ее испуганные отрицания следовал смех и сомнения. Это был тот же садизм, издевательство, так как за это знание тоже сажали.

Однажды не пришла из школы Тамира. Она была комсоргом класса, куратором которого был их любимый учитель математики – «Мося» – как они его называли между собой. Еврей, получавший еврейскую газету, в классе часто допускал критические высказывания. В том числе и о государственном займе. Когда Тамира об этом рассказывала дома, мама охала, говоря, что для него это добром не кончится. Его посадили. В дирекцию школы пришел человек из КГБ и увел Тамиру. Ее допрашивал папин следователь. Тамира отвечала, что никогда на уроках не слышала от Моси антисоветских высказываний. Ее портфель, оставленный на проходной, был тщательно исследован. Только к вечеру, слава Богу, она вернулась домой. В то время немудрено было и ребенку сесть в тюрьму. Что было с нами в этот день – описать невозможно.

Особым совещанием папе припаяли восемь лет по статье 58.

О том, что его отправляют на этап, мама узнала вечером случайно, встретив на улице жену начальника алма-атинского аэропорта, сидевшего за «выдачу государственной тайны». Он не разрешил разгрузить уже загруженный пшеницей самолет ради какого-то партийного босса, пожелавшего отправиться в полет по своим личным делам. У этого начальника аэропорта выкрали какие-то документы из сейфа, и будь здоров – враг народа. В апреле папа ушел в тюрьму раздетым, в рубашечке, а уже наступила зима. Мы схватили, что попало под руку: длинное, до пят, кожаное пальто из американских подарков во время войны, какое-то белье, и помчались в тюрьму. Пропустили только меня в какой-то страшный бетонный пустой полутемный коридор внутренней тюрьмы. Человек, не произнесший ни одного слова, принял мой куль и закрыл за мной гулко хлопнувшую дверь. Так закончился этот этап нашей жизни и ушел папа на свои долгие мучения.

Джезказган

Местом пребывания папы стал город Джезказган Карагандинской области. О страданиях заключенных в сталинских концлагерях написано много и подробно. Голод, изнуряющий труд, унижения, собаки, номера на одежде (СД986 – папин номер), команды лечь на землю в лужи, если конвоирам что-то не понравилось. При неоднократном прохождении медкомиссий в лагере, из за сильной дистрофии ему грозило попасть в инвалидный лагерь, что означало смерть. Папа всегда просил врачей не делать этого. Даже в тех жутких условиях находились люди, помогавшие ему. Так врач, жена какого-то лагерного начальника, укладывала папу в лазарет в трехместную палату смертников, где проводили возможное в тех условиях лечение. Ежедневно с двух соседних коек выносили трупы. О папе в лагере забывали на какое-то время. Когда вспоминали и начиналось беспокойство, почему

он еще живой, врач тут же его выписывала. Так за восемь лет было три раза. Это ему и сохранило жизнь. Папа с благодарностью вспоминал об этом благородном человеке, фамилию которой я, к великому сожалению, не помню.

Когда через несколько лет папу перевели работать в контору, часто утром он обнаруживал в ящике стола кусок хлеба, а иногда даже бутерброд, что его очень поддерживало, не только физически, но и морально. Кто это делал – неизвестно. Папа пережил бунт заключенных в лагере после смерти Сталина. Наконец в 1956 году в лагере объявились какие-то комиссии, пересматривавшие дела политзаключенных, и зимой папу освободили.

Он не знал, куда едет, узнал только в поезде, что едет к нам, в Усть-Каменогорск. С собой у него был деревянный чемоданчик с сапожными инструментами, на случай, если бы его отправили на поселение, чтобы он мог зарабатывать на кусок хлеба сапожным ремеслом. Где-то у него была пересадка. К кассе на вокзале не пробиться, но выпущенных заключенных узнавали. Дежурный по вокзалу произносил громко: «Пропустите сорок три заключения!». Люди расступались, освобождая проход к кассе.

Усть-Каменогорск

Я в это время уже семь лет работала в усть-каменогорской областной больнице хирургом. Папа приехал сам. Бледнющий, кожа да кости, седой, без единого зуба, в тюремной черной стеганой куртке и таких же штанах с заплатами на месте споротых номеров. Ему было пятьдесят четыре года. Восемь лет тюрьмы из жизни вычеркнуты. Выглядел он глубоким стариком.

Когда папу увидели в управлении ИртышГЭС, куда он пришел через несколько дней после освобождения, – его окружили, обнимали, целовали, вместе с ним плакали. Кто-то отдал свою шапку, кто-то принес брюки, валенки. Домой его привезли на машине в новой подаренной одежде, с узлом с тюремной одеждой, которая хранилась у нас еще много лет. Кроме того, ему дали двадцать пять рублей, по тем временам сумма большая. Вскоре он приступил к работе по специальности. Стали мы жить в Усть-Каменогорске. Папа работал на ИртышГЭСе, мама – инспектором в ОблОНО*, я в больнице, и с нами маленький Ванечка – внучек моих родителей и мой племянничек любимый. Как наша семья снова оказалась в Усть-Каменогорске, я расскажу дальше.

В 1949 году я окончила алма-атинский медицинский институт, получив диплом врача-лечебника, и, пройдя трехмесячную специализацию по травматологии, отправилась по назначению в Усть-Каменогорск. Так третий раз судьба послала меня в этот город. С собой я взяла купленный на барахолке огромный фанерный чемодан, совершенно неподъемный из-за набитых в него книг по всем медицинским специальностям. Никаких вещей у меня не было. На станции Локоть я пересела в другой вагон, бегом, хохоча и чертыхаясь из-за моего сундука. Помогали

* Областной отдел народного образования.

несколько пассажиров. Высадились, с горем пополам, на станции Защита. Я наняла извозчика с санями. Было сорок градусов мороза. В течение более чем часовой езды пришлось периодически бежать трусцой за санями, так как моя одежка была «на рыбьем меху». Моя однокашница Маша Решетова со своей мамой ждали меня в снятой ими комнатушке в домике, принадлежавшем родственникам известного генерала Карбышева, погибшего в фашистском концлагере. Спали мы с Машей вдвоем на одной кровати. Злополучный чемодан стоял под кроватью. Когда я его вытаскивала и открывала, из него исходил ледяной холод, от которого, как мне казалось, у меня возникали частые ангины. Приделанный к окошку фанерный лист заменял нам столик. По углам подоконника были привязаны бутылки, куда стекала вода от таявшего льда, когда в комнатушке топилась печка.

На следующий день я отправилась на работу в областную больницу – красное кирпичное двухэтажное здание, в котором до войны была школа, а во время войны – госпиталь. Главврачом была пожилая Валентина Никитична Гапон (Валентинишна), милая, добрая женщина, мало смыслившая в медицине. Близорукая, в очках, говорившая через каждое нормальное слово: «вот, это самое», «знаете, понимаете». Она очень обрадовалась приезду нового молодого специалиста и, недолго думая, немедленно назначила меня на дежурство.

«Скорая» привезла девушку, у которой во время работы на мясокомбинате правая рука попала в большую механическую мясорубку, размозжившую кисть и нижнюю часть предплечья. Я в отделении одна, хоть кричи караул. Пожилая медсестра успокоила меня: «Не волнуйтесь доктор, я вам помогу». Под ее диктовку я произвела первую в своей жизни операцию – ампутацию размозженной части руки и до утра через каждые пять минут подходила и смотрела: жива ли, дышит ли больная, будучи сама ни жива ни мертва.

Работали в больнице молодые первогодки из Москвы, Ленинграда, Киева, без всякого опыта, хотя и был главный хирург области, не вынимавший изо рта трубку с ароматным табаком «Золотое руно», всегда молчавший и ни во что не вмешивающийся. Была завотделением. Был уже седой, опытнейший хирург-фронтовик Игнат Прохорович Будько, безотказный, но всегда пьяный. Пил он чистый спирт, ковшом, в который операционные сестры сливали его из банок со щелоком, и запивал водопроводной водой из крана.

Хирургический опыт приходил постепенно. Учились на ошибках. Мой первый травматологический опыт закончился тем, что молодой высокий парень с двусторонним переломом бедер в средней трети стал на тридцать сантиметров ниже ростом из-за неправильно сросшихся костей. Исправляли потом ортопеды в Алма-Ате.

В те годы в Казахстане среди местного населения было много сифилиса, трахомы, туберкулеза. Эшелоны поездов везли специалистов, медикаменты со всей страны. Врачи работали за грошовую зарплату. Лечили, оперировали. Нам даже в голову не приходили мысли о командировочных деньгах, когда в любое время суток тебя сажали в санитарный самолет, или на трактор с прицепом зимой, или в упряжку на сани и в лютый мороз отправляли на край света для оказания помощи больному человеку. Все происходило на энтузиазме, на любви и интересе к

своей профессии, на чувстве долга и самоуважения. В глуши мы сами на месте решали все проблемы. При крайней необходимости звонили или телеграфировали «молнией» начальству, и за больным, которого невозможно было оперировать на месте, без всяких разговоров присылался санитарный самолет и даже небольшой пассажирский.

Так я доставляла в самолете с летчиком и штурманом маленького пастушка-казаха, у которого была разорвана селезенка от удара в живот копытом лошади. Прилетев уже в сумерки в поселок, где не было электричества, увидев этого обескровленного ребенка, я дозвонилась прямо до аэродромного дежурного в Усть-Каменогорске. На посадочную площадку в степи мы с медсестрой-казашкой везли ребенка в телеге. В самолете я стояла на коленях над носилками с мальчиком, придерживая его тело руками, чтобы его не трясло. От аэродрома в машине скорой помощи, трясущейся по гравийной дороге, в такой же позе я довезла его до больницы, где в операционной уже ждали врач и медсестра. Селезенку удалили. Мальчик выжил, поправился.

Однажды меня отправили в поселок Алексеевку на границе с Китаем. Там якобы пострадали от снежной лавины люди, жившие у подножья гор. Летели около трех часов, и вдруг – тишина: самолет упал в глубокий снег. Я не сразу поняла, в чем дело. Только через три-четыре часа наши пограничники прибыли на лыжах и доставили меня, полузамерзшую, в больницу, куда я была направлена. Выяснилось, что не было никакой снежной лавины, никаких пострадавших, кто-то что-то перепутал. Наутро все население вышло утаптывать посадочную площадку для вызванного на помощь самолета. Люди, по грудь в снегу, шеренгами утаптывали, разгребали руками снег. При этом все были веселы и довольны, особенно школьники, которым не надо было идти в школу. Прилетел самолет с механиком, устранили неисправность и полетели домой. Все это время меня беспокоила только одна мысль, чтобы об аварии не узнала мама. Но мама, гуляя с маленьким Ванечкой, как нарочно, встретила Валентинишну, и та сообщила, что «знаете-понимаете», Неля Исоровна, «это самое, знаете-понимаете», упала с самолетом. Выйдя из самолета в Усть-Каменогорске, я сразу поняла, что мама «поставила на уши» всю местную власть.

Постепенно прибавлялось знаний, опыта. Я уже стала ургентным хирургом*. Меня вызывали в больницу на помощь моим товарищам: из дома, из гостей, из кино, где во время сеанса вдруг раздавалось: «Врача Могильницкую на выход!». Мне это было даже лестно.

Однажды летом за мной пришла машина скорой помощи, переполненная врачами из всех лечебных учреждений города. В коридорах нашей больницы на полу лежали раненые избитые чеченцы, выселенные во время войны с Кавказа. Они проживали на окраине города, в так называемом «Чечен-городке», в саманных домишках, которые сами построили за много лет. Власти не придумали ничего лучше, как прямо напротив, на том же пустыре, внезапно, соорудить «Палат-городок», куда поселили вербованных и власовцев. Они и напали на чеченцев. Орудовали они ломами, лопатами, железяками, устроили побоище. В результате – большое число

* Ургентные (или неотложные) состояния – группа заболеваний, требующих срочного врачебного вмешательства (нередко – хирургического).

раненых чеченцев, были погибшие. Ни один власовец ранен не был. Уже через час зарубежные радиостанции сообщили о происшедшем. Я срочно оперировала юношу с ранением дробью в живот. Дробь, величиной с большую горошину, застряла в мышцах и не пробила брюшину. Страшно довольная собой, я вручила эту дробину матери-чеченке. А дальше вокруг этого вещественного доказательства развернулись какие-то серьезные события, меня затаскали в КГБ. Слава богу, до операции мы сделали рентгеновский снимок, на котором была видна эта дробь, и меня нельзя было обвинить в провокации. Мне было только сделано внушение.

Власовцев срочно куда-то изъяли, и все утихло.

В семидесяти километрах от города, в Уланском районе, мы пытались спасать людей от ожогов. Пожар в степи – полыхает небо от горящей высокой сухой травы (чни), горит степь, стога сена, заготовленного для скота, горят люди, хлещущие лозой по горящей траве, трактористы, пытающиеся ограничить территорию, охваченную пожаром. Сгоревшая кожа рук и ног снималась, как чулки. Многие погибли.

Я работала на нескольких должностях: хирург-ординатор, инспектор Облздрава (изъездила вдоль и поперек весь Восточный Казахстан во все времена года), преподаватель анатомии и хирургии в фельдшерской школе, дежурила в скорой помощи, впоследствии стала замглавврача (у Валентинишны) по лечебной части нашей областной больницы. Для беспартийного человека в то время – это большое доверие и великая честь.

Дирекция фельдшерской школы направляла на мои уроки комиссии для проверки, в связи с тем, что ребята почему-то учили только хирургию и анатомию и плохо учили другие предметы. А я успевала за сорок пять минут объяснить новый материал, почти всех опросить и еще пять-десять минут почитать им «Старика Хоттабыча», доставлявшего большую радость учившимся казахским девочкам и мальчикам.

Так я проработала в Усть-Каменогорске десять лет.

Тамира

Первый год моей работы мама с Тамирой оставались в Алма-Ате в бараке, куда нас переселили после ареста папы. Окончив школу с золотой медалью, Тамира без проблем поступила в железнодорожный институт в Москве, с предоставлением общежития. Мама приехала ко мне в Усть-Каменогорск. Жили мы на малярийной станции, в одной комнате с двумя молодыми врачихами, там же был гельминтологический пункт

Мама стала работать инспектором в ОблОНО. Без конца ездила по области, проверяя работу школ, интернатов, детдомов. Она вынуждена была дома сама топить печку углем, так как я и мои коллеги вечно были заняты своими наиважнейшими проблемами и предпочитали сидеть в холоде, чем пошевелиться и хотя бы по очереди истопить печь.

В институте Тамира познакомилась со студентом из Ташкента – Борисом Малоглазовым. Отец его работал министром госбезопасности при председателе Совета Министров УзССР. Интересный внешне, способный, умелец на все руки, но испорченный номенклатурной средой, Борис решил уйти из транспортного института и сдал приемные экзамены в МВТУ. Однако при прохождении мандатной комиссии принят в институт не был, по причине того, что предполагаемая жена Тамира по национальности еврейка, а ее отец – враг народа, находится в заключении. Высокопоставленный отец, не желающий такого позорного родства, дал из Ташкента команду по своим каналам – не отдавать из приемной комиссии документы и срочно призвать сына в армию. Тамира же, не будучи еще официально расписана со своим мужем, была беременна Ванечкой. Мой мудрый дедушка отправился на прием к ректору МВТУ, рассказал ему все о нашем папе, о нашей семье, о своих сыновьях, объяснил, что Тамира останется одна с ребенком, если Бориса заберут в армию. Ректор все понял, отнесся к дедушке очень доброжелательно и распорядился немедленно вернуть Борису документы.

Я в это время проходила усовершенствование в Ташкенте, в Институте ортопедии и травматологии. По телефону Борис сообщил мне о рождении 4 марта (53-й год) ребенка, которому в честь отца Бориса – Ивана Терентьевича – дали имя Иван.

Я купила торт и пошла отметить это событие к моему дяде Киме, жившему в это время снова в Ташкенте. В связи с начавшейся после войны новой волной арестов, Туполев посоветовал ему покинуть Москву. «Незаконспирированная» коробка с тортом в моих руках очень всполошила дядю Киму, так как это могло быть воспринято как проявление радости по случаю смерти Сталина*.

После окончания первого курса железнодорожного института Тамира с Борисом уехали в Ташкент, где поселились на частной квартире. Тамира поступила на первый курс ТашМИ, а Борис стал чертежником в проектном институте ГПИ-4.

Ваня

Мама из Усть-Каменогорска поехала к нам в Ташкент и четверо суток везла грудного ребенка поездом. В дороге питание, взятое с собой, кончилось, военные в купе охают, каждый старается раздобыть хоть какое-то пропитание малышу. Наконец на станции Защита я встретила маму с кульком в руках. Дома я размочила печенье и досыта накормила грудного ребенка, но от этого у него раздулся барабаном животик. Ваня орет, я в отчаянии зову Хану Самойловну Мартинсон, профессора, читавшую в Америке студентам лекции по детским болезням на английском языке, высланную в Усть-Каменогорск после тюрьмы и работавшую в детской больнице рядовым врачом. Муж ее погиб в лагере. Хана Самойловна сказала, что это ребенок с картины Рембрандта, – такой он был ладненький, – поставила ему хорошую клизму, он ожил.

* Сталин умер 5 марта 1953 года.

И пошла наша жизнь «с песнями и плясками» вокруг Ванечки. Он бесконечно подхватывал самые тяжелые болезни, предпочитая, в основном, кишечные. То токсическую дизентерию с отравлением, с галлюцинациями от применявшегося в то время синтомицина (левомицетина тогда еще не было), то желтуху в комбинации с брюшным тифом, с печеночной комой. Удивил он нас только однажды, когда устоял и не заразился от меня дифтерией.

Я делала трахеотомию солдату, задыхавшемуся от фолликулярной ангины, как написано было в истории болезни. Из вскрытой трахеи в меня полетели дифтерийные пленки. Через некоторое время я заболела очередной ангиной, оказавшейся дифтерией. С «ангиной» мы с маленьким Ваней спали вместе, так как мама была в командировке.

Прилетела из Ташкента Тамира, окончившая наконец медицинский институт. Она уже была беременна вторым вундеркиндом – Женей. Мучилась с мужем, начавшим, к тому же, пить. Проектный институт выдал ссуду на постройку домов своим сотрудникам, в их числе и Борису. Все заработки нашей семьи полетели в Ташкент, мы старались как можно больше помочь им обустроить свою жизнь.

Кольский полуостров. Поселок Зеленый Бор

С 1956 года папа с нами. Ему дали квартиру из двух комнат. Его разыскали освободившиеся из тюрем друзья-«политехи» из Ленинграда и стали звать на работу поближе к столице, с тем, чтобы добиться реабилитации, в которой в Алма-Ате ему уже было отказано.

Директор строительства ГЭС на реке Княжья Губа в поселке Зеленый Бор, бывший долгосрочный зэк – Сиротов, взял папу на должность начальника производственно-технического отдела. Тамира с Ванечкой вернулись в Ташкент. Я с большим трудом уволилась, что в то время для врача было почти невозможно, и отправилась вслед за родителями. Поступила на работу в Мурманскую областную больницу, где меня почти заставили занять должность замглавврача по лечебной части. Огромный больничный городок с отделениями по всем специальностям, одних только хирургических отделений было семь. Мне дали квартиру, в которой когда-то жил известный полярник Потанин.

27 января 1959 года в Ташкенте появился на свет Женечка. Мама из Мурманска вылетела в Ташкент, где Ванечка заболел менингитом типа Коксаки (по имени японца, открывшего этот кишечный возбудитель). Мама лежала с ним в инфекционной больнице, где ему ежедневно вводили стрептомицин, и он выздоровел. Мама с Тамирой и двумя детьми улетели, по сути, сбежали, в Зеленый Бор. Тамира без паспорта (тогда это было можно), без военного билета, без метрик на рожденного ребенка, так как Борис все эти документы спрятал. С собой – только диплом. В Зеленом Бору, благодаря авторитету папы, Тамира смогла оформить документы и метрики, согласно которым Женя родился в Зеленом Бору.

Поселок Зеленый Бор – это сказочные двухэтажные коттеджи, терема среди

сосен. Вокруг в лесу масса грибов и ягод. Замечательным воздухом этого леса невозможно было надышаться. В одном из таких коттеджей поселилась наша семья.

Тамира работала врачом-терапевтом. Как-то утром, уже на выходе из дома на работу, на нашем крылечке Тамиру окружили цыганки, начавшие приставать – «давай погадаю!». Опаздывая на работу, Тамира их прогнала. Одна цыганка крикнула ей вслед: «Умрешь молодой!». Я потом долго Тамиру ругала за проявленную резкость и во время ее последующей болезни не раз вспоминала это пророчество.

Женечка начал устраивать «концерты», с «закатыванием». Чуть что – заплачет и закатится. Останавливается дыхание, он становится синим до черноты, – мертвый ребенок. Видимо, ларингоспазм – надгортанник захлопывает гортань, как крышкой; возможно, это была разновидность спазмофилии. Происходило это дома, на улице, во дворе. Я хватала его, бросала на что придется: на кровать, на скамейку, на пол, на землю и делала ему искусственное дыхание, пока он не раздышится, а потом сидела и горько плакала. Мы жили в постоянном напряжении, боясь на минуту оставить его без присмотра. В Ленинграде мне пришлось целый год из-за этого не работать. Так продолжалось около двух лет, пока не прошло само.

Мурманск

Мурманск я вспоминаю в сером цвете: серое небо, серое море, продувающий до костей холодный ветер, полгода полярная ночь с электрическим освещением. В темноте утром на работу, в темноте с работы. Полгода полярный день с огромным круглым не греющим шаром солнца низко над головой. Беспрерывные гудки пароходов и крики огромного количества чаек в порту.

Я участвовала в многочисленных командировках вместе с нашими врачами для обследования населения Кольского полуострова. Передвигались мы самолетами, пароходами; побывали даже на командном пункте радиолокационной установки, которая засекла летчика-шпиона Пауэрса.

Главным врачом нашей больницы был грузин Зураб Мачарашвили, бывший долгие годы начальником медслужбы в ГУЛАГе. Рыжий, тощий, со впалой грудью и очень злой. Как угорелый носился он по всем корпусам больницы, знал всё обо всех. Всех держал в страхе, вечно кого-то за что-то наказывал. Вот у этого лютого человека я была замом по лечебным вопросам.

Относился он ко мне уважительно, так как сам очень неважно разбирался в медицине, не мог написать ни одного медицинского документа. А при его конфликтном «гулаговском» характере он часто доводил дело до скандалов и очень нуждался во мне, как громоотводе. Дураком его назвать было нельзя, но и умом он тоже не блистал. Он мог купить за очень большие деньги огромную в золоченой раме картину, изображавшую Ленина в окружении детей, и повесить ее на всю стену в хирургическом приемном покое. А во время борьбы Хрущева с излишествами, находясь в отпуске в московской гостинице, звонить мне оттуда каждый час с

требованием немедленно эту картину реализовать и доложить ему в гостиницу по телефону, так как он боялся потерять партбилет. Я лихорадочно металась по Мурманску в поисках желающих приобрести это произведение искусства и буквально умоляла начальника Клуба моряков забрать эту громадину в дар.

Или вдруг он издавал приказ, запрещающий женщинам, лежащим в больнице, носить трусики. Мужчинам выдали кальсоны, а женщинам только рубашки. Одна больная написала в жалобную книгу на него жалобу в стихах. Там была фраза: «Такой кудрявый, важный, носит пышные усы, А нам, несчастным женщинам, не разрешает носить трусы».

Эта жалоба произвела на него сильное впечатление. Он заперся в своем кабинете, к нему никого не пускали. Оказалось, он сочинял ответ на жалобу, тоже в стихах; там были такие строки: «Как не стыдно вам сравнивать моим усом с вашим трусом!».

Ленинград

Папу, наконец, реабилитировали, предоставили квартиру в новом доме недалеко от Политехнического института, назначили персональную пенсию республиканского значения.

И вся наша семья возвратилась в Ленинград, из которого папа в 1935 году был изгнан. Власти дали согласие на прописку Тамиры с детьми, но при условии развода с Малоглазовым. Получив сообщение об этом, он явился в Ленинград. Кается, плачет, просит прощения у Тамиры и родителей, дает обещания, и все Малоглазовы снова улетают в Ташкент. Там Тамира заболела, как она и врачи считали, ревмокардитом...

В 1962 году я вышла замуж за очень хорошего, любимого мною человека – Ханана Росина («партийная кличка» Миша, так ему нравилось). Он прошел всю войну лейтенантом, командиром танковой роты. Был тяжело ранен в глаз. Его родителей и сестричку расстреляли фашисты в селе Новополтавке под городом Николаевом на Украине и закопали в ров с расстрелянными односельчанами.

Вернувшись с войны, Ханан закончил Ленинградский кораблестроительный институт, стал инженером. Он строил подводные лодки.

Ради детей и Тамиры мой муж и родители решили переехать в Ташкент, обменяв квартиру.

Ташкент

Тамирочка в тридцать два года умерла от рака молочной железы, оставив двух сирот-сыновей – тринадцатилетнего Ваню и семилетнего Женю. Борис спился и умер. Умерли мои мученики-родители. Похоронены все на Домбрабадском клад-

бище в Ташкенте. Мы с мужем вырастили, выучили детей; оба они стали инженерами, женились, у каждого по двое чудных детей. Женя с женой – в Ташкенте. Иван с женой Неличкой носят фамилию Нелли – Кун, чему я очень рада, прежняя их фамилия не принесла им в жизни ничего хорошего. Живут они в Германии. Мы с дедом кукуем вдвоем, но надеемся на встречу…

Иван ИЛЬИН-ГАЛИЦКИЙ

Чурек для блокадного мальчика

Мой брат был блокадником. Это определило его детство и всю дальнейшую жизнь. Он словно пытался уйти от войны, которая оставалась в нем, как осколок снаряда в теле. «С того времени я навсегда перестал смеяться. Улыбаться могу, а смех не получается. Я забыл, как это делается. И, наверное, не один я стал таким суровым из тех, кому выпала судьба блокады или фронта…», – писал он о себе. Иван действительно никогда не смеялся, но при этом был улыбчив и жизнерадостен. Он как будто не мог надышаться жизнью и стремился прожить жизни тех, кого смерть оставила недожившими… Это было бесконечное движение, вечный поиск чего-то неизведанного. Он сменил в Ленинграде/Петербурге больше двадцати квартир; к уходу на пенсию у него оказалось три трудовых книжки – он менял не просто места работы, но сами профессии. Слесарь, строитель, фотограф, пожарный, рыбак, актер кукольного театра, альпинист, инструктор по спортивному туризму, лыжник, байдарочник, журналист, историк парусного флота, кинолог, лектор, организатор «Дружины Александра Невского», рефери международных «Рыцарских турниров»… Жажда делать все своими руками не покидала его. Куча инструментов, снастей и всяческих приспособлений наполняла дом*.

И Господь даровал ему жизнь долгую и полнозвучную. Имея четырехклассное довоенное образование, он всю жизнь читал и учился. Издавал статьи о войне, книги по истории русского парусного флота, слайдовые фильмы о природе, читал историко-культурологические лекции в научных организациях Петербурга.

У него был огромный интерес к Азии, где прошла часть его военного детства, куда неоднократно возвращался потом с группами спортивных туристов, где участвовал в различных проектах (в том числе в возвращении казана Амира Темура).

Имея в себе русскую, немецкую и польскую кровь, он оставался глубоко верующим православным человеком. До конца жизни трудился в паломнической службе петербургского Князь-Владимирского собора.

Николай ИЛЬИН,
писатель, литературовед.

* См. предыдущую публикацию Ивана Ильина-Галицкого в нашем журнале: «Как самим построить храм, или Похвальное слово топору» (№ 1 (25), 2012. С. 133–142).

Эвакуация

Весной 1942 года в станице Ново-Пашковской Краснодарского края цвели сады. Они цвели возле каждой беленькой хаты большой станицы. Эвакуированные ленинградцы постепенно отогревались и отъедались. На серых, старческих даже у детей, лицах появились первые улыбки. Мы с мамой попали в большую семью, которой командовал дид Мыкола Степаныч. Он был ветераном еще Первой империалистической и гражданской войн. Дид Мыкола действительно любил пошуметь, покомандовать и «понаводить порядок». На самом деле всем хозяйством большой семьи заправляла маленькая тихая и богомольная баба Маня.

Казаки всегда были очень крепки в православной вере, и никакое раскулачивание, разрушение церквей и проповеди парторгов не смогли заставить их отказаться от веры. В красном углу хаты висело несколько очень старых икон, почерневших от времени и копоти. Постоянно горела лампадка, а по воскресеньям на молитву зажигали самодельные восковые свечи. Баба Маня все сетовала, что никак не достать настоящего лампадного масла, а просто льняное сильно коптит иконы. Только одна, Донская икона Божией Матери, не покрывалась копотью и даже мироточила. Баба Маня по нескольку раз в день молилась перед иконами, а дид Мыкола серьезно молился только по воскресеньям, в будни же только перекрестится, проходя мимо икон, и идет дальше заниматься хозяйством.

Трое сыновей наших хозяев были на фронте, а самый младший лежал в госпитале. Жены двух старших сыновей и внуки жили со стариками одной семьей. Нас с мамой тоже посадили за общий стол, и дид Мыкола стал меня «строжить», как и других внуков. Но нас с мамой жалели, и баба Маня старалась подложить нам чего-нибудь повкуснее и побольше. Я после блокады как бы впервые увидел, какой красивой и вкусной бывает настоящая еда: борщ, вареники, яичница, творог, сметана, свежая зелень с огорода. Почему-то вспоминалось не довоенное время, а картины Снайдерса из Эрмитажа, которые я видел в начале блокады: «Рыбная лавка», «Овощная лавка», «Мясная лавка»…

К диду Мыколе собирались старые казаки «побалакать» о положении на фронте, но их разговоры всегда переходили в воспоминания о прошлых войнах, в которых они «казакували». Если бы рядом с бутылкой самогона поставить на стол в садочке под деревьями современный диктофон, то можно было бы поназаписывать воспоминаний старых казаков еще не на один «Тихий Дон».

Часто стариковские посиделки нарушали молодые «дивчины». Они заявлялись веселой шумной гурьбой и начинали наперебой уговаривать «дядечку Мыколу» идти с ними «поспивать». У дида Мыколы был баян, а все молодые парубки гармонисты-баянисты были на фронте.

Дид Мыкола сперва молчал, потом ворчал и шел в хату за баяном. Старики выпускали из-под заломленных фуражек седые чубы и шли с дидом Мыколой «послухать як дивки спивают». Пели «Ой ты Галю, Галю молодая», «Скакал казак через долину». Когда запевали про Сагайдачного, «що променяв жинку на тютюн та люльку», то старики не выдерживали и тоже начинали «спивать».

А в южном ночном небе, с западной стороны, как зарницы, начали появляться всполохи взрывов приближавшегося фронта. На станции Крыловская поставили эшелон с теплушками для эвакуированных ленинградцев. Казаки спорили про свои засеянные поля, хозяйство, хаты, скотину. Вспоминали и Петлюру, и «германцев», но все бросить и уехать не хватало духу. У ленинградцев большая часть вещей, увезенных из последних сил из дома, уже была обменяна на продукты. Мы собрались за полдня. Баба Маня напекла нам подорожников* и подарила маме на прощанье маленькую богородичную иконку «Знамение». Наша икона святого Николая, взятая из дома, пропала вместе с продуктами, украденными при посадке в эшелон в поселке Кабона.

Хозяйский внук Грицко на лихой тройке докатил нас с мамой до станции и помог погрузиться в теплушку. Из разных станиц съезжались к эшелону ленинградцы, знакомые еще по первому страшному пути из блокадного города, когда на каждой станции мы оставляли по нескольку покойников и насыпи, залитые поносом.

Поехали со станции Крыловская через два дня, а на станции Тихорецкая наш эшелон разбомбили. Поезд стоял в тупике, а бомба попала в середину эшелона и в середину между вагонами. Народу погибло немного, но те, кто был в задних вагонах, так и остались в эшелоне до прихода немцев, а несколько наших вагонов прицепили к какому-то составу и увезли в городок Ступино недалеко от Каширы.

Дважды эвакуированных ленинградцев поселили в длинных двухэтажных бараках. На каждом этаже – сквозной коридор. На одном конце – общая кухня, на другом туалет. Комнатенки на две семьи по обе стороны коридора. Маму распределили на работу на военный завод, в цех, где прокатывали алюминиевые листы для самолетов. Работа была по двенадцать часов без выходных.

Двенадцать часов перекидывать металлические листы, пусть даже и алюминиевые – это выше всяких возможностей для слабых женских рук, но была война, а женщины были из блокадного Ленинграда и работали для фронта. Мама по ночам плакала во сне от боли в руках, но так уставала, что не просыпалась. Мы, дети, были предоставлены сами себе. Сами отоваривали карточки, готовили какую-то еду. Пытались воровать картошку и другие овощи на чужих огородах.

Через месяц пришла похоронка на моего отчима. Сразу перестали выплачивать деньги по офицерскому аттестату. Брак отчима с мамой не был зарегистрирован, и нам не полагалась пенсия за погибшего на Ленинградском фронте старшего лейтенанта Якова Павловича Климова. Стало очень голодно. Мама два дня проплакала и пошла опять на работу. За прогул ее простили и судить не стали.

В сентябре я, как и многие другие ленинградские дети, не смог пойти в школу, так как вырос из старой одежды, а новую купить было не на что. Одежду еще как-то меняли от старших к малышам, штопали и ставили заплатки, но обувь просто износилась. Наступили холода. Я ходил в рваных калошах, привязанных веревочками. Ноги обматывал тряпками с помойки. И еще надо было добывать топливо для печки. С огородов местные жители давно все убрали, и этой подкормки не стало.

В ноябре моя мама не выдержала и, переступив через женскую гордость, на-

* Пироги, выпекаемые в дорогу. (Прим. ВС.)

писала письмо моему отцу с просьбой о помощи. Отец жил тогда в Ашхабаде, а на фронт не попал по причине очень сильной близорукости. Через месяц пришел от отца ответ с официальным вызовом, по которому маме можно было уволиться с работы и получить пропуск для проезда по железной дороге. При расчете маме выдали немного денег, которых хватило на билеты и на какую-то обувку мне. На еду в дороге денег не осталось. Насушили немного сухарей и поехали в декабре в далекую Туркмению.

Туркмения

Я впервые ехал на настоящем поезде дальнего следования. На полке плацкартного вагона, а не в теплушке на нарах. У нас было две пересадки: в Москве и в Ташкенте.

Ох, уж эти поезда и вокзалы военного времени! Велик был подвиг железнодорожников. Полстраны все время куда-то ехало. С фронта везли раненых, а на фронт – подросших молодых новобранцев и подлеченных в госпиталях ветеранов. Везли танки и пушки, везли станки и боеприпасы. Переезжали целые заводы и народы. Поезда были набиты людьми, как дачные электрички, а на вокзалах толпы людей сидели неделями, ожидая возможности уехать. И всюду нищие, беспризорники. Тысячи и тысячи несчастных людей. На вокзале народ не помещался, и многотысячный табор обитал вокруг вокзала на площади и в переулках. Не хватало воды и туалетов. Всюду грязь, нечистоты, мусор и вши. Без справки о санобработке в поезда не пускали. В санобработке одежду прожаривали так, что плавились пуговицы. Нам посчастливилось уехать из Ташкента всего через четыре дня. Это было большой удачей.

Перед Ашхабадом в наше купе подсел очень колоритный пожилой туркмен Курбан-Темир. Он был одет в красный с синим полосатый стеганый халат, подпоясанный шелковым платком. На голове у Курбан-Темира был белый тельпек – баранья шапка неимоверной величины. На ногах мягкие кожаные туфли чарыки, с какими-то кисточками и аппликациями. На плече этот аксакал внес огромный ковровый хурджум – переметную суму. Он удобно уселся на пол и сразу достал желтую тыковку – насвай с жевательным табаком. Насладившись насом, аксакал сплюнул под скамейку длинную зеленую жвачку, достал из хурджума фарфоровый чайник и пошел добывать кипяток. Вернувшись, Курбан-Темир опять взялся за хурджум, достал из него огромный румяный чурек, разломал этот чурек на куски и одарил всех, кто был рядом. После чурека мы получили еще и по горсточке кишмиша. Плевок жвачкой под скамейку старику простили.

Курбан-Темир ехал в Ашхабад, чтобы повидать лежащего в госпитале сына. В хурджуме были гостинцы для сына и для других раненых. «Не будет мой сын ничего есть, если не сможет поделиться с товарищами», – сказал Курбан-Темир, засовывая под скамейку тяжеленные хурджумы.

В Ашхабаде меня оставили на вокзале караулить наши вещи и хурджум Курбан-баба («баба» по-туркменски – «дедушка»). Мама пошла искать отца в 22-ю школу, где он работал, а Курбан-баба отправился искать госпиталь.

Мама вернулась заплаканная: в 22-й школе ей сказали, что вот уже больше месяца как отец уволился и уехал из Ашхабада. Куда уехал, никто не знает. У нас не было ни денег, ни продовольственных карточек, ни жилья. К тому же у мамы в паспорте было написано, что она немка, да еще и Адольфовна. С такой национальностью и отчеством во время войны было не просто трудно, а очень опасно. Не доказывать же всем, что мамины предки еще Петру I помогали строить Петербург и российский флот.

Вернулся Курбан-баба, забрал хурджум и торопливо ушел. Мы с мамой в каком-то тупом оцепенении продолжали сидеть все на том же самом месте. Вечером вернулся наш аксакал. Сын у него поправляется, но гостинцев не хватило – очень много раненых. Завтра Курбан-баба пойдет на базар и на все деньги купит для раненых подарки. Мы молча кивали.

На следующий день ага Курбан-баба, вернувшись из госпиталя и опять застав нас на прежнем месте, понял, что нам тоже надо помочь. Он нас сперва накормил, а вечером увез нас с мамой к себе на станцию Теджен, где жила его огромная семья из нескольких собственных жен, жен его сыновей и племянников, воюющих на фронте. Многочисленные женщины не умели говорить по-русски и все были без работы. Внуки Курбан-Темира ага были малолетние и, в основном, девочки. Всех надо было кормить и одевать, а работал один только старый Курбан-Темир. И еще он взял в свою семью нас с мамой. Но мне шел уже двенадцатый год.

Мы приехали в Теджен 31 декабря 1942 года поздно вечером. У туркмен не принято было отмечать русский Новый год, поэтому нас просто покормили и уложили спать. Утром мы в испуге проснулись от страшного и громкого рева. Оказывается, рядом с нашей дверью стоял во дворе большой белый ишак, и это он решил попробовать взять нас на испуг своим ревом. Прямоугольный двор был окружен со всех сторон глинобитными мазанками. Сколько там было женщин и детей, я так и не смог сосчитать, хотя мы прожили в этой семье больше года.

Аксакал Курбан-Темир ага был в поселке уважаемым человеком. Он помог моей маме устроиться на работу уборщицей на местную бойню. На бойне резали скот, чтобы кормить наших солдат, проезжающих через Теджен в сторону Красноводска и дальше через Каспий на Баку. Обратно шли поезда с ранеными. Бойня была самая примитивная: ни электричества, ни водопровода, ни канализации. В прямоугольном кирпичном здании был цементный пол с желобами для стока крови, а под потолком две рельсы, по которым на роликах ездили подъемные устройства с цепным приводом. Все это управлялось вручную.

Крупный рогатый скот резали и разделывали старый перс Гусейн и одноногий инвалид-украинец по фамилии Баранов. Почему-то ни фамилии Гусейна, ни имени Баранова я никогда не слышал. Когда я в первый раз пришел на бойню, то услышал, как кто-то сказал, что утром скот резали Гусейн и Баранов, а мне послышалось, что резали гусей и баранов. Я зашел в помещение бойни, но увидел только

коровьи туши. «А где же зарезанные гуси и бараны?», задал я глупый вопрос. Надо мной долго смеялись.

Около бойни было несколько загонов для отстоя скота, ожидающего своей печальной и неизбежной участи. Я, только повзрослев, понял, через какие душевные муки пришлось пройти моей маме, чтобы убирать на бойне кровь и кишки, а в загонах навоз. Все это приходилось носить ведрами или возить на тачке. Моя мама была, как тогда говорили, «из бывших», то есть несколько поколений наших предков жили в Петербурге и занимали видное положение в обществе. Среди маминых предков все были знаменитыми врачами или художниками. А тут кровь и навоз! Зато мы, бывшие блокадники, были сыты.

Сторож, старый татарин Хасан, перед обедом приходил на бойню и отрезал самые вкусные кусочки от уже разделанных туш. Потом он готовил у себя в каморке в чугунном казане такую вкуснятину с ароматными приправами, что запах проникал через кирпичную стену. Хлеб у каждого был свой, а мясо ели из общего казана. Меня тоже считали за своего. В те дни, когда по Среднеазиатской железной дороге ехало много поездов с солдатами, которых надо было кормить, Гусейн и Баранов не справлялись со всей работой и разделывали только крупный рогатый скот, а баранов обрабатывали приглашенные на помощь женщины, жившие по соседству. Ободрать и выпотрошить барана женщины могут, но перерезать барану ножом горло – работа мужская. По местным понятиям, женщина должна давать жизнь, а не отнимать ее. Утром в помещение бойни женщины загоняли 20-30 баранов, потом туда заходил я с трофейным ножом фирмы «Золинген», привезенным с Ленинградского фронта. Бараны были большие и сильные, они бесились от запаха крови и отчаянно сопротивлялись, а я был двенадцатилетний мальчик, ослабленный ленинградской блокадой. Надо было хватать баранов за шерстяные бока, тащить к бетонному желобу, валить и резать. Через полтора часа такой работы, очень тяжелой и морально и физически, я выходил обратно из бойни в переднике и с руками, измазанными в крови. Зарезанные мной бараны аккуратными рядами лежали вдоль бетонных желобов. В такие дни я мог принести кусок мяса в семью Курбан-баба.

Мы продолжали жить в глинобитной мазанке во дворе у Курбан-Темира. Жилплощадь метров восемь квадратных, маленькая глинобитная печка, окно размером с форточку, щелястая дверь из горбылей. Топчан, табуретка и колченогий фанерный стол. В углу над столом мама повесила иконку Божией Матери Знамение, подаренную нам старой казачкой бабой Маней. Чтобы не раздражать мусульман из семьи Курбан-баба, в которой мы жили, поверх иконки мы повесили шелковую занавеску.

Еду дома мы не готовили, только иногда пили чай. Ели или на бойне, или в семье Курбан-баба.

Курбан-Темир работал объездчиком-лесником густых тугайных лесов вдоль реки Теджен. Тугайные леса – это индийские джунгли, поднимающиеся далеко на север по берегам рек Средней Азии. Тепла в Туркмении хватает и для джунглей,

нужна только вода. Когда не было работы на бойне, Курбан-баба брал меня в лес за дровами. Мы не торопясь ехали на арбе, запряженной ишаком. Собирали на дрова деревья, подмытые рекой, или пилили сухостой. Грузили дрова на арбу с двумя огромными колесами. В тугаях все было очень кривое и очень колючее. У дедушки Курбана сил было немного. И не по старости, ему еще не было и шестидесяти, а по здоровью, подорванному на строительстве Беломорканала, а я тоже был слабоват по малолетству. Часто мы прерывали работу, но, якобы, не для того чтобы отдохнуть, а чтобы попить чаю. Туркменское чаепитие – это ритуал, наверное, не уступающий японской чайной церемонии. У нас с собой в лесу всегда были и тунча (нечто вроде высокого кофейника без носика, с широким дном, ручкой и узким верхом), и заварные чайники, и пиалушки. Был чурек и что-нибудь сушеное: урюк, кишмиш, вяленая дыня. Огонь добывали с помощью кресала, кремня и фитиля, так как спичек не было.

Пока кипятился и заваривался чай, разговаривать было нельзя, а вот после первой выпитой пиалы…

Курбан-Темир с 1916-го и по 1928 год был басмачом. Его старший брат Садык-ака был курбаши (атаман) и в 1928 году, после разгрома, ушел в Афганистан, а Курбан-Темир сдался Советской власти, так как басмачам, воевавшим за свою веру и национальную независимость и не замешанным ни в каких зверствах и грабежах, была обещана амнистия. Никаких серьезных обвинений Курбан-Темиру не предъявили и отпустили, вместе с конем, домой.

Поздно вечером он спрыгнул с коня в своем дворе и прошел в юрту к своей самой молодой и любимой жене Кызыл-Гюль (Красный цветок). А у нее в гостях лежал, нахально развалясь на ковре и опираясь на шелковую подушку, новый партийный начальник в галстуке и даже в шляпе, а не в тюбетейке, и пил не только чай, но еще и вино… Курбан-Темир зарезал и этого партийного выскочку, и свою любимую Кызыл-Гюль. Утром связал вместе два мешка с трупами, перекинул через седло, взял коня под уздцы и пришел в милицию. На плече внес оба мешка в кабинет к начальнику милиции и положил их ему на стол.

– Вот, я честно разоружил отряд. Сдал оружие и распустил людей по домам. А этот ваш человек в это время разрушал мою семью и позорил мой дом. Я прошу разобраться по закону и, как полагается, по воле Аллаха, пусть его родственники вернут мне калым, который я заплатил за эту женщину, – сказал Курбан-Темир начальнику милиции.

Начальник тоже был туркмен, знал и Коран, и шариат, но он исполнял советские законы. Он посочувствовал горю Курбан-Темира, но арестовал его и сдал под суд. Суд учел состояние аффекта и послал Курбан-Темира строить Беломорканал как простого убийцу-уголовника, а не как политического преступника.

На «зоне» крутые урки «в законе» пытались унизить человеческое достоинство этого «чурки в халате» и, для острастки, хотели загнать его под нары, но бывшего басмача сломить не сумели. Курбан-Темир вышел победителем в крутой поножовщине – один против нескольких матерых бандюганов. Он завладел ножом одного из нападавших и встал в угол. Намотав для защиты ватный халат на левую

руку, он из-под халата «жилы резал на руках бандитов, чтобы они ножики роняли». Ему даже не прибавили срок, так как весь барак подтвердил, что у него сначала не было ножа, а потом Курбан-Темир только оборонялся в углу от тех, кто нападал, и все кричал: «Не подходи, не подходи!». Уголовники на своей воровской сходке тоже признали правоту «турки-чурки» и мстить ему за самозащиту не стали.

Старый басмач и уголовник с Беломорканала Курбан-Темир остался в моей памяти человеком очень добрым, чутким и внимательным к чужому горю. Имея в доме толпу своих иждивенцев, он всегда кому-то еще помогал, как, например, нам с мамой. Только лодырей не любил: «Кто сам старается, тому немного помочь надо, а потом он сам встанет и не только пойдет, но и другим помогать будет». Но толпу женщин и детей в доме надо было кормить и одевать.

Весной мы с Курбан-баба встретили на базаре какого-то странного дервиша, не то нищего, не то святого проповедника. Этот «дервиш» попросил у Курбан-ага милостыню и пригласил в чайхану. Сели они за отдельный столик в дальнем углу, а меня посадили за другой стол поближе к двери и велели последить, не будет ли кто-нибудь подслушивать их разговор. Мне показалось, что они говорили на афгани, но потом я узнал, что этот «дервиш» курд. Нищий «дервиш» заказал хороший плов, какую-то зелень и чай, но чайханщик денег с него не взял. По знаку этого дервиша мне тоже принесли плов, чурек, чай, парварду и сушеную дыню. Уходили из чайханы врозь и не прощаясь. Вечером Курбан-ага пригласил меня в летнюю юрту попить чаю и стал говорить со мной совсем как со взрослым джигитом. Он попросил помочь ему отвести ишака с хорошим товаром в далекий афганский аул. Обратно у нас будет уже другой товар, тоже очень хороший, который мы повезем обратно к себе в Теджен. Если нас поймают, то за эти запрещенные перевозки через границу нас обязательно посадят в тюрьму и очень надолго. И меня, даже и по малолетству, не простят. Но если не поймают, то вся семья Курбан-Темира, и моя мама тоже, долго будут жить сытыми и можно будет купить что-нибудь из одежды. Я, немного подумав, согласился и обещал ничего не говорить маме.

С большим ишаком Курбан-баба я уже успел подружиться, когда мы ездили в лес за дровами. Но оказалось, что ишак будет не наш, а чужой маленький серый молодой ишачок с черной гривой и тонкими ножками в белых носочках. Товар нам подвезут потом. Это будут фарфоровые чайнички и пиалушки, пересыпанные саманом, то есть ячменной соломой.

В Афганистане, как и во всей Азии, очень любили пить чай, а пиалушек и фарфоровых чайников там не делали. Англичане за свой фарфор требовали расплачиваться каракулем. Пиалушки для кочевников очень удобны при перекочевках на верблюдах. Их можно сложить стопочкой, перекладывая полотенцем или любой другой тряпкой, и они не бьются и занимают мало места.

Наш путь лежал не по основной дороге, а какими-то окольными тропками по тугаям вдоль реки Теджен, через глухие аулы и чабанские кочевья. Курбан-баба учил меня ориентироваться в лесу и запоминать дорогу. Это было легко и даже интересно, так как ехали мы налегке, без «товара», Курбан-баба на лошади, а я на сереньком ишачке.

Подойдя к горам Копетдага, мы несколько дней «пили чай» у старенького чабана, афганца Саида. Курбан-баба куда-то надолго уходил, а я читал взятую с собой книжку циркового дрессировщика Дурова и пытался сделать из нашего ишачка артиста. Он оказался не только умным, но еще и очень хитрым. Было непонятно, кто учитель, а кто ученик.

Курбан-Темир велел мне переодеться в туркменскую одежду и объяснил, что завтра нам привезут «товар», то есть фарфоровые чайники и пиалушки, пересыпанные саманом, и мы скоро повезем этот груз через границу в Афганистан. Я должен буду изображать глухонемого мальчика. Слышать и разговаривать нельзя. На то, чтобы переодеться в старую и грязную туркменскую одежду, я согласился сразу, но серебряный крестильный крест снимать наотрез отказался. Я рассказал дедушке Курбану, что меня крестили в самом страшном 1937 году в Николо-Богоявленском морском соборе в день Иоанна Предтечи. Я рассказал, что очень хорошо помню, как радовался тогда своему крещению. А какой красивый костюмчик к этому дню мне сшила моя крестная тетя Капа! Он был из белого плотного шелка, а вместо пуговиц были банты из голубых лент. У меня и мама, и отец, и все предки православные, и я крест снимать не буду.

Курбан-Темир посидел, помолчал, подумал, а потом отрезал от красной шелковой подкладки своего халата кусок ткани и сделал мне красивую ладанку, куда помог спрятать крестильный крест. Серебряную цепочку заменили шелковым шнурком. Я вспомнил, что все казаки носят кресты не на цепочках, а на шнурках, и согласился. Дид Мыкола как-то сказал: «Ну який же вольный казак сам соби на свою шею цепь повисит?».

Дня два Курбан-баба то окликал меня, то задавал вопросы. Если я как-то реагировал на звуки, то он угрожал отхлестать меня камчой (нагайкой), но ни разу не выполнил этих страшных угроз. А товар, который мы повезем обратно, надо будет охранять и от тех, кто захочет проверить, что это мы везем и откуда. Надо будет сперва плакать, а потом, неожиданно, сразу резко отбиваться и уходить в самые густые и колючие заросли тугайного леса по звериным тропам. Не так важно, что мы повезем рис и коурму, как важно то, что мы везем эти продукты из Афганистана.

Ишаку завязали морду, чтобы случайно не заревел, и в безлунную ночь мы спокойно прошли каким-то зигзагом между кустами, по руслу пересохшего ручья, в афганское селение к брату Курбан-Темира Садыку-ходже. Пока Курбан-Темир строил Беломорканал, его старший брат Садык-ака совершил хадж. Помолился Аллаху в Мекке, в Медине и у Каабы. Теперь Садык-ага был настоящий ходжи и носил зеленую чалму.

Ишачка куда-то увели и отпустили, фарфор забрал сын Садыка. А я два дня просидел один в темной мазанке на заднем дворе. Мне принесли хорошей еды, молока и старое ведро. Это чтобы я сидел тихо и не выходил из мазанки даже в туалет.

Взамен фарфора нам дали два мешка риса и несколько бараньих желудков, наполненных коурмой.

Коурма – это изобретение караванщиков. Режут барана и подвешивают за задние ноги. Снимают шкуру и аккуратно потрошат, чтобы мясо осталось чистым.

Потом ставят рядом большой чугунный казан, по щепотке срезают с барана все мясо и сало, кидают в казан и добавляют только соли. На медленном огне кусочки барана несколько часов жарятся в собственном курдючном сале. Если к готовой коурме поднести холодный утюг, то на нем не должны осесть капельки пара. Значит, вся влага из коурмы уже испарилась.

Пока ужаривается коурма, желудок барана тщательно промывают и, растягивая на руках, сушат и коптят над костром до состояния пергамента.

Щипцами держат желудок и вливают в него горячую коурму. Весь ужаренный баран помещается в собственный желудок. Его завязывают и остужают.

Караванщики возят коурму, как консервы, по два-три месяца на азиатской жаре, и она не портится.

Выбрав безлунную ночь, мы навьючили полученные продукты на серенького ишачка, повернули его мордой к дому и подхлестнули прутиком. Ишачок оглянулся, фыркнул и затрусил в сторону границы.

Ночью мы с Курбан-бобо прошли обратно через границу. Слава Богу, мы прошли мимо пограничников так, что они нас не заметили и не остановили. В мягких чарыках мы бесшумно прошли в темноте по горам к юрте чабана Саида, которая была уже в Туркмении, и никто нам не помешал. Курбан-Мерген говорил, что, отсидев свой срок на строительстве Беломорканала, он лучше умрет в бою с пограничниками, чем снова поедет в лагеря. Он и меня учил защищаться ножом от задержания пограничниками и уходить в непроходимые колючие дебри тугайных зарослей.

А серый ишачок сам перешел границу и спокойно жевал дынные корки за юртой Саида. Его можно было отпускать одного, он сам находил дорогу на кош к Саиду, так как Саид всегда очень вкусно его кормил ячменем и дынными корками. Арестовывать одиноких ишаков у пограничников было не принято.

Мою русскую одежду, оказывается, уже отправили в Теджен, а мне велели садиться на ишачка и пробираться обратно, но уже одному по знакомой дороге, и особенно беречься незнакомых людей. Для маскировки на мне был старый, грязный и рваный халат, а поверх груза лежала охапка гнилого хвороста. Обычно кто-нибудь вдалеке двигался в ту же сторону, куда ехал я, и за мной присматривали. В сумерках какой-нибудь мальчишка окликал меня и показывал место ночлега и спрятанного ужина. Иногда приходилось ночевать в лесу на ишачьей попоне, подложив под голову седло и укрывшись рваным халатом. Костер разжигать не разрешалось. Рядом пасся стреноженный ишачок. Выли шакалы, хрюкали кабаны, и рядом что-то шуршало, наверное, змеи.

Уже около Теджена, у реки, на знакомой полянке в тугайном лесу, я увидел Курбан-Темира, пьющего чай с двумя аксакалами и знакомым дервишем. Рядом лежал узелок с моей русской одеждой, а Курбан-Темир дал мне красивый кожаный кисет, в котором была моя серебряная цепочка от нательного креста. «Отпусти ишака, пей чай, переодевайся и иди домой, – сказали мне, – твоей матери уже дали за твою работу мешочек риса и головку коурмы».

В Туркмении во время войны тоже была карточная система, и было голодно.

Мы с мамой питались в семье Курбан-Темира, поэтому все заработанное я отдал его старшей жене Энегюль-апе.

Я еще только один раз ходил в Афганистан вместе с Курбан-Темиром к его старшему брату Садыку, а потом Садык-ходжа пригласил меня в свою юрту, где уже сидел дервиш-«ёлдаш», а Курбан-Темира не было. Они долго и очень серьезно объясняли мне, что у Курбан-Темира очень большая семья и что поэтому его надо беречь. Кто будет кормить семью, если Курбан-Темира арестуют на границе? А если возьмут меня, то я скажу, что заблудился. По малолетству только сошлют в колонию для малолетних, а настоящего тюремного срока не дадут. А мою маму, конечно, в беде без помощи не оставят. Она будет жить в семье и есть вместе со всеми за общим достарханом.

И я стал ходить в Афганистан уже без Курбан-Темира, а только с «дервишем». Я называл его «ёлдаш», что означает «спутник». Туда мы возили простенький чайный фарфор на том же самом сереньком ишачке. Обратно, через границу, ишачок, вместе с грузом, сам возвращался на кош к чабану Саиду и поджидал меня. От коша Саида к Теджену я добирался один на сером ишачке, которого прозвал Сережей. Меня одевали все в тот же грязный и рваный халат со стеганой заплатой на спине в виде большого кармана, делавшего меня сутулым. Не только Курбан-Темир, но и его старший брат Садык-ходжа несколько раз говорили мне, что, хотя я по возрасту еще оглан (юноша), но по делам уже джигит. Я тогда еще почти не знал туркменского языка и, конечно, не понимал, о чем говорят при мне Курбан-Темир, «дервиш», Садык-ходжа и прочие. Если бы меня поймали, то я ничего бы не смог рассказать, даже на самом строгом допросе, так как ничего не понимал, а поэтому и ничего не знал.

Бывшие басмачи текинец Курбан-Темир и «дервиш»-курд, настоящего имени которого вслух никто не произносил, стали всерьез учить меня искусству азиатского рукопашного боя, чтобы я мог защитить товар и удрать в тугаи. Почему надо было, рискуя жизнью, защищать рис и коурму, я не знал, но, очевидно, в них было что-то спрятано. «То, чему научат оглана (мальчика) – станет богатством аксакала». Много лет спустя бойцы нашего «ограниченного контингента советских войск в Афганистане» учились тому же самому от афганцев, с которыми вместе воевали против душманов. По современным понятиям, из меня тоже делали очень крутого и умелого «афганца».

В Средней Азии на базар за покупками ходят мужчины. Если Курбан-ага был занят, то его старшая жена, апа Энегюль, посылала на базар меня.

Каждый раз, когда я проходил мимо чайханы, толстый чайханщик настойчиво приглашал меня «попить чаю», но угощал не только чаем, а еще пловом или лагманом. Вежливо спрашивал о здоровье и благополучии моих друзей Курбан-Темира и «дервиша». Денег за угощение никогда не брал. Очевидно, что этот чайханщик с базара и «дервиш» были как-то связаны переправкой через границу терьяка, то есть опиума-сырца. Может быть, наши перевозки фарфора и риса были только прикрытием для более серьезных дел – контрабанды опиума-сырца, то есть терьяка, но меня, по малолетству, в эти дела не посвящали, а кушать очень хотелось,

и мама радовалась, когда я привозил рис и коурму. Конечно, мы все отдавали старшей жене Курбан-Темира, но зато и нам не было стыдно садиться за общий стол.

В Коране запрещалось употреблять спиртные напитки. Однако, как в России нормальным считалось пьянство, так в мусульманских странах не очень осуждалось курение опиума. Терьяккеши (курильщики опиума) не были отбросами общества, и по социальному положению они были скорее на уровне наших простых пьяниц. Терьяк стоил не дороже водки. И, может быть, совсем не случайно ишачок Сережа обратно через границу ходил один. Я старался об этом не думать. «Чем меньше знаешь, тем дольше живешь».

А сзади чайханы был маленький дворик, на котором знакомый ишачок Сережа жевал дынные корки и радостно здоровался со мной. Ему, очевидно, было скучно в тесном дворике около чайханы и хотелось еще раз свободно погулять по горам и тугаям.

Однажды, очевидно после третьего самостоятельного похода с «фарфором», Курбан-бобо пригласил меня попить чаю в летней юрте. Я удивился такому официальному приглашению. Ведь и чаем, и обедом меня угощали постоянно. Когда я пришел, то увидел, что в юрте на почетных местах за достарханом сидят два аксакала, которых я встречал в тугаях при обмене старого халата на мою одежду, и «дервиш», но не в лохмотьях, а в красивом зеленом шелковом халате и в зеленой чалме ходжи. Я вежливо поздоровался и сел с краю, у самой двери, как мне и полагалось по возрасту. Мы стали пить чай. Старшие говорили о положении на фронте, об урожае винограда и дынь, о ценах на каракуль. Я помалкивал и вежливо слушал. Чай и плов подавала апа Энегюль, старшая жена Курбан-Темира.

После плова хозяин как-то странно посмотрел на меня, хлопнул в ладоши и велел позвать жену своего старшего сына Биби-ханым и свою внучку Огул-тэч. Эта внучка Курбан-бобо была очень красивой девочкой и умела хорошо вышивать. Вместе со своей мамой она часто сидела в тени большого карагача, и они вышивали туркменские тюбетейки на продажу.

С отцом

Однажды мы с мамой пошли на вокзал послушать радио. На вокзале всегда был включен на полную громкость громкоговоритель, а у нас ведь не было ни радио, ни электричества. Потом я рассказывал в семье Курбан-Темира и на работе о положении на фронте и другие новости, услышанные на вокзале.

Так вот, идем мы уже с вокзала, а навстречу нам идет мой отец.

С мамой они не виделись с 1936 года. В тот страшный год НКВД арестовало и посадило моего деда Дмитрия Николаевича Ильина. Он был дворянином и полковником царской армии. Когда моя тетка понесла в тюрьму передачу, то ей с насмешкой предложили съесть все самой, так как ее отца уже расстреляли. Но он оказался жив, и через семь месяцев его выпустили из тюрьмы. Он вернулся

совсем больным. Дед не рассказывал об издевательствах и унижениях, которым он подвергался на допросах в тюрьме, но он умер через три месяца. Вскрытие покойника делал врач, который до революции учился вместе с моим отцом в одной гимназии. Он по секрету рассказал отцу, что у деда ребра были сломаны и вбиты в легкие.

Уже после смерти Сталина сестра отца тетя Лена рассказывала мне, что во время гражданской войны дед был военным комендантом одного из южных городов. Когда к городу подошли красные, то дед вызвал на переговоры красных командиров и сказал, что как военный специалист он понимает, что у красных сил больше и город все равно придется сдать. Однако, он не может допустить артиллерийского обстрела и штурма, при которых будут погибать женщины, старики и дети. Но если он сейчас предложит своим офицерам сдать город, то его расстреляют как предателя. Дед попросил три дня на то, чтобы его офицеры поняли неизбежность ситуации и необходимости сдачи города. После этого срока красные взяли город без боя. За эти дни из города уехали те, кто боялся репрессий от красных, а дед получил документ о том, что по именно его инициативе город был сдан Красной армии без боя. Этот документ деду не помог, и даже после его смерти угроза репрессий продолжала нависать над нашей семьей.

Отец тогда работал корреспондентом в «Красной газете» и, как журналист, чувствовал, что готовит наступающий 1937 год. Журналисты ведь всегда все знают или обо всем догадываются чуть-чуть больше и чуть-чуть раньше, чем их читатели.

Кроме основной работы, отец занимался историей взаимного влияния старославянского и церковнославянского языков в Древней Руси и во времена Великого Раскола при митрополите Никоне. Он даже ездил в научную экспедицию к старообрядцам. Заниматься этим в то время было тоже опасно.

После смерти деда отец уволился из «Красной газеты», попрощался со мной и с матерью и, не дожидаясь ареста, сам уехал туда, куда многих ссылали, то есть в Среднюю Азию, а там несколько раз менял место жительства и место работы. Пронесло! Он работал то школьным учителем, то бухгалтером, а в Средней Азии НКВД искало баев, басмачей, мулл и прочих националистов. С матерью они изредка переписывались, через дальних знакомых, не называя ни имен, ни адресов.

В том, что мы не нашли отца в Ашхабаде, его вины практически не было. Послав нам с мамой приглашение и вызов, отец решил, что, по условиям трудного военного времени, в области прожить будет легче и сытнее, чем в Ашхабаде. Он послал нам телеграмму с просьбой задержать отъезд. Телеграмма опоздала. Мы выехали в Ашхабад, а отец в это же время выехал в Серахс. Это поселок на границе с Афганистаном, куда надо ехать через Теджен. Мы жили поблизости от Серахса, и я, в походах к Садык-ходже, несколько раз ночевал рядом с тем домом, где жил мой отец. В этот раз отец решил съездить в Ашхабад за оставленными там книгами и нас в Теджене встретил совершенно случайно.

Мы пошли к нам домой, и родители сели «разговаривать», а меня послали на часик погулять. Я вернулся через два часа, но меня послали еще на часик...

Отец с матерью подружились, когда отцу было восемь лет, а маме четыре года.

Мамин брат Альфред, умерший от голода в Ленинграде, и мой отец учились в одном классе гимназии. Отец часто приходил делать уроки вместе с моим дядей Альфредом. У меня и фотокарточка есть того времени, когда на мамином шестилетнем дне рождения был в гостях мой десятилетний отец…

Я, наконец, возмутился. Ну чего им так долго выяснять и о чем разговаривать? Надо бы чего-нибудь поесть, а если они, то есть родители, не перестанут выяснять отношения, то я уйду к дедушке Курбан-Темиру, женюсь на его внучке Огул-Тэч, как он пообещал мне, и буду всегда жить в этой туркменской семье.

Родители, конечно, испугались и решили, что уж лучше поужинать, чем навсегда потерять сына.

Мы решили, что трудное военное время надо переживать вместе, тем более что отец тоже был не один, а со своим младшим братом, а моим дядей Ильей. Дядя Илья был всего на полтора года старше меня, и после смерти деда и бабушки мой отец его усыновил. Неважно, был Илья для меня дядей или братом, но, познакомившись, мы сразу и навсегда подружились. Это произошло через неделю после первой встречи с отцом, когда они с Ильей приехали к нам и все стали думать: «И куда же нам теперь переезжать?». Переезжать решили в Безмеин. Это в 25 км за Ашхабадом. Отцу предложили там место замдиректора детского дома, а маме – учительницы немецкого языка. Нас с Ильей определили в детский дом воспитанниками. Когда прощались с Курбан-Темиром ага, он еще раз, уже при моем отце, совершенно серьезно пообещал отдать мне в жены свою любимую внучку Огул-Тэч.

Моя судьба сложилась так, что, слава Всевышнему Богу, Он спас меня от карьеры туркменского чабана, бахчевода или даже мелкооптового наркоконтрабандиста.

В Безмеине по двум сторонам большой дороги, как Сцилла и Харибда, стояли напротив друг друга школа и детский дом. Ребята из детского дома военного времени – это рано повзрослевшие сильные характеры, подростки, видевшие и смерть, и голод, и разруху. Много было бывших воспитанников из партизанских отрядов. В школе учились в две смены. В сентябре и в школе, и в детдоме окна были открыты настежь. А по дороге с виноградников на винный завод везли виноград. Везли его караванами, в большущих ящиках, навьюченных по двум сторонам на каждом верблюде. Возили виноград и на длиннющих телегах, которые медленно тащили огромные двугорбые верблюды-бактрианы. Как только виноград оказывался между Сциллой и Харибдой, то есть между школой и детдомом, раздавался разбойничий свист и из всех окон сыпались мальчишки. Каждый был вооружен палкой с торчащими на конце и загнутыми в разные стороны кривыми гвоздями. Палка засовывалась в ящик с виноградом, поворачивалась и выдергивалась уже вся обвешанная тяжелыми гроздьями.

Возчики обзаводились длинными кнутами, а ребята – фанерными щитами, сделанными из сидений от венских стульев. Шла непримиримая виноградная война, и учителям в школе и воспитателям в детдоме сидеть было не на чем.

Воровство продуктов в детдоме было такое, что отец не смог справиться с круговой порукой местных жуликов – директора, бухгалтера и кладовщика. Он вынужден был уволиться, чтобы не попасть в тюрьму за чужие преступления.

Мы переехали в поселок Курбан-Кала. Это был совхоз треста «Туркменкаракуль» в пятнадцати километрах от города Байрам-Али. Директором совхоза был донской казак Остап Воронько, а мой отец стал бухгалтером. Эта профессия ему тоже была знакома. Мы стали жить в двухквартирном доме с общей верандой. Одну квартиру занимал директор, а другую мы. Жена директора была врачом и ездила на санитарном поезде, а Воронько директорствовал в тылу. На все заявления в военкомат нашему Воронько отказывали и на фронт не посылали, так как на директора распространялась бронь. Когда пришло известие о том, что жена Воронько ранена и сама лежит в госпитале, то он устроил в военкомате такой скандал, что на фронт его все-таки послали. «Та що я, казак, за жинкину юбку ховаться буду, чи шо?». И Воронько укатил на фронт, бросив и квартиру, и все вещи.

Через неделю в квартире Воронько появился новый директор – партийный туркмен Чары Мурадович. Он даже на лошади ездил в наглаженном пиджаке и в галстуке. Чары Мурадович стал пользоваться квартирой Воронько со всеми оставленными Остапом Ивановичем вещами. Только выкинул на помойку несколько старых икон и лампадку, а нас сразу стал называть свиноедами, так как еще при Воронько мы успели обзавестись поросенком по имени Чижик. Иконы и лампадку мы, конечно, подобрали, почистили и повесили у себя. Но Чары Мурадович и Чижик друг другу не понравились и стали воевать. Директор оказался сильнее поросенка. Чижика пришлось съесть.

Пришлось опять переезжать. Чтобы собрать денег на переезд, мама накрахмалила старую простыню и нашила из нее носовых платков. Там, где были дырочки от ветхости, вышивался красивый цветочек. Мы с Ильей поехали на базар в Байрам-Али (наш райцентр) торговать платками. Один молоденький лейтенант купил у нас платок, высморкался и прорвал носом дыру. Он на нас страшно закричал, замахал руками и затопал ногами. Мы птицами перемахнули через соседний забор и выглянули оттуда: не гонится ли за нами обманутый покупатель? Лейтенант хохотал, держась за живот. Увидев нас за забором, он попросил продать ему еще три платка, так как у нас «один платок на один сморчок». Мы набрались храбрости, подошли к лейтенанту, извинились и предложили вернуть деньги, но он отказался, купил дыню и съел ее вместе с нами. Лейтенант Вася был только что из училища и впервые ехал на фронт.

Собрав денег на дорогу, мы переехали в совхоз Чемен-а-бит, который находился вблизи самой южной точки страны, Кушки.

Переехав на новое место, все сразу же тяжело заболели малярией. Все время кто-то лежал в припадке лихорадки, кто-то от припадка отходил, а кто-то подходил. Ели таблетки акрихина и стали лимонно-желтыми. Вдобавок у всех появились незаживающие пендинские язвы, тоже переносимые комарами. У отца язвы были на локтевых сгибах обеих рук, у меня на щиколотке, у Ильи на щеке. Отец ничего не мог делать руками, я почти не мог ходить, Илья показывал язык через гнилую дыру в щеке. Мама держалась и, хотя ее саму часто лихорадила малярия, ухаживала за нами. Еще не совсем поправившись, мы переехали на ферму Сенгрен-ли, кочующую вместе с овцами по Бадхызу.

Когда мы жили в Сенгрени

Мою лошадь звали Юрочкой...

Вечером я напоил ее и проводил на северный склон, или, по-здешнему, баир, где еще сохранилась сочная и вкусная травка с цветами. Мы немного постояли рядом и поговорили, то есть говорил я, а Юрочка согласно кивала. Потом я дал ей кусок черствого чурека и пошел домой. Юрочка посмотрела мне вслед, кивнула еще раз и начала пастись.

Солнце уходило за холмы, спадала дневная жара. Это садилось солнце восьмого мая 1945 года, но мог ли я знать, какие события нес нам завтрашний день! Поэтому вечер был самый будничный. Вся наша семья в ожидании вечернего чая собралась около дома и сидела вокруг костерка. «Дом» – это громко сказано; обиталищем нам служила палатка-землянка, выкопанная на склоне крутого холма. Вместо крыши – большой кусок грубого брезента, накинутый на импровизированные стропила. Стропилами служили дуги из связанных в длинные пучки тамарисковых прутьев. Посреди пола обложенное камнями кострище, а сверху спускается цепь, на которой висит казан... Вот в таких условиях мы живем в южной Туркмении на кочевой ферме каракулеводческого совхоза Чемен-а-бит уже целых два года.

Центральная усадьба совхоза расположена на левом берегу реки Кушки, а наша ферма, окруженная двенадцатью отарами с двадцатью тысячами овец, кочует по Бадхызу на правом берегу этой реки. Бадхыз – это предгорья хребта Копетдаг, пограничного с Ираном и Афганистаном. Холмистая местность на высоте около шестисот метров. Склоны – то пологие, а то и очень крутые. Климат почти горный, осадков здесь побольше, чем в Каракумах, а потому и растительность побогаче.

Мне тринадцать лет, и я принадлежу к поколению, чье детство кончилось двадцать второго июня в «сорок первом, сорок памятном году». Для меня это не просто красивая фраза. Моя короткая на тот момент биография успела вместить первую и самую страшную зиму ленинградской блокады, три месяца я был на фронте как «сын полка», в артиллерийской разведке. Яркой и страшной картиной осталась в памяти ладожская «Дорога жизни». Эшелон, из которого я вынес на руках и оставил на платформе своего умершего от голода брата Вовку… На каждой станции оставались лежать у вагонов завернутые в одеяла трупы ленинградцев. Их оставляли молча, почти без слез. Некоторые молились, но почти никто не плакал.

С того времени я навсегда перестал смеяться. Улыбаться могу, а смех не получается. Я забыл, как это делается. И, наверное, не один я стал таким суровым из тех, кому выпала судьба блокады или фронта…

На ферме, в отдаленных от железной дороги предгорьях Копетдага, кроме нашей семьи, больше не было русских. Кругом в юртах жили в основном туркмены. Было еще немного казахов и узбеков. У нас юрты не было, и мы выкопали себе землянку в склоне холма.

Соседи нас жалели и, кто чем мог, помогали нам жить в непривычных для нас условиях. Кто-то подарил большую кошму, чтобы прикрыть земляной пол. Подарили казан с цепью. Почти сразу соседи стали дарить нам кто ягненка, кто коз-

ленка, а кто и взрослого барана. Скоро у нас образовалась собственная маленькая отара, голов в пятнадцать.

Мой отец, из-за очень сильной близорукости не попавший на фронт, стал работать бухгалтером фермы – вести учет коз и овец. Он записывает и подсчитывает, сколько ягнят забито на каракуль, сколько брынзы приготовлено из овечьего молока, сколько настрижено шерсти и сколько овец загрызли волки. Вот и сейчас, пока готовится чай, он уткнулся носом в бумаги. Его «рабочий кабинет» состоит из больничной тумбочки и табуретки. Старинные счеты красного дерева с медными уголками лежат на коленях, отец ловко и быстро щелкает костяшками.

– Вырастешь – говорит он мне, – обязательно напиши рассказ или повесть. И пусть эта повесть будет называться «Когда мы жили в Сенгренли»…

И вот на углях костерка в туркменской тунче вскипела вода. Мама заварила чай и позвала всех к столу. Наш клеенчатый «стол» тоже вполне соответствует местным обычаям, он расстелен прямо на земле у огня. На нем чуреки, жареная брынза, кишмиш. Брынза свежая, еще не созревшая, и, опасаясь бруцеллеза, мы режем ее ломтиками и жарим на сковородке на хлопковом масле. Вместе со свежим чуреком и кишмишом очень вкусно.

Только налили по первой пиалушке чаю, как подъехал на лошади наш башлык, то есть директор фермы, – Ага-Нияз. Выглядел он озабоченным. Поздоровавшись, он принял у мамы пиалу с чаем, торопливо выпил, а потом сказал, что надо срочно отвезти на центральную усадьбу совхоза бухгалтерский отчет о работе нашей фермы за апрель месяц.

– Сегодня уже восьмое мая, а десятого к главбуху приедет ревизия из треста «Туркменкаракуль». Если отчет готов, лучше его отправить прямо сейчас, чтобы к утру был в конторе!

– Почти готов, – ответил отец. – Вот поужинаем, и через полчасика могу вам отдать его на отправку.

Башлык уже спокойно, без спешки, выпил еще пиалу чаю с вяленой дыней, помолчал и, посмотрев на меня, сказал:

– Сейчас овцы ягнятся, надо забивать ягнят на каракуль, стричь шерсть и делать брынзу. Все настоящие мужчины на фронте, работают старики, женщины и совсем молодые огланы, а даже не джигиты. Наши аксакалы считают твоего сына джигитом и дали ему такую хорошую лошадь не только для того, чтобы он учил ее всяким фокусам. Пусть собирается, едет по холодку и везет твой отчет, нужный завтра в конторе.

– Да ему же тринадцать лет всего! – запричитала мама. – Одному ночью ехать за сорок верст по диким горам!.. Не пущу! Пусть хоть вместе с Ильей едет, вон, даже в отчете написано, что за прошлый месяц волки двадцать семь овец зарезали...

Башлык отхлебнул еще чаю.

– Илья, – сказал он, – завтра будет водить верблюда у колодца и поить овец, а твоему сыну уже почти четырнадцать. И он был на фронте. Все знают, какой у твоего джигита хороший нож-пичак, и он умеет с ним хорошо обращаться. Волки тоже знают. Они будут убегать от твоего сына подальше…

В Туркмении женщина, по этикету, не имеет права спорить с чужим мужчиной, а с башлыком и подавно. Тем не менее, мою маму, как русскую женщину, Ага-Нияз вежливо выслушал, превратил ее возражения в шутку, пожелал мне хорошей дороги и уехал.

Можно понять мамины страхи, но начальник был прав. Да и сам я не видел в предстоявшем мне путешествии ничего уж такого особенного. Подумаешь, за сорок километров ночью по знакомым горам на лошади съездить. Одно удовольствие! Да это еще и не настоящие горы, а только предгорья Копетдага – Бадхыз.

Отец стал заканчивать отчет, а я, пока было еще светло, пошел за Юрочкой. Она паслась почти там же, где я оставил ее, и, наверное, очень удивилась, когда я на ночь глядя явился за ней с уздечкой. Впрочем, кусок чурека и горсточка кишмиша с чайного стола тут же растопили ее сердце, я забрался ей на спину и охлюпкой потрусил к дому. Отец уложил папку с отчетом в черный школьный портфель, мама приготовила узелок с едой и пару бутылок воды с деревянными пробками. Я вынес туркменское седло с самодельными деревянными стременами, засунул в переметную суму-хурджум портфель с отчетом, еду и теплую курточку. Ночью в горах будет холодно…

Быстро темнело, вот уже появились первые звезды. Я посмотрел на ковш Большой Медведицы… Это только в кино, отправляясь в дальний путь, лошадь почему-то пускают сразу галопом. В жизни все делается иначе… Мы с Юрочкой шагом стали подниматься к перевалу, за которым пологая долина выводила к наезженному пути из урочища Чай-Нуры к реке Кушке. Заблудиться в темноте я не боялся. Сколько раз мы с Юрочкой водили караван по этому пути на центральную усадьбу совхоза и обратно! Еще когда наша семья только начинала жить кочевой жизнью, меня назначили помощником караванщика. Караван-баши, казах Юзбай, был маленький, кривоногий и очень злой старикашка в неизменной лисьей шапке. Он вечно ругался, причем сразу на трех языках: казахском, туркменском и русском. Если бы не злой нрав, Юзбай был бы хорошим караванщиком. Он умел вьючить верблюдов, знал караванные пути, умел находить дорогу по солнцу и звездам и меня всему этому учил. Караванные премудрости мне были до того интересны, что я терпел злость и ругань старого Юзбая, слушал его и слушался. Верблюды были не так терпеливы, как я. На грубое обращение они отвечали злостью и плевками. Юзбай жестоко бил их палкой, заставляя подчиняться.

…Ручка ковша Большой Медведицы, служившая мне часами, медленно поворачивалась в небесах. Дорога пошла под уклон, но я посоветовал Юрочке не спешить, и мы продолжали двигаться спокойным шагом. В пути очень хорошо думается. Наверное, поэтому среди кочевых народов всегда было так много звездочетов, философов и поэтов… Во время длинных ночных переходов с караваном ко мне часто возвращались воспоминания о блокадном Ленинграде. Вот мы поднялись на очередной перевал, и справа, на юге, звездное небо заслонили темные силуэты гор Копетдага. Легко было вообразить, будто там, у горизонта, сгустились черные дымные тучи. Или даже не черные, а желто-зеленые и от этого еще более страшные. Я видел такие восьмого сентября 1941 года, в самом начале блокады, когда

горели Бадаевские склады. То есть сахар, мука и прочие запасы Ленинграда на случай войны… Женщины стали плакать, но потихоньку. Все боялись быть уличенными в распространении паники.

Во время воздушных тревог жильцы верхних этажей дежурили на чердаках и крышах, чтобы тушить «зажигалки». Я вспоминал, как в начале блокады тоже дежурил на чердаке вместе с жившим двумя этажами ниже академиком Василием Васильевичем Струве. На дежурстве мы со старым академиком отпиливали от чердачных стропил по чурке, чтобы, нащипав ее потом на лучинки, жечь в буржуйке вместе с книгами из дедушкиной библиотеки.

В ноябре семью Василия Васильевича вывезли самолетом на Большую землю, а по иждивенческим карточкам стали выдавать только по сто двадцать пять грамм блокадного хлеба.

Вспоминая блокаду, я закрывал глаза, и пережитое разворачивалось передо мной, как на экране. Вот только Юрочка не знала, что я ехал с закрытыми глазами и вспоминал все пережитое за войну, поэтому мы проехали мимо того места, где нужно было сворачивать на дорогу к совхозу. Возвращаться не хотелось… Мы двинулись дальше бездорожьем, ориентируясь по звездам. Спасибо Юзбаю! Все же он кое-чему умному меня научил!

Когда наш караван привозил в Сенгренли пресную воду или свежие овощи, старый казах сам все делил и выдавал работникам фермы и чабанам. Делил, прямо скажем, не по-честному и выдавал не всегда справедливо – туркменам поменьше, а казахам побольше, за что и был однажды крепко бит туркменскими чабанами. Чабаны действовали своими чабанскими палками, похожими на хоккейные клюшки, только помассивнее…

Наказанный Юзбай долго болел, но караван не может ждать, пока поправится караванщик, и пришлось нам с братом Ильей несколько раз обходиться без нашего караван-баши и самим вьючить верблюдов и водить караван.

Поначалу мы хлебнули лиха. Верблюды не желали нас слушаться. Вьюки были для нас слишком тяжелыми. Мы боялись заблудиться среди однообразных баиров Бадхыза… Ничего! Верблюды только на вид страшные. Но на самом деле они очень умные и прекрасно понимают доброту и хорошее обращение. Сперва мы подолгу их уговаривали и задабривали дынными корками, но все-таки добивались того, чтобы они ложились для завьючивания. Вьюки стали делать поменьше и вместо двух больших наловчились грузить на верблюда по четыре маленьких… Только веревок надо было гораздо больше. Ну не про верблюда, а про ишака туркмены говорят: «Когда вьючишь ишака, то сколько бы у тебя ни было веревок – все равно одной не хватит». Вот и нам не хватало. Хорошо, что, когда мы грузили караван, к нам подходил старый Овез-Абдрахман и помогал нам советами.

Башлык Ага-Нияз подарил нам компас, но мы все равно больше доверяли солнцу и звездам. А когда привозили пресную воду и овощи, то правильно раздавать их нам помогал всеми уважаемый аксакал, бобо Овез-Абдрахман.

Через некоторое время Юзбай поправился, но аксакалы уговорили башлыка дать ему другую работу, а водить караван доверить нам с Ильей.

Караванных верблюдов ничем не подкармливают. Поэтому после каждого похода они отдыхают на свободе не меньше недели, отъедаясь своей любимой верблюжьей колючкой – янтаком. Но мы с Ильей ходили к отдыхающим верблюдам и носили им, в виде лакомства, и более вкусные подачки: дынные и арбузные корки.

Когда караванные верблюды отдыхали, меня посылали к колодцу водить туда-сюда верблюда, таскавшего на канате из глубины больше ста метров тяжеленную кавгу – брезентовый мешок с водой, емкостью ведер на пять. Дедушка Овез-Абдрахман зачерпывал воду, раскачивая канат, и, когда верблюд вытаскивал кавгу наверх, опрокидывал ее в желоб бетонированного водоема – гаудана.

– Верблюду надо отдохнуть, – говорил он нам, не желая признаваться, что устал сам. Тогда мы отводили верблюда попастись, а сами устраивали чаепитие где-нибудь в тени.

В молодости Овез-Абдрахман служил пловчи на кухне при дворе эмира Бухарского, очень этим гордился и любил порассуждать о тонкостях восточного этикета и о мусульманских обычаях. Мы с Ильей слушали дедушку Абдрахмана, правда, не все понимали, о чем он рассказывал. Но старику нужны были слушатели, способные перенять его знания и премудрость, а где же таких было найти, кроме нас?..

Поблизости от колодца находился большой агыл. Это такая площадка, огороженная высоким плетнем из тамариска. Внутри между вкопанными столбами растянуты канаты, а на них через каждый метр укреплены ошейники-куканы с петлей и узлом. Раз в три дня чабаны пригоняли отары к колодцу на водопой. Напившиеся овцы некоторое время отдыхали, а потом их загоняли в агыл на дойку. Ведь маленьких ягнят этих овец забивают в трехдневном возрасте на каракуль, а из молока овец делают брынзу. Около агыла был навес, в тени которого чабаны и их друзья пили чай и беседовали. Этот навес мы называли чайханой. Там-то мы обычно и слушали нашего аксакала, когда «верблюд уставал»...

…Мои воспоминания были прерваны резким воем и визгом стайки шакалов, которые пытались кого-то поймать в зарослях. Я осмотрелся: мы уже поднялись на самое высокое место между нашей фермой и долиной реки Кушки. К середине ночи резко похолодало. Я спешился и достал из хурджума курточку, потом узелок с едой. Разнуздал Юрочку и, не спутывая, отпустил попастись. Я не боялся, что она уйдет далеко, тем более – что убежит. Я знал: стоит свистнуть, и Юрочка подойдет ко мне сзади. Положит голову мне на левое плечо, подтолкнет и вздохнет в щеку…

В кармане куртки у меня всегда лежали для разжигания огня кремень, кресало и хлопковый трут в трубочке из винтовочной гильзы. Я собрал топлива, высек огонь и сел отдохнуть у костерка. Мама позаботилась обо мне и даже положила в хурджум маленькую тунчу для чая, половинку чурека, кусок когурмы и плетенку сушеной дыни.

Земли нашего совхоза граничили с территорией Бадхызского заповедника. Весна в южной Туркмении – самое благодатное время. Склоны холмов покрыты ковром сочных трав. Очень много крупных тюльпанов. Распускаются верблюжья

колючка и тамариск, чьи цветы похожи на кисти сирени. Красуются ферулы – толстые зонтичные дудки в человеческий рост с цветами размером побольше ладони, только пахнут противно. К сочным пастбищам спускаются с гор круторогие архары. Проносятся табунки тонконогих антилоп-джейранов. Пасутся дикие ослы куланы. В небе кружатся орлы и коршуны. В траве и кустах мелькает всяческая ползучая и прыгучая мелочь: зайцы, тушканчики, ящерицы, змеи, черепахи... Ну, это как еще сказать – мелочь! Я видел ящериц-варанов метра по полтора длиной, напоминавших маленьких крокодилов... Все это буйство дикой жизни, почти не скрываясь, окружало нас днем, а ночью, сидя тихо у костерка, я слышал вокруг себя топот, шуршание, чавканье, какие-то писки и визги. Тишины не было. На свет костра прибежали две большие мохнатые фаланги. Я их пожалел и откинул прутиком подальше от огня.

Шакалы, наконец, кого-то поймали и потащили на съедение своим шакалятам, а я пил чай и вспоминал, как мы с Ильей впервые знакомились с чабанами отар, окружавших нашу ферму.

Правильной вежливости в присутствии старших дедушка Абдрахман ага нас заранее научил, и мы с Ильей, поздоровавшись, сели на кошму прямо возле входа, как самые молодые.

Наше появление прервало чтение газеты «Правда», которую держал в руках чабан Саид-Непес. После приветствий нам подали по пиале чаю. Аксакала Абдрахмана пригласили на почетное место к дальней стене в глубине навеса, а Саид-Непес вновь взялся за газету. Фронтовые новости в его исполнении становились полной абракадаброй, он перечитывал текст по нескольку раз, пытаясь понять его смысл. Сперва про себя, потом вслух с разными интонациями. Когда читалась следующая фраза, смысл предыдущей успевал позабыться. К плохому знанию русского языка прибавлялись трудности со шрифтом. До революции в Туркмении применялась арабская вязь. В середине двадцатых годов ее заменили латиницей, а перед самой войной перешли на кириллицу с несколькими специальными буквами. «Арапча, латынча, урусча – шайтанча!» – ругался один из старых чабанов. Звали его Курт-Куртлы.

– Пусть урус-оглан газэт читает, – предложил вдруг Абдрахман-баба. И кивнул на меня.

Я взял газету и стал читать, попутно подробно объясняя написанное. Когда чабаны узнали, что я был на Ленинградском фронте и могу рассказать про войну не газетными словами, а так, как сам все видел, – меня сразу пересадили на середину кошмы, вокруг которой собрались гости. Это был знак немалого уважения. Даже скажу, забегая вперед, что тогдашнее чаепитие с чабанами во многом определило мою дальнейшую жизнь в Сенгренли…

Костерок догорел, я забросал угли песком и позвал Юрочку, а пока она подходила – собрал хурджум. Ехать было еще далеко. Начались небольшие взгорки и длинные спуски. Юрочка все порывалась рысить, но я сдерживал ее и ехал шагом. Не имело никакого смысла являться в контору совхоза слишком рано, когда все еще спят по своим домам.

Вообще-то мою лошадь звали Юрга… Это слово казалось мне слишком грубым для такой красивой и вежливой лошадки, и я называл ее Юрочкой. Как же мне с ней повезло!.. А все началось с того, что Мурад, сын Саид-Непеса, увидел у меня трофейный немецкий нож фирмы «Золинген». Этот нож так Мураду понравился, что он несколько дней ходил за мной и постоянно приставал:

– Давай обмен, а то друг не будешь!

Отец объяснил мне, что в Туркмении лучше иметь хорошего друга, чем хороший нож. К тому же на обмен Мурад отдавал мне настоящий туркменский пичак с роговой рукояткой и в ножнах, отделанных серебром. Мы торжественно обменялись ножами в чайхане, в присутствии чабанов и аксакалов. По местным понятиям, теперь мы были не просто друзья, а побратимы.

Когда я стал постоянно бывать в чайхане, читать чабанам газеты и рассказывать о ленинградской блокаде и о войне, туда несколько раз заходил и наш башлык Ага-Нияз. Однажды я упомянул о том, как в самое голодное время блокады, в конце ноября сорок первого года, я оставил маме и братишке свою хлебную карточку и на попутной машине добрался на фронт в Колпино. Артиллерийские разведчики меня не прогнали – приютили в каптерке у старшины. Рядом была солдатская кухня, а я стал вестовым у старшины и у повара. Наш штаб располагался в подвале длинного полуразрушенного здания из красного кирпича. Верхний этаж и помещения, расположенные в сторону немцев, были разбиты снарядами, зато сзади сохранилось несколько комнат и сухих подвалов. Меня поставили на солдатское пищевое довольствие. Конечно, на блокадном Ленинградском фронте солдаты тоже кормились впроголодь, но после иждивенческой нормы мне, десятилетнему мальчишке, солдатская пайка казалась необыкновенно сытной и вкусной... Я увлекся и стал рассказывать чабанам про тот бой, о котором поэт Александр Межиров написал стихи:

Мы под Колпином скопом стоим,
Артиллерия бьет по своим.
Недолет, перелет, недолет:
По своим артиллерия бьет!

Мне тогда удалось пробраться под пулеметным огнем на ту самую батарею, что стреляла по своим, и передать командиру записку о прекращении огня. По пути назад я еще помог сделать перевязку солдату, которого послали на батарею впереди меня, только он, раненный в ногу, не дошел. За этот бой меня даже к медали «За отвагу» представили…

– Джигит, побывавший на настоящей войне, должен не на ишаке ездить, а на хорошей лошади, – сказал Ага-Нияз.

И дал мне бумажку к табунщику с просьбой о ее выдаче.

На следующий же день я поехал на своем ишаке в ту сторону, где, как мне сказали, пасся совхозный табун. Путь проходил мимо коша чабана Саид-Непеса. Я проезжал от коша метров за двести, но собаки меня все равно заметили и облаяли, а на шум вышел из юрты мой новый друг Мурад.

Не подъехать и не поздороваться было бы нарушением восточных обычаев. Мурад обрадовался, что я приехал к нему в гости, и позвал своего отца:

– Друг приехал, мы с ним ножами менялись! Надо барана резать, достархан делать…

Достархан, если кто не знает, это скатерть с угощением для дорогих гостей. Напрасно я пытался объяснить, что еду по делу, в табун за лошадью:

– Вот, у меня и кагаз бар… – то есть бумага от башлыка есть…

Бумагу изучили, и оказалось, что табунщик Клыч – ука, сиречь младший брат, чабана Саид-Непеса.

– Будем барана резать, – твердо сказал хозяин юрты. И указал мне на двухтысячную отару: – Выбирай.

Я растерялся. Саид-Непес говорил со мной как со взрослым уважаемым гостем. Может, он просто шутит?

– Наверно, – улыбаясь, подсказал отец Мурада, – тебе кажется вкусным во-он тот молодой пегий барашек? Мясо у него, наверное, не слишком жирное, а если молодое, то уж и подавно, что не жесткое...

Я согласился. Пегих ягнят не режут на каракуль и не оставляют на племя. Их выращивают на мясо. Чабаны собственных баранов пасут в общей отаре, вместе с совхозными. В качестве тавра на ушах у ягнят вырубают специальными щипцами треугольники или квадратики, по которым потом узнают, чей это баран. Только у чабанских овец весной всегда рождается по два ягненка, а у совхозных почему-то, в основном, по одному.

Выбранного барана зарезали, и, пока готовился бешбармак, другой сын чабана успел съездить за табунщиком Клычем.

Мы пили чай, потом ели мясо – и опять долго-долго пили чай с вяленой дыней и с кишмишем. Меня просили еще раз рассказать для всей чабанской семьи про блокадную зиму в Ленинграде, про «зажигалки» и руины многоэтажных домов, про пожар на Бадаевских складах, про саночки с покойниками, которые женщины и дети везли мимо нашего дома по Малому проспекту на Смоленское кладбище. Женщины охали и причитали, а старенькая бабушка Мурада Фатима апа плакала…

Только под вечер мы все вместе отправились в табун выбирать для меня лошадь. Саид-Непес и его брат табунщик ука Клыч долго и горячо спорили по-туркменски, указывая то на одну лошадь, то на другую… и наконец заарканили для меня молодую и очень красивую кобылку ахалтекинской породы – светло-рыжую, с большим белым пятном на лбу и на холке.

Звали ее Юрга. По-туркменски «юрга» – иноходец. Моя лошадка и была иноходцем с мягкой, бархатной рысью.

«Хорошо, – думал я, – иметь друга, у которого дядя табунщик!»

Только потом я узнал, что в свое время эту лошадь объезжал и полтора года ездил на ней старший брат Мурада – Алиджан. В самом начале войны Алиджан добровольцем ушел на фронт, окончил краткосрочные командирские курсы и воевал под Ленинградом – на Волховском фронте. Год назад на Алиджана пришла похоронка… А теперь его лошадь отдали мне, ленинградцу.

Вот как повернулась судьба!..

Из табуна к кошу Саид-Непеса ехали молча. Ука Клыч провожал нас. Я по-прежнему ехал на ишаке, а Юргу вел в поводу. Около коша опять о чем-то заспорили на туркменском языке. Саид-Непес спрыгнул с коня и ушел в юрту, велев нам стоять на месте и ждать. Я слышал, как внутри юрты снова начался спор, на сей раз с женщинами. И вот, наконец, Саид-Непес вынес из юрты большой чурек и туркменское седло без стремян.

– Покорми Юргу, – сказал он мне. – Потом дай ей понюхать седло, а потом будешь седлать.

Я еще не знал, что это было седло Алиджана… По мнению Саид-Непеса, на нем еще должен был оставаться запах его погибшего сына. И, конечно, запах пота самой Юрги.

Я скормил чурек лошади, давая ей на ладошке по маленькому кусочку. В табуне лошадей лакомствами не балуют, но Юрга брала кусочки чурека мягкими губами очень вежливо, без жадности. Потом я накинул длинный повод на локоть и стал седлать. Юрга стояла спокойно, чуть ли не подставляла под седло свою спину.

– Теперь садись, и она тебя признает хозяином, – сказал ука Клыч, подсаживая меня на лошадь.

Сидеть пришлось без стремян... Старинные фигурные стремена Алиджана успели перейти к Мураду, а я потом сделал себе простенькие, но прочные, из тамарисковых сучков.

Мы с Юрочкой как-то быстро подружились, а ведь запросто могли бы вовсе не встретиться. Дело в том, что в начале Отечественной войны вышел приказ о мобилизации лошадей на фронт. Мобилизацию (это уж как у нас водится…) проводили люди, совсем не сведущие в коневодстве. Они просто выполняли важное партийное задание отправить на фронт возможно большее количество конского поголовья. Между тем наш совхоз находился не где-нибудь, а в Текинском оазисе. Именно здесь туркменские аксакалы еще пытались сохранить одну из самых древних и знаменитых пород верховых лошадей – своих легендарных ахалтекинцев. И вот это-то, без преувеличения, бесценное народное достояние собирались отправить на тяжелую работу и верную гибель! Туркмены, вроде нашего Саид-Непеса, отдавали фронту своих сыновей, но ахалтекинцев – наследие предков они в тот раз сберегли.

В степи и в пустыне издревле существует никому не понятный и ничем не объяснимый феномен быстрой передачи информации на большие расстояния – так называемый «узун кулак», что означает «длинное ухо». Как только большие начальники стали ездить по табунам для мобилизации лошадей, «узун кулак» тотчас побежал впереди них, и табунщики стали угонять лучших коней в пустыню на дальние колодцы, а на их место собирать других лошадей, гораздо менее ценных. Количество коней в табуне при этом сохранялось, недостачи у табунщика не было, вот только лошади зачастую оказывались непригодны для фронта. Еще бы! «Узун кулак» сообщал, что на ахалтекинцев наденут хомуты, заставят возить пушки и снарядные ящики… Так случилось, что Юргу Алиджана не успели отогнать на дальний колодец. Спасая кобылу, за два дня до приезда комиссии ей под потник положили ржавую железяку. Чабан с ближней отары часа два скакал на Юрге, сбив

ей холку в кровавую рану. Потом рану замазали грязью и подсыпали в нее белых червей-опарышей. Комиссия Юргу сразу забраковала. Когда начальники отбыли, рану почистили и смазали ихтиоловой мазью. Холка вскоре зажила, только осталось большое белое пятно. Юрга третий год свободно гуляла в табуне, но чабана Курт-Куртлы она запомнила. И очень не любила. Когда он приезжал в гости к ука Клычу, Юрга всегда его замечала и уходила от табуна далеко в сторону. Так, на всякий случай…

Под Ленинградом воевало много туркмен, и несколько сот из них погибли. Недавно на Пискаревском мемориальном кладбище установлена памятная плита туркменам, отдавшим свои жизни за оборону Ленинграда.

Я сразу понял, что Алиджан очень сильно любил свою лошадь и хорошо с ней обращался. Недаром мне показалось, что во время той первой седловки Юрочка сама подставляла мне свою спину! За время, проведенное в табуне, она успела соскучиться по человеческой доброте – и теперь с явной радостью привыкала к ней вновь.

Поначалу я отпускал лошадь пастись, спутывая ей передние ноги. Помню, как мне хотелось заслужить ее доверие и любовь, чтобы в путах больше не было необходимости! Я по нескольку раз в день ходил туда, где она паслась, и приучал Юрочку подходить ко мне на свист. Я привязывал ее на очень длинную веревку и отпускал, потом начинал подзывать ласковыми словами и свистом, одновременно подтягивая веревку. Когда лошадь подходила, я давал ей что-нибудь вкусненькое. Смышленая ахалтекинка скоро поняла, что от нее требовалось. Спустя несколько дней я только показывал лакомство, а когда Юрочка к нему тянулась – поворачивался к ней спиной, клал ее голову себе на левое плечо и тут-то угощал. Через неделю Юрочка без всякой веревки сама подходила на свист, вставала сзади и прижималась своей щекой к моей голове. При людях мы проделывали напоказ этот фокус просто «за спасибо», но наедине я старался Юрочку не обманывать. На правом боку у меня всегда висел клеенчатый мешочек с чем-нибудь вкусным. Лошадь, конечно, знала, что там лежит лакомство, но знала она и то, что каждый кусочек следует сперва заработать.

У нас в землянке не было почти никаких книг, но отец достал где-то книжку циркового дрессировщика Дурова – зачитанную до дыр и без обложки. Вот по этой книжке мы с братом Ильей и воспитывали наших животных: Юрочку, ослика и даже барана Мемешку. Я научил Юрочку «соглашаться» с тем, что я ей говорил: в ответ на мои слова она кивала головой. По моей просьбе она умела ложиться, вставать на дыбы и даже приплясывать под частушки…

Пока я раздумывал, чему бы еще научить Юрочку, наступило утро, и мы подъехали к широкому спуску в долину реки Кушки. На противоположном берегу зеленели густые сады центральной усадьбы совхоза Чемен-а-бит, а посередине реки стоял американский трехосный автомобиль «Студебеккер» с заглохшим на переправе мотором. Война уже подходила к концу, так что американская помощь в виде этого «Студебеккера» добралась и до нашего совхоза, очевидно в обмен

на каракулевые шкурки. На крыше кабины сохли коричневые полуботинки, а на сиденье, скрестив ноги по-турецки, важно сидел – босиком, но в пиджаке, при галстуке и шляпе – член парткома совхоза.

– К вам еду, на ферму Сенгренли, – сказал он мне. – Вот, мотор заглох, на переправе залило. Шофер в гараж за трактором ушел, а мне даже не выйти, вокруг глубоко... Брюки глаженые замочу.

– Если вы за отчетом… – начал было я, но он отмахнулся:

– Какой отчет? Митинг проводить еду! По железнодорожному телеграфу сообщили – война кончилась! Победа!

День Победы

Так вот каким оказался этот новый день – девятое мая тысяча девятьсот сорок пятого года…

Победа!!!

Мир перевернулся и засиял, краски рассвета слились в одну огромную радугу.

Я, весь в брызгах, рванул через реку в контору… Конечно, там никто не работал. Все стояли и сидели в садике перед конторой, шумели, каждый радостно говорил что-то свое. Не слезая с лошади, я нашел главбуха Всеволода Антоновича, но он не стал со мной разбираться, только махнул рукой в сторону конторы:

– На стол ко мне положи…

Наклонившись с седла, я закинул папку с отчетом по нашей ферме в окно на стол главбуха и, развернувшись, полетел в брызгах через реку обратно в горы.

На переправе через Кушку трактор к «Студеру» еще не подошел. Переправляясь через речку, я помахал рукой парткомовцу и свернул через прибрежную чащобу на более короткий путь – через два крутых перевала, по которым ночью ехать побоялся.

Юрочка, наверное, почувствовала мое состояние… Безо всякого понукания она понеслась размашистой рысью по незнакомому ей пути через заросли тамариска, камыша и джидовника. Колючие ветви хлестали нас по бокам, но мы этого не замечали, мы мчались вперед и вперед к очень высокому и крутому склону на краю долины реки Кушки, за которым было холмистое плато баиров Бадхыза.

Вот заросли кончились, зато склон долины резко пошел вверх. Юрочка перешла на шаг. Я все больше наклонялся вперед, ложась на лошадиную шею, но наконец был вынужден спрыгнуть наземь, и мы с Юрочкой даже не пошли, а полезли дальше вверх. Юрочка была хорошо подкована, но мои башмаки из мягкой кожи скользили. Я пустил лошадь вперед и схватился за ее хвост. Когда я падал, моя умница всякий раз ждала, пока я встану и опять намотаю на руку ее хвост. Наверное, ей было неприятно и даже больно, но она терпела. Раскаленное туркменское солнце жарило наши спины на крутом, голом, сухом и сыпучем откосе крутого склона...

Взмокшие, задохнувшиеся, мы, наконец, вылезли на плато Бадхыза. Я упал в зеленую траву. Юрочка стояла рядом, тяжело отдуваясь. Понадобилось несколько минут, чтобы в ушах прекратился звон, восстановилось дыхание, а мысли начали немного проясняться. Я встал… Мы пошли рядом по зеленой траве среди цветов. Метров через сто Юрочка остановилась, вздохнула, повернулась ко мне боком и оглянулась, как бы говоря: «Ладно уж, садись…».

Я забрался в седло – и Юрочка перешла на свою мягкую, но размашистую рысь иноходца.

Баиры Бадхыза похожи на наши лыжные холмы в Кавголове под Петербургом, только там они значительно выше. Как пишут ученые географы, на склонах баиров растут фисташковые рощи. На самом деле это слишком громко сказано – рощи. Фисташковые деревья невысокие и растут реденько – метрах в двадцати друг от друга, если не больше. В предгорьях Копетдага еще продолжалась буйная весна. Всюду высокая зеленая трава, крупные яркие цветы и кишит непуганая живность. Чтобы не терять время на подъемах и спусках, мы с Юрочкой помчались плавными дугами по склонам баиров в сторону нашей фермы. Дорогу мы давно потеряли, я просто держал общее направление, ориентируясь по солнцу. Вот когда опыт караванщика меня выручил! Все же наш караван-баши казах Юзбай, сквернослов и злодей, кое-чему успел научить нас с Ильей, пока мы ходили с караваном под его руководством, – спасибо ему…

Какой здесь был рай по сравнению с той кручей, на которую мы с Юрочкой карабкались из долины Кушки по пыльной и жаркой стене! Какой свежий воздух, напоенный запахами трав и цветов! На небе даже появились белые облачка и своей тенью прикрыли нас от жгучего солнца. Плавная иноходь Юрочки позволила, наконец, что-то спокойно соображать…

Сперва, узнав о Победе, я просто ошалел от неожиданного счастья и захотел как можно быстрее разделить его со своими родными и всеми хорошими людьми, жившими в Сенгренли. «А вдруг он, этот “Студер”, там надолго застрял? – думалось мне. – Если не потороплюсь, они до завтра ничего не узнают...»

Как же мне хотелось оправдать то доверие и уважение, с которым даже аксакалы всегда слушали мои рассказы о блокаде, о фронте и о «Дороге жизни»! Мыслимо ли заставлять их ждать несколько лишних часов?! «Студебеккер» будет рычать мотором, подымаясь в горы по серпантинам окружной дороги, а мы с Юрочкой поскачем напрямую, нам с ней дороги не обязательны. Только бы лошадка не подвела. После ночного перехода в сорок километров, пускай и неспешного, нам теперь предстояла бешеная скачка и опять на сорок километров, но вверх по горным склонам на пределе скорости и оставшихся у нас сил.

«Ну, Юрочка, давай… спокойненько… мы с тобой хоть и устали, но уж как-нибудь разложим наши силенки на весь оставшийся путь…»

А в голове у меня все крутился рассказ отца о победе греков над персами в битве при Марафоне за пятьсот лет до нашей эры. Тогда греческий воин пробежал с этим известием сорок два километра до Афин. Сообщил о победе, упал и умер. И вот у нас с Юрочкой тоже дистанция в сорок километров, и мы тоже несем весть

о Победе… причем о победе намного более значительной, чем та, Марафонская!

«Мы эту радостную весть обязательно донесем… – твердил я ветру, выжимавшему слезы из глаз. – Донесем, чтобы все узнали… и сами обязательно живы останемся!».

И вот мы оказались перед последним крутым подъемом. За перевалом – долина Сенгренли с юртами нашей фермы. На склоне, куда нам предстояло подняться, чабаны пасли отары, и овцы натоптали многочисленные тропинки. Здесь мы снова двинулись шагом, вычерчивая зигзаги. В какой-то момент я оглянулся налево и увидел: далеко впереди по серпантинам дороги на эту же гору лез «Студебеккер». А справа внизу, в долине, чернели знакомые юрты…

Я привстал на стременах… Почти не передохнув, мы – какое там рысью, полным карьером! – полетели наискось вниз по широкому склону. Финиш был близко, силы уже не берегли. Весь склон был покрыт сплошным ковром алых тюльпанов. Юрочка срезала цветы копытами, тюльпаны брызгами разлетались в разные стороны…

Умом я понимал, что сломя голову нестись вниз по склону было очень опасно. Если лошадь попадет ногой в нору сурка или суслика, то «сломя голову» перестанет быть фигурой речи и обретет самый буквальный смысл. Мы так закувыркаемся, что… Нет, Господи спаси и сохрани, лучше об этом даже не думать! Тем более что зверьки боятся нападений хищников и убирают растительность вокруг своих нор. А моя Юрочка на то и ахалтекинка, чтобы все это знать, все видеть и осторожно перелетать через предательские ловушки… Иногда она, уже в полете, как-то извивалась змеей, чтобы не попасть ногой в яму сурочьей или сусликовой норы.

Мы ворвались на ферму, и я принялся хлестать по юртам камчой. Переполошенный народ выскочил наружу… а я гарцевал посередине на взмыленной лошади и не мог ничего сказать: только хрип из забитого ветром и пылью горла.

– По… бе… да, – наконец выдавил я. – Вой… на… кончилась!!!

Минут через десять после нас с Юрочкой прикатил «Студебеккер». Ботинки парткомовца смыло, когда машину дергал из реки трактор.

Босой, но в галстуке парткомовец залез в кузов машины, как на трибуну, чтобы проводить официальный митинг, а я не спрыгнул – упал с лошади. Рядом оказался Мурад. Он заставил меня подняться, велел ходить самому и водить лошадь, пока мы оба не отдышимся и немного не придем в себя. Помню, как он шагал рядом и все гладил по плечам то меня, то лошадь своего любимого брата Алиджана, погибшего под Ленинградом...

Потом меня отвели в ближайшую юрту и отпаивали кислым молоком. Юрочку увели старики. Они еще долго ухаживали за ней, массировали и растирали ей мышцы. Я же свалился на кошму и уснул…

Парткомовцу сказали, что про Победу все уже знают, а митинг нужно проводить, когда на ферму соберутся чабаны. Башлык Ага-Нияз велел всем, кто был на ферме, выйти на горку около нашей землянки. По его жесту все дружно, в полный голос несколько раз прокричали в сторону чабанских кошей два слова:

– Фронт кутарды!

Это означало: «Война кончилась».

Люди поворачивались и кричали то же самое в другую сторону, пока не увидели в бинокль, что чабаны семьями отъезжают к нам от своих кошей. Вот, оказывается, как оно работает, это знаменитое «длинное ухо». Дружный крик удивительно далеко слышен в горах... Со всех сторон, оставив с отарами по одному человеку для присмотра, на ферму съехались чабанские семьи. Парткомовец провел, наконец, официальный митинг и отбыл, а народ стал готовиться к настоящему празднику.

Я спал и ничего этого не слышал, но часа через два меня разбудил дедушка Абдрахман.

– Пойдем, – сказал он. – Учить тебя буду, как настоящий плов для большого тоя (праздника) надо готовить.

Зря, что ли, в молодости баба Абдрахман был пловчи у эмира Бухарского...

На «Студебеккере» привезли с центральной усадьбы свежие овощи и другие продукты для праздника. Молодые парни уже чистили песком общественные чугунные казаны, а я впервые увидел, как надо правильно – тоненько и длинно – резать морковку для плова и, вообще, как надо готовить хороший «зирвак», то есть главную вкусовую приправу настоящего плова. Секреты кулинарного искусства аксакала Абдрахмана стали моим первым призом за дерзкую скачку по горным склонам. Когда мы нарезали почти всю морковку, я взял последние две штуки и отложил их в сторонку.

– Схожу, посмотрю, как там Юрочка… – сказал я дедушке Абдрахману.

Около нашей палатки-землянки лежали, высунув языки, шесть огромных собак – знаменитые алабаи чабана по имени Ораз-яз-Дурды. Они знали меня и даже не рыкнули, только приветливо помахали обрубками хвостов. Хозяин псов пил чай с моим отцом, а вокруг нашего жилья расхаживал его внук Юсуп. Он водил Юрочку, держа ее за недоуздок.

– Нельзя лошади после такой скачки давать ложиться, – сказал Ораз-яз-Дурды. – Ей обязательно ходить надо, много, много ходить…

Я скормил Юрочке обе морковки, потом вспомнил о мешочке с хорошим кишмишем, который мама припрятала к моему четырнадцатилетию, но разве можно что-нибудь как следует спрятать в таком жилище, как наше?.. Я достал кишмиш, дал горсть Юсупу, остальное мы честно съели с Юрочкой пополам, и я пошел обратно – помогать бобо Абдрахману делать зирвак для праздничного плова. Подходили женщины, приносили для тоя какую-нибудь вкусную еду – у кого что нашлось…

Вечером около чайханы для общего тоя были расстелены по кругу ковры и кошмы, вынесенные из юрт. Меня, молодого оглана, как вестника Победы, посадили на главный ковер рядом с уважаемыми аксакалами. Были и танцы, и борьба, и скачки... Вот чего не было совсем, так это алкоголя, запрещенного Кораном. Но и без него великолепно отпраздновали. И даже – при всей скудости военного времени – нашлись достойные призы, чтобы вручать победителям. Я в состязаниях не участвовал, но мне торжественно подарили стеганый красный халат, мерлуш-

ковую папаху для отца и шелковый платок для мамы. По-туркменски такие дары называются «суюнчи», то есть подарки гонцу, принесшему всему народу хорошую весть. Потом, уже в Ленинграде, на халат сверху нашили перелицованное сукно от маминой старой одежки. Получившееся из туркменского халата зимнее пальто еще долго меня грело...

...С того самого первого и главного Дня Победы прошло уже больше шестидесяти лет. Я сам давно стал аксакалом, то есть отрастил большую белую бороду, но каждый год, просыпаясь утром девятого мая, я снова прикрываю глаза и вижу, как разлетаются из-под Юрочкиных копыт алые тюльпаны на горном склоне Бадхыза...

Не зря на День Победы мои близкие всегда дарят мне букет тюльпанов. А я в этот день непременно делаю праздничный плов – так, как меня научил старый пловчи бобо Овез-Абдрахман.

АВТОРЫ НОМЕРА

АХМАД Ризо (Исмаил Ахмедов) – прозаик. Доктор педагогических наук, профессор. В настоящее время – на пенсии. Живет в Ташкенте.

БОРИСОВА Ольга – магистр богословия, секретарь редакционно-издательского отдела Культурно-просветительского фонда «Преображение». Автор исследований по истории Русской православной церкви XX века, православных братств, наследию новомучеников и исповедников российских. Живет в Москве.

ЕМЕЛЬЯНОВА Наталья – поэт. Преподаватель русского языка и литературы; директор воскресной школы храма во имя Всемилостивейшего Спаса Нижнего Новгорода. Публиковалась в журналах «Зеркало», «Дети Ра», «Слово/Word» и др. Живет в Нижнем Новгороде.

Иерей Александр КОЛОТОВКИН – настоятель храма Сретения Господня г. Бекабада, преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

Иерей Сергий КРУГЛОВ – поэт, публицист. Автор семи книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Служит и живет в Минусинске.

МУРАТХАНОВ Вадим – поэт, прозаик, критик. Автор пяти книг стихов. Публиковался в журналах «Арион», «Дружба народов», «Звезда Востока», «Октябрь» и др. Лауреат поэтической премии «Московский счет». Живет в Подмосковье.

ПАВЛОВ Дмитрий – историк Церкви. Окончил магистратуру Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), работал в Издательском совете РПЦ. Живет в Москве.

РЯБОВ Ефрем – историк, публицист, кандидат филологических наук. Живет в Москве.

Протоиерей Сергий СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

Иеромонах Михаил (СТОЛЯРОВ) – журналист, пресс-секретарь Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

СЫЧЕНКОВА Лидия – историк, искусствовед. Доктор исторических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия Казанского федерального университета. Автор многочисленных работ в области историографии, источниковедения исторического исследования, теории и истории культуры. Живет в Казани.

ЦАПЕНКО Анатолий – переводчик. В настоящее время – на пенсии; до выхода на пенсию в 2014 году работал заместителем директора по научной работе Научной педагогической библиотеки имени К.Д. Ушинского в Москве. Живет в Москве.

Содержание журнала «Восток Свыше» за 2019 год

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Андрей ПЕРМЯКОВ. «Я напишу про ложечку в стакане…». – № 1 (XLIX). С. 5-7.

Евгений КОНОВАЛОВ. Дорога в Эммаус. – № 2 (L). С. 5.

Наталья ЕМЕЛЬЯНОВА. Прихожане. – № 3-4 (LI). С. 5-6.

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

Евгений и Евгеник. 575 лет преставления святителя Марка, архиепископа Ефесского (19 января 1444 года). – № 1 (XLIX). С. 6-12.

Иулиания. 200 лет обретения мощей мученицы праведной Иулиании, княгини Вяземской, Новоторжской (2 июня 1819 года). – № 2 (L). С. 8-14.

Ясеновац. 75 лет преставления новомучеников Ясеновацких, пострадавших в 1944 году (31 августа 1944). – № 3-4 (LI). С. 7-16.

Новостные страницы *иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)*

Новости печальные и радостные. – № 2 (L). С. 14-16.

Почитаемые святыни, содействие изучению русского языка и другие новости. – № 3-4 (LI). С. 17-19.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Тема: Среднеазиатские архиереи

Борис ГОЛЕНДЕР. Первый туркестанский епископ. – № 1 (XLIX). С. 13-18.

Дмитрий ПАВЛОВ. Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова). – № 1 (XLIX). С. 19-47.

Евгений АБДУЛЛАЕВ. После Ташкента. Начало 1960-х годов в жизни архиепископа Ермогена. – № 1 (XLIX). С. 48-57.

Тема: Митрополит Гурий (Егоров)

Дмитрий ПАВЛОВ. Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова). – № 2 (L). С. 17-30.

Роман ДОРОФЕЕВ (при участии *Татьяны СТЕКЛОВОЙ*) Архимандрит Гурий (Егоров) и ферганские «васильевцы» (1944–1953 годы). – № 2 (L). С. 31-51.

Дмитрий ПАВЛОВ. Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова). – № 3-4 (LI). С. 20-40.

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Юрий ФЛЫГИН. «...О своевременности открытия университета в Ташкенте». Страницы истории Национального университета Узбекистана. – № 1 (XLIX). С. 58-79.

Павел НАЗАРОВ. Погоня по Средней Азии. Отрывок из воспоминаний. – № 3-4 (LI). С. 41-50.

Ефрем РЯБОВ. Убегая от наивных чекистов. О воспоминаниях Павла Назарова. – № 3-4 (LI). С. 51-56.

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Тема: Старый Ташкент

Паина КАЦ. Моя улица, доктор Войно-Ясенецкий и другие воспоминания. – № 1 (XLIX). С. 113-118.

Мунира БАБАЯРОВА. «Не победители». – № 1 (XLIX). С. 119-125.

Нинель РОСИНА. Ташкент и другие города. – № 3-4 (LI). С. 127-156.

Иван ИЛЬИН-ГАЛИЦКИЙ. Чурек для блокадного мальчика. – № 3-4 (LI). С. 157-186.

ПЕРЕВОДЫ

Две проповеди на Праздник Сретения Господня св. Исихия Иерусалимского. Перевод с греческого, предисловие и комментарии Алексея Пернбаума. – № 2 (L). С. 62-73.

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О богопознании. О любви. – № 1 (XLIX). С. 80-83.

О свободе. О святости. – № 2 (L). С. 52-55.

О вере и неверии. – № 3-4 (LI). С. 57-60.

Тема: Проповеди среднеазиатского духовенства (1950-е – 1970-е годы)

Архиепископ Ермоген (Голубев): «Стоять на страже своей души…» Предисловие и публикация *Ольги БОРИСОВОЙ*. – № 3-4 (LI). С. 61-63.

«...Последовать стопам Его». Три речи протоиерея Георгия Касперского. Публикация, предисловие и примечания *Евгения АБДУЛЛАЕВА*. – № 3-4 (LI). С. 64-68.

Иерей Александр КОЛОТОВКИН. Таинства Церкви: Крещение. – № 3-4 (LI). С. 69-74.

Размышления над Евангелием: страницы протоиерея *Сергия СТАЦЕНКО*

Дары Пятидесятницы: возвращение. – № 1 (XLIX). С. 84-88.

Преодолеть соблазны тьмы. – № 2 (L). С. 56-61.

Закон и Завет. – № 3-4 (LI). С. 75-79.

Иерей Сергий КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь». Избранные записи в Фейсбуке последних лет. – № 1 (XLIX). С. 89-105; № 2 (L). С. 82-96; № 3-4 (LI). С. 87-102.

ПРОЗА

Алексей УСТИМЕНКО. Полонез в туркестанском халате. Главы из новой повести. – № 2 (L). С. 77-84.

Ризо АХМАД. Военные рассказы. – № 3-4 (LI). С. 107-126.

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Лидия СЫЧЕНКОВА. Алексей Миронов и его курс «История христианского искусства». – № 3-4 (LI). С. 80-86.

Тема: Поэзия и Вера

«...Наслаждаться этой словесной красотой». На вопросы ВС отвечает поэт и прозаик *Олеся НИКОЛАЕВА*. – № 1 (XLIX). С. 106-112.

«Нет никакого “христианского сектора” в литературе…» На вопросы ВС отвечает критик и литературовед *Екатерина ИВАНОВА*. – № 2 (L). С. 74-81.

Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА*

Выходя из общего потока. – № 2 (L). С. 138-140.

Устойчивость чуда. – № 3-4 (LI). С. 103-106.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svyshe@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты — каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо — о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/department_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал одинарный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («…»). Если внутри цитаты имеются закавыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("…"). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<…>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски ([1], [2], [3] и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:
Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:
Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:
Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:
Бунин И.А. Из записей // *Бунин И.А.* Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:
Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.
Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // *Харджиев Н.И*. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: RA, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:
Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:
Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.
Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21*об.*

Для цитаты из Интернет-источника:
Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше
Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск LI
№ 3-4, 2019, июль-декабрь

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Рег. № 02-15

Подписано в печать 05.03.2020 г.
Печать офсетная. Формат 60x84 1/8. Тираж 1000.
Заказ № (от . .2019).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568